Софья ШОЛОМОВА

ПОТРЕВОЖЕННОЕ ПРОШЛОЕ

Книговедческие этюды
из цикла
«Вблизи В.Г. Короленко»

Софья ШОЛОМОВА

ПОТРЕВОЖЕННОЕ ПРОШЛОЕ

Книговедческие этюды из цикла «Вблизи В.Г. Короленко»

Харьков
2010

Издано на средства автора

Шоломова Софья. Потревоженное прошлое.
Книговедческие этюды из цикла
«Вблизи В.Г. Короленко». – Харьков, 2010. – 231 с.

Компьютерная верстка А.К. Польшин
Редактор В.А. Шоломов

© Софья Шоломова. Потревоженное прошлое.
Книговедческие этюды из цикла
«Вблизи В.Г. Короленко». – Харьков, 2010.

От автора

Отношение Памяти к Истории со временем меняется, поскольку меняется дистанция между ними. И тогда рождаются своеобразные циклы, в которых Память о прошлом постепенно оживает.

Предлагаемый читателю цикл новелл назван так далеко не случайно. Он позволяет хотя бы частично воссоздать эскизные портреты людей, каждый из которых занимал в жизни Короленко важное место, вспомнить о событиях, которые уже отшумели.

В процессе историко-библиографического поиска одни факты, цепляясь за другие, рождали необычную мозаичную картину прошлого.

Известные факты и события в жизни В. Г. Короленко наполнялись новым содержанием. А ранее неизвестные волновали своим таинственным и внутренним смыслом.

Вся общественная и литературная деятельность писателя убеждает нас в том, что его юношеская мечта быть адвокатом, чтобы защищать страдающих людей сбылась, хотя, быть может, и не в традиционной, привычной форме.

В его творческой жизни его близкие, и в первую очередь, братья играли важную роль, о чем рассказывают многие его собственные строки. Одна жизнь переплеталась с другой….

Так родилась эта композиция, в которой автор никоим образом не претендует на полноту раскрытия затронутых тем.

Глава 1

Этюд об одном из племянников В.Г. Короленко

Известно, что старший брат писателя Юлиан своего первенца назвал Владимиром. Но биографических сведений о Владимире Юлиановиче Короленко (1881–1937) сохранилось мало. И долгое время они практически были вообще не находимы, на что были свои скрытые до поры до времени причины. К сожалению, недостаток фактов затруднил создание по возможности полной картины его жизни. Приходится ограничиваться только разрозненными сведениями и предположениями.

Известно, что Владимиру Юлиановичу в жизни пришлось вынести немало испытаний…

2 июля 1919 года (ст. ст.) в дневнике Короленко появилась запись о том, что он написал письмо родному племяннику, сыну Юлиана.

В книге П. Негретова о Короленко приведен большой фрагмент этого письма, в котором отразился интересный эпизод в жизни писателя в период междувластия в Полтаве.

Из письма от 12 (25). 07. 1919 года.

…«*твой престарелый дядя выдержал налет бандитов и даже – прямую физическую борьбу. Было это 29. 06. в 11 часов по новому времени, т.е. почти засветло.*

Во время суеты с эвакуацией совет защиты детей обратился к Лиге с предложением – взять на себя заботу о детских колониях, для чего нам оставили 2 млн. Все это делалось наспех, и 2 млн., полученные из казначейства ночью, были мне доставлены утром. Все это не осталось в секрете, и к вечеру явились двое с револьверами. Один остался со мной в коридоре, другой вышел в переднюю и сделал «для страха» выстрел, увидев, в чем дело, я кинулся в переднюю и быстро схватил бандита за руку с револьвером. Дуня и Наташа кинулись мне на помощь. Во

время борьбы последовал другой выстрел…. По-видимому, он назначал его мне, но мне с помощницами удалось отвернуть руку, и пуля попала в дверь. Другой в это время мог бы перестрелять нас, но, по-видимому, он сообразил, что это бесцельно: выстрелы могли уже привлечь внимание и денег унести все равно бы не удалось, тем более, что Соня, выскочив в окно, унесла чемоданчик к соседям. Посему разбойники (по-видимому, совершенно неопытные) поторопились убежать…. Конечно, следующие дни мне пришлось расплачиваться за эту «победу» обострением сердечной болезни».

Из этого отрывка можно отчетливо представить, сколь тяжкими были условия жизни Короленко, и какие трудности переживала его семья.

***

В пятом томе посмертного собрания сочинений писателя, изданного в 1929 году в редакционной статье приведен еще один фрагмент письма писателя к Владимиру Юлиановичу. (Т. 5. Изд. 1929. Редакционная статья. С. 19).

Обращает на себя внимание не только его содержание, но и время написания этого письма.

12 (25) мая 1920 года Владимир Галактионович писал:

«*Здоровьем похвалиться не могу. Сердце все хуже и хуже. Я вдобавок не могу как-то капитулировать перед болезнью и то и дело огорчаю свое сердце то вмешательством в посторонние дела, то прямо физически.*

Еще в прошлом году рубил дрова, несмотря на протест семейных, копал землю и т.д. Теперь, увы, от этого уже отказался, и даже сапожная работа становится не под силу. Только голова работает недурно и я все подвигаю «Историю современника», посылая каждый раз новую часть в «Задругу»…»

Это письмо есть свидетельство того, что, несмотря на все трудности жизни в годы революции и гражданской войны, его контакт с племянником не прерывался.

Если заглянуть в первый том писем писателя, который охватывает период с 1879 по 1887 год, изданный в 1923 году и подготовленный к печати родными Короленко, то на многих страницах можно встретить упоминание о племяннике.

Почти в каждом письме к Юлиану есть строка и о Володьке. Приведу лишь несколько таких упоминаний:

1886 год.

- «*… крепко обнимаю тебя, Володю, Мамашу»…*
- *…недавно мы получили письмо от Володи…*
- *…обнимаю тебя крепко и Володю тоже.*
- *…Ребята тоже кланяются Володьке…*
- *…Крепко тебя обнимаю, дорогой мой, тебя и Володьку.*

***

В письме к Юлиану от 19 сентября 1886 года после того, как брат овдовел**,** В.Г. Короленко пишет: «*Я знаю твою способность отдаваться всецело чувству к человеку. У тебя, прости мне братскую откровенность, недостаточно выдержки и умения регулировать свои симпатии, распределяя их в должных размерах: одна страсть всегда берет у тебя перевес над всеми остальными. Вот я и боюсь за Володю, а т.к. в Володе я люблю тоже тебя (его я совсем не знаю), то я боюсь за тебя… помни, что раньше, чем жениться на ней, ты являешься отцом, и она станет матерью, став твоей женой. Помни, что не ребенок обязан полюбить новую мать (приказать ему полюбить ее невозможно, а мать должна сама взять эту привязанность и в нем, в Володе, будет или суд или одобрение твоего поступка… если твоя жена станет для него мачехой в обычном значении слова, и если у тебя не хватит для него любви и ты станешь глядеть ее глазами... между прочим в этом и будет страшное преступление перед памятью Мани. Ты знаешь, что я человек без предрассудков. Но эту-то связь, эти обязанности, налагаемые мертвым на живого, я признаю во всем их объеме… я горячо желаю, чтобы ты действительно нашел любящего человека. Это тебе*

Оглавление

От автора……...3

Глава 1.
Этюд ободном из племянников В.Г. Короленко…..4

Глава 2.
Штрихи к портрету старшей дочери Короленко…37

Глава 3.
«Друг всей жизни Софьи Короленко»…….52

Глава 4.
Этюд о крестнице В.Г. Короленко……76

Глава 5.
Друг Короленко Я.К. Имшенецкий……..93

Глава 6.
Два Владимира…….130

Глава 7.
Голос времени (по страницам дневников и
писем В.Г. Короленко)……140

Глава 8.
На харьковских страницах о В.Г. Короленко…...191

Список источников……..226

tatiana.ru/text/32422.html
77. www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors
78. http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/moch02i.htm
79. http://www.ael.ru/iatp/2003/efimova/EKOLOG/tema/te...
80. ttp://intervud.ru/all/memoirs/a/3850.5.html
81. www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors
82. http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/moch02i.htm
83. www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XVI/1580-1600/Jordano_Bruno2/red/htm
84. www.ruthenia.ru/dokument/528893/html
85. www/atheismru.narod.ru/humanism/journal/29/chanyshev.htm
86. www.memo.ru/history/vkvs/regions/rp81_1/htm
87. www/library.lviv.ua/catalog/number/bklsp/14/kn22006_3719/kn22006
88. korolenko/kharkov.com/vydav_2/htm
89. didgest-e/narod.ru/didgest-2003/12-2003/borovich/html

необходимо. Но все же я боюсь, и это чувство ты не можешь не признать натуральным, если взглянешь с нашей точки зрения.
…В Володе – все решение этого дела, а ребенок не может лгать. Его нельзя заставить изречь пристрастный приговор. Дело, конечно, не в баловстве, дело – в любви, в любви равной со своими будущими детьми.
Предполагаемый брак Юлиана не состоялся.

Весна 1887 года. Из письма к брату Юлиану:
«*…Ты теперь почти один, мальчик на время обеспечен, а одна голова, говорят, не бедна…. Ты хоть и старший брат, но по легкомыслию и пылкости чувств тебе суждено вечно оставаться в роли племянника, которому необходимо читать дядюшкину мораль… ободрись дружище. Поцелуй Володю…»*

И хотя из-за сложившихся условий жизни В. Г. Короленко видел племянника редко, тем не менее, был к нему внимателен и постоянно, по мере сил заботился о нем. А судьба Владимира Юлиановича не жаловала: он рано осиротел, потеряв в раннем детстве мать, а в юношеском возрасте и отца….

***

П.В. Негретов в своих воспоминаниях (Почтовый ящик № 223 // Печальная пристань. Сыктывкар, 1991), которые затем составили его книгу – *Негретов П.* «Все дороги ведут на Воркуту». Вермонт, 1985), упоминает о том, что 5 августа 1979 года многолетний исследователь и публикатор текстов писателя, а также большой знаток окружения Короленко – А. В. Храбровицкий (1912–1989) сообщил ему по поводу практически не находимого издания «Писем из тюрем и ссылок» В.Г. Короленко (Горький, 1935). Можно предположить, что эту книгу сразу же запретили.

Храбровицкий приводит следующие сведения**:** *«Именной указатель к «Письмам из тюрем и ссылок» был составлен А. Л. Кривинской и Н. В. Короленко-Ляхович, не опубликован по причинам, по которым в том же 1935*

году были закрыты Общество и издательство политкаторжан, прекращен журнал «Каторга и ссылка». Об идеологических (политических) причинах этого сообщала, жившая в Горьком А. Д. Гриневицкая в одном из писем к Наталье Владимировне (письмо в ГБЛ. Копия указателя есть у меня)».

И далее П. Негретов воспроизводит из этого источника чрезвычайно интересные факты биографии сына Юлиана:

*«На стр. 205 (*имеется в виду книга, вышедшая в Горьком. – С.Ш.) *упомянут Владимир Юлианович Короленко (племянник В. Г. Короленко), родившийся 9 июня 1881 г.*

Он стал адвокатом;

После революции был арестован в Москве – есть отметка Короленко о его письме по этому поводу следователю ВЧК Брику (другу Маяковского);

В 1928 году был защитником на Шахтинском процессе (см. «Правду» от 18 мая 1928 г., с. 5; его речь напечатана в «Правде» от 3 июля 1928 г.).

По моим данным (не помню, откуда), он погиб на Соловках в 1938 г.; в 1937 г. он еще писал оттуда Софье Владимировне».

В данном случае в качестве источника этих сведений называется *неопубликованный указатель* к письмам, который готовили к печати дочь писателя и очень близкий к их семье человек А. Л. Кривинская. Все факты, можно сказать, «из первых уст». Так стало известно, что еще *при жизни Короленко* его племянник был арестован *в первый раз.* Выходит, его арестовывали не один раз. И Владимир Галактионович пытался заступиться за племянника.

Экскурс в историю масштабных репрессий

Новейшая российская история, вероятно, как ни какая другая, полна тайн, лжи и фальсификаций. Со временем некоторые тайны были раскрыты, а многие и поныне окутаны мраком.

Шахтинское дело – это печально знаменитый

59. Вечір пам' яті Короленка (в Харківській Громадській книгозбірні ім.. В.Г. Короленка). З доп. Виступив Б.О. Борович // Вісті ВУЦВК. – 1922. – 5 лют.
60. Творческая жизнь. Памяти В.Г. Короленко (К годовщине со дня смерти). – Х.: Изд-во Харьк. Гос. Б-ки (бывшей Обществ.) им. В.Г. Короленко. – 1922. – 24 с. – Подпись: Борович.
Прим.: На звороті Тит. Арк.. помітка: «Весь доход с издания поступает в книжный фонд им. В.Г. Короленко харьковской Гос. Библиотеки его же имени».

Интернет–источники:

61. http://www.solovki.ca/camp_20/petrograd/gorbunov.php
62. http://orthodoxy.org.ua/uk/poradi_miryaninu/2007/12/12/12771.html
63. http://www.hronos.km.ru/biograf/bio_n/narvolak.html
64. orthodoxy.org.ua/uk/poradi_miryaninu/2007/12/12/12771.html – 60k
65. http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=66692
66. Воспоминания: Мария Андреева, Анна Можайская. http://www.krotov.info/history/20/andreeva.html -
67. socialist.memo.ru/books/html/leont02.htm Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года
68. материалы сайта «Народная Воля» - http://www.narovol.narod.ru/
69. www.hrono.ru/biograf/bio_n/narvolas.html
70. http://narovol.narod.ru/Person/person17_2.htm http://www.narovol.narod.ru/
71. http://ru.wikipedia.org/wiki
72. http://futurum-art.ru/autors/andreevskaya.php
73. http://www.poesis.ru/poeti-poezia/andreevskaja/biograph.htm
74. http://www.laidinen.ru/women.php?code=2722
75. Сосновская Елена Михайловна (1903–1979) – лаборант ПИНа АН СССР. :http://noogen.2084.ru/iefremov/Academy/name_index.
76. Лидия Егорова о М.И. Андреевской. http://www.st-

40. Лит. обозрение. 1991. № 5.
41. Мочалов И.И. В.И. Вернадский и религия. – М., 1991.
42. Мочалов И.И. Братья Владимиры: социальная ориентация В.Г. Короленко и В.И. Вернадского в последние годы жизни // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2002 г. М.: Диполь-Т. 2002.
43. Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1911). – М., 1990. – 285 с.
44. Вернадский В.И. Дневники (1918–1921). – К., 1994.
45. Вернадский В.И. Дневники (1926–1934).. – М., 2001. – С. 392–394, 416–417.
46. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – М., 1981. – С. 17.
47. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – К., 1908–1914. – Т. 1–4.
48. Южный край: газета. – Х., 1918, 23 июля, с. 5; – 9 августа, с. 3.
49. Южный край: газета. – Х., 1919. – 71.
50. Южный край: газета. – Х., 1919. 29. 09. (12.10).
51. «Южно-русский потребитель». – Х., 1918. № 2. (Цит. по кн. Негретова). – С. 29, 105.
52. Коммунист. – Х., 1921. – 2 августа. – С. 4.
53. Катаев В. «Один из последних»: (Короленко в 1919 году). // Коммунист. – Х., 1922. – 1 января.
54. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. // Биографический справочник. – М., 1997.
55. Неволина В.С., Ф.Я. Кон // Вопросы истории КПСС. 1964. – № 5.
56. Черевко А. Борис Осипович Борович (Фінкельштейн) // Дайджест. Е. – 2003. – № 12 (53). Підготовлений до 120-річчя від дня народження Б.О. Боровича.
57. Библиотечные преступники. Сборник статей В. Штейна, А. Белецкого, М. Алексеева / под ред. и с предисловием Б.О. Боровича. «Труд». – Х., 1924.
58. Пам'яті В.Г. Короленка. Доп. На вечорі пам'яті письменника у ХДНБ, Харків, лют. 1922. Джерело: Вісті ВУЦВК. – 1922. – 5 лют.

судебный процесс, состоявшийся в Москве в мае – июле 1928 года. Группа инженеров и техников необоснованно обвинялась в создании контрреволюционной вредительской организации, которая, якобы, действовала в Шахтинском и других районах Донбасса. Пять обвиняемых приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам заключения.

Инженеров и техников предстояло запугать и, таким образом, сломить их сопротивление. Официально называлось «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе». Обвиняемым вменялась в вину не только «вредительская деятельность», но и создание подпольной организации, установление конспиративной связи с московскими вредителями и с зарубежными антисоветскими центрами.

В мае 1928 года в Москве состоялся первый показательный процесс над «врагами народа». Кстати, сам термин впервые появился именно на процессах по «шахтинскому делу».

В качестве сцены был избран Колонный зал Дворянского собрания – здания, уже ставшего тогда Домом Союзов. «Шахтинское дело» разбирало Специальное судебное присутствие (судебный орган был заимствован из дореволюционной жизни), процессуальные функции которого в советском законодательстве не были установлены. Но такие мелочи большевиков никогда не останавливали. Возглавил присутствие ректор Московского университета профессор Андрей Вышинский. Была достигнута главная цель – в стране возникла атмосфера напряженности, психоза и недоверия к инженерам и специалистам.

Среди обвиняемых большинство (35 человек) были горными инженерами, окончившими институт, в основном, до революции.

В зале присутствовали делегации трудящихся, мимо здания проходили тысячи демонстрантов с лозунгами, требуя сурового наказания преступников.

Характерной особенностью процесса явилось то, что многие подсудимые продолжали отрицать свою вину и

на суде. Итоги процесса таковы: в приговоре судебного присутствия были выделены 2 группы врагов, достойных высшей меры наказания.

Конкретное изучение материалов следствия по этому «делу», как и широкого круга ранее недоступных документов тех лет, касающихся деятельности партийно-государственных органов, стало возможным лишь с конца 80-х-начала 90-х годов XX столетия.

Всего было обвинено 53 человека. Судебные заседания проходившие в колонном зале Дома Союзов начались 18 мая 1928 года и продолжались 41 день. Кроме государственных обвинителей (Крыленко и Рогинский), в заседаниях принимали участие 42 общественных обвинителя. Обвиняемых защищали 15 адвокатов. (!) На суде присутствовали многочисленные журналисты, и даже зрители. Лишь 10 из 53 подсудимых полностью признали все предъявленные им обвинения.

То, что Владимир Юлианович в качестве адвоката принимал участие в знаменитом «Шахтинском деле», говорит о его активной гражданской позиции. В дальнейшем, возможно, удастся об этом процессе найти тексты газетных публикаций тех лет, на которые дана ссылка. Быть может, там было напечатано живое слово защиты, а не только обвинения.

Но, скорей всего, эти источники уничтожены и вряд ли находимы.

***

В последующие годы Владимира Юлиановича постигла участь многих достойных людей – гибель на Соловках.

Впечатляет также и последняя фраза, что он старался находиться, насколько это было возможно в его условиях, в постоянной связи с осиротевшей семьей В. Г. Короленко.

В «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицын приводит список тех, кто в разные годы отбывал свой срок на Соловках. Этот список предваряет уточнение писателя: «*Вот немногие соловчане, сохранённые памятью уцелевших…*» (без инициалов!):

2. Архипелаг возникает из моря. YMCA–PRESS, Paris, 1973.
19. Бялый Г. Предисловие к книге С.В. Короленко. Десять лет в провинции. – Ижевск, 1966. С. 5–7.
20. Короленко В.Г. Письма к П.С. Ивановской. – М., 1930. С. 166, 239, 260.
21. Короленко В.Г. Письма к А.Г. Горнфельду. – Пг., 1924. С. 156, 158, 159, 190, 191.
22. Милютина Т. Люди моей жизни. – Тарту, 1997. С. 186–193.
23. Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. – М., 1994.
24. Негретов П.Н. Все дороги ведут на Воркуту. – Вермонт, 1985. – 235 с.
25. Гейштор Л. Вблизи Короленко. – Полтава. 2001. С. 75–79.
26. Гейштор Л. Вблизи Короленко. – Полтава, 2001. С. 56, 57, 60, 61, 63, 65, 67, 68, 71.
27. Короленко. Письма к П.С. Ивановской. – М., 1930. С. 206, 210, 226.
28. Русская мысль. 1915. № 8. Отд. 2. С. 50–71.
29. Літературна Полтавщина. 1966.
30. Лихачев Д.С. Воспоминания. – СПб.: Logos, 1995. – 519 с.: С. 130–132.
31. Коломенкина М. 50-летний юбилей Короленко в Полтаве. – Голос минувшего 1914. № 7. С. 107–137.
32. Короленко С.В. Книга об отце. – Ижевск. Изд-во Удмуртия. 1968. С. 52–53.
33. Сосновский М. Письмо Ленину. – Новая газета. 2003, от 30. 1. № 7.
34. Короленко В.Г. История моего современника. – М., 1965. С. 934.
35. Южная Россия. – Николаев. 1903, от 5 августа.
36. Мир Божий. 1903. № 9. Отд. 2. С. 15–18.
37. М. Юдина. Обреченная абстракции, символике и бесплотной музыке.: Переписка 1946 – 1955. – М. 2008. С. 285–286.
38. Поэзия. Альманах. – М. 1986. № 44.
39. Краткая литературная энциклопедия. – М., 1971. Т. 6. С. 107–110.

Список источников

1. Короленко В.Г. Дневник. Т. 1. – Х., 1925. С. 129.
2. Короленко В.Г. Дневник (1893–1894). – Полтава. Гос. Издательство. 1926. Т. 2.
3. Короленко В.Г. Дневник (1895–1898). – Полтава. Гос. Издательство. 1927. Т. 3.
4. Короленко В.Г. Дневник (1898–1903). – Полтава. ГИЗ. 1928. Т. 4.
5. Короленко В.Г. Записные книжки (1880–1900). Ред. и примечания С.В. Короленко. Предисловие А.Г. Горнфельда. – М. 1935.
6. Короленко С.В. Книга об отце. – Ижевск, 1968.
7. Короленко В.Г. Избранные письма в 3-х томах. – М., 1932-1935. Т. 1–3.
8. Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1921). Под ред. А.В. Храбровицкого. – М. Книга. 1990. – 288 с. (О С.В. С. 116, 132, 151, 170, 191, 193, 198, 201–202, 270).
9. Короленко С.В. 10 лет в провинции. – Ижевск, 1966. – 219 с.
10. Гейштор Л.К. Вблизи Короленко. – Полтава, 2001. С. 12, 14, 17, 18, 21, 23–39.
11. Короленко В.Г. Из дневников 1917–1919. – Память. Исторический сб. Вып. 2. Париж. 1979. С. 374–421.
12. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962.
13. Казаков Алексей. Соловки – Кемь – Медвежьегорск – Санкт-Петербург. – Челябинский рабочий, 2006. 25. 11.
14. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. – Л., 1989.
15. Негретов П.И. Все дороги ведут на Воркуту. – Benson: Chalidze Publication, 1985. 235 с.
16. Негретов П.И. Короленко: Летопись жизни и творчества (1917–1921). Под ред. А.В. Храповицкого. – М. Изд-во Книга. 1990. С. 115.
17. В.Г. Короленко. ПСС. Т. 10. Письма (1915–1921). (Машинопись в ГБЛ. Том не издан).
18. Александр Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ». Гл.

- Ширинская-Шахматова,
- Шереметева,
- Шаховская,
- Г.М. Осоргин,
- Клодт,
- Н.Н. Бахрушин,
- Аксаков,
- Комаровский,
- П.М. Воейков,
- Вадбольский,
- Вонлярский,
- В. Левашов,
- О.В. Волков,
- В. Лозина-Лозинский,
- Д. Гудович,
- Таубе,
- В.С. Муромцев,
- Финансист проф. Озеров,
- Юрист проф. А.Б. Бородин,
- Психолог проф. А.П. Суханов.

Философы:

- Проф. А.А. Мейер,
- Проф. С.А. Аскольдов,
- Е.Н. Данзас,
- Теософ Мёбус.

Историки:

- Н.П. Анциферов,
- М.Д. Приселков,
- Г.О. Гордон,
- А.И. Заозерский,
- П.Г. Василенко.

Литературоведы:

- Д.С. Лихачев,
- Цейтлин,
- лингвист И.Е.Аничков,
- востоковед Н.В. Пигулевская,
- орнитолог Г. Поляков.

Художники:

- Браз,
- П.Ф. Смотрицкий.

Актёры:

- И.Д. Калугин (Александринка),
- Б. Глубоковский,
- **В.Ю. Короленко (племянник).**

Здесь вкралась ошибка, т.к. актером В.Ю. Короленко никогда не был…

***

Но это не единственна ошибка, связанная с его именем. На одном из украинских сайтов была напечатана статья под названием «Весточка из ада», в которой есть такие строки**:**

«Будучи в 30-е годы XX века заключенными на Соловках, Дмитрий Лихачев и Юлиан Короленко пожелали оставить надпись на валуне. Они понимали, что вряд ли выйдут отсюда живыми, и посему желали оставить хоть такую о себе память – передать потомкам весточку из ада концлагеря. Юлиан Короленко там и погиб».

Здесь опять вкралась досадная неточность, поскольку в лагере на Соловках погиб не Юлиан, а его сын Владимир. Эта ошибка будет переходить впоследствии из одного источника в другой….

В данном случае показательно совсем иное – это качественно новый факт. Оказывается, Владимир Юлианович на Соловках дружил с молодым Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Сопричастность судьбы В. Ю. Короленко к судьбе будущей гордости российской культуры позволяет предположить, что Д. С. Лихачев о

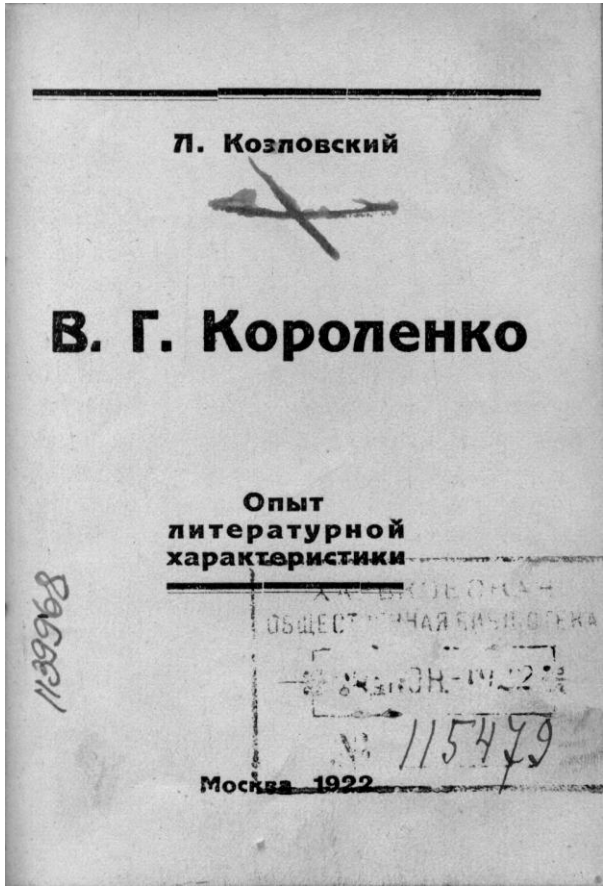
Его очерк о Короленко предвосхитил собой появление другой книги, посвященной В.Г. Короленко, которая по-праву считается первой биографией писателя. Далее речь пойдет о Наталье Дмитриевне Шаховской.

Оба автора выпустили свои размышления о Короленко еще при жизни писателя и, очевидно, были ему хорошо известны, что делает их подлинными раритетами.

явился его небольшой очерк о Короленко, который он издал в 1910 году. Но больше всего его занимала современная польская культура и литература, вот почему его публикации в газете «Русские Ведомости» чаще всего были на польскую тему.

В 1922 году, уехав в эмиграцию, Козловский стал сотрудником журнала «На чужой стороне», и печатался во многих польских журналах и газетах (на польском языке).

Он умер в 1927 году в Варшаве. Ему едва исполнилось 50 лет.



товарище по несчастию мог оставить свои вспоминания. Это предположение подтвердилось.

Так, например, в воспоминаниях Д. С. Лихачева, где речь идет о его пребывании на Соловках, интересен следующий отрывок: *«...В 1931 году появился Владимир Юльянович Короленко... В сущности, знали мы о нем только два факта: что приходился он писателю В. Г. Короленко* ***двоюродным братом*** *и что был он по профессии юристом... Он тоже любил мальчишеские забавы».*

Последняя фраза особенно неожиданна и трогательна в своей непосредственности.

Здесь в воспоминания Лихачева вкралась ошибка: Владимир приходился писателю родным племянником. Но в другой публикации эта неточность уже отсутствует, и более того, приводятся новые подробности их общения. Возвращаясь к пережитому, Лихачев писал: «*Уехал и Володя Раков, и Федя Розенберг, и многие другие. Жить стало еще тоскливей. Я подружился с племянником Короленко, сыном его брата Владимиром Юлиановичем Короленко. Он часто приходил в Кримкаб, благо работал в том же здании УСЛОНа, кажется, юристом. Он был замечательным рассказчиком. При этом энергично жестикулировал, и это подчеркивало отсутствие безымянного пальца на левой руке: явный саморуб. Только впоследствии я узнал, что это было сделано не для отказа от работы. Он хотел заглушить в себе боль раскаяния: на следствии не устоял и кого-то выдал. Он тоже получил пропуск, и мы вместе гуляли по окружающим Кремль лесам, восхищались красотой острова, небес, игрой красок на море, закатами. Ясно помню такую картину. Уже вечерело. Была осень, и мы попали к озеру по Савватиевской дороге. Снега еще не было, но поверхность озера уже была покрыта тонким слоем льда. Мы бросали с ним камни так, чтобы они скользили по льду. Они уносились во тьму на очень далекое расстояние. Потом мы подбрасывали камень кверху, он падал вертикально вниз и пробивал лед. На черной поверхности льда появлялся белый пузырь воздуха и начинал двигаться от*

нас к чистой воде. Становилось совсем темно, и только белые пятна воздуха под тонким черным льдом были видны пропадающими вдали. Почему я это запомнил? Верно, потому, что в детстве в Куоккале я любил бросать камни в море, «печь блины» и бросать круглые камни вертикально вверх, чтобы, падая с высоты в воду, они издавали красивый звук, напоминающий звук открываемой пробки в бутылке».

Из этого отрывка встает вполне зримый облик противоречивой личности с такой нелегкой судьбой.

В своих воспоминаниях Д.С. Лихачев упоминает не только профессию В.Ю. Короленко, но и некоторые другие важные подробности его биографии: «*...У Владимира Юлиановича приговором был расстрел с заменой десятью годами... Мы решили увековечить свое пребывание на Соловках. Короленко достал молоток и зубило, и мы отправились в лес по Муксаломской дороге искать подходящий камень, чтобы выбить наши фамилии. Камень нашли направо от дороги. Местность была холмистой. Холмы были длинные, и между длинными холмами тянулось длинное узкое озеро. На самой высокой точке одного из холмов лежал валун... Работа была тяжелой. Были мы там дважды. Успели выбить: «Корол» – сверху и «Лихач» – снизу, величина букв примерно с ладонь... Когда в последний раз я вернулся в Кремль, я узнал, что меня вызывают на этап... Очень я жалел, что не удалось нам добить наших фамилий, и просил закончить работу Владимира Юлиановича. Впоследствии он сообщил мне через кого-то на Медвежью гору, что надпись закончил».*

Они понимали, что вряд ли выйдут оттуда живыми, и посему хотели оставить хоть какую-то память о себе – передать потомкам весточку из ада концлагеря.

Через всю свою многотрудную жизнь Дмитрий Сергеевич Лихачев пронес устойчивую память о своем голгофском Соловецком периоде. Он писал: «*Не остался я равнодушен и к истории Соловков. Сейчас я вспоминаю то время без чувства обиды, но с известного рода сознанием того, сколько оно мне дало для моего*

В обширной монографии «Юридический факультет харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905)» (Х., 2007) лишь один раз упоминается Козловский, причем без инициалов, в следующем контексте: *«Переход из Варшавского университета и лицеев не допускался вследствие учебных планов, составленных на основании курсовой системы; по исключению были приняты бывшие студенты Варшавского университета – Козловский, Крыпский, Абрамович (1895) ».*

Так обозначились еще две важные подробности в его биографии: во-первых, он приехал в Харьков в 1895 году, когда его отец уже служил присяжным поверенным харьковской судебной палаты. Скорей всего, не так все благополучно обстояло в семье Козловских, если какое-то время они жили врозь. А, во-вторых, до этого Лев Козловский какое-то время был студентом Варшавского университета, и в виде исключения был принят в Харьковский университет, который он так и не окончил.

В справочном издании «Река времен: Русский провинциальный некрополь» (М., 1996) упоминается: *«Станислав Станиславович Козловский, присяжный поверенный, умер 22 марта 1904 года и похоронен в Харькове на католическом кладбище».*

Можно предположить, что именно в это время Лев Козловский и покинул Харьков, перебравшись в Москву, где продолжил обучение в Московском университете.

Его пребывание в Харькове оказалось сравнительно недолгим, по сравнению почти с четверть вековою жизнью в нашем городе его отца.

В харьковской государственной научной библиотеке им. В.Г. Короленко сохранились оба его труда: «Очерки синдикализма во Франции». (М., 1906) и «Новые веяния в социализме перед судом русской критики». (М., 1908), которые, надо полагать, явились результатом его научной деятельности на поприще начинающего ученого юриста.

Вскоре его привлекла деятельность литератора. Одной из первых его работ на литературном поприще и

рассказ о встрече с Адамом Шиманским по пути в Якутск. Примечательно, что он характеризует Козловского именно как *«польского критика»,* что позволяет сделать предположение, что и сам Козловский был уроженцем Польши.

Короленко в этом отрывке цитирует статью Козловского «Памяти А. Шиманского», напечатанную в газете «Русские ведомости» 29 марта 1916 года.

К сожалению, каких-либо свидетельств о личном знакомстве Козловского и Короленко пока обнаружить не удалось.

В современном биографическом энциклопедическом словаре, изданном уже в 2001 году, о Льве Станиславовиче Козловском помещены краткие биографические сведения: *Писатель родился в 1877 году. Учился в Харьковском университете. За участие в студенческом движении был исключен; выдержал экзамен в Московском университете по юридическому факультету. Напечатал: «Очерки синдикализма во Франции». (М., 1906); «Новые веяния в социализме перед судом русской критики». (М., 1908).*

С 1910 года деятельный сотрудник «Русской Ведомости», где поместил много статей о современной польской литературе».

Упоминание об учебе в харьковском университете несколько неожиданно и дает возможность обратиться к справочной краеведческой литературе.

В 1880 году, согласно «Харьковскому календарю», в Харькове жил присяжный поверенный харьковской судебной палаты Козловский Станислав Станиславович, проживавший по ул. Конторской в доме Шатуновой. В более ранних по времени издания справочниках «Харьковского календаря» фамилия Козловского не упоминается.

Надо полагать, это был отец писателя Козловского. То обстоятельство, что он являлся сотрудником харьковской судебной палаты, в какой-то мере объясняет, что его сын первоначально выбрал для обучения именно юридический факультет харьковского университета.

умственного развития. И это вовсе не по поговорке «что прошло, то будет мило». Испытания, которым я подвергался, «милыми» стать не могли…»

Прошло 60 лет, и в 1990-х годах Дмитрий Сергеевич посетил Соловки, пытался разыскать тот памятный валун. Он точно знал местность, помнил местоположение камня. Отсчитал несколько сотен шагов от угловой башни, повернул в одну сторону, в другую, но огромного валуна с надписью так и не нашел. Надписи, выбитые 75 лет назад, были расположены с тыльной стороны камня, и потому с тропы их не было видно, можно пройти мимо и не заметить…. Однако поиски камня все же продолжались….

26 сентября 2004 года появилось сообщение о результатах длительной поисково-исследовательской работы, проведенной сотрудницами Соловецкого музея-заповедника М. А. Луговой и О. В. Бочкаревой. «Камень Лихачева» все-таки был обнаружен. Фотографию этого валуна они даже успели преподнести Дмитрию Сергеевичу в дар.

Выяснились некоторые неточности: надписи были расположены наоборот: Лихачев – сверху, Короленко – снизу, а сам валун находился не направо от основной дороги, а слева, если идти по направлению к острову Большая Муксалма.

***

В 2006 году в журнале «Звезда» (№ 11) появилась интереснейшая публикация под названием «Неожиданный Лихачев». Это была запись беседы Алексея Самойлова с Дмитрием Сергеевичем. На один из отрывков этой беседы следует обратить особое внимание: «*8 февраля 1928 года, несколько месяцев держали в тюрьме в Ленинграде, потом отправили на Соловки, в лагерь. На Соловках я познакомился с племянником писателя Короленко – Владимиром Юлиановичем. Не знаю, как он кончил, – у него был десятилетний срок. У нас были постоянные пропуска на выход из кремля. Мы шли с ним на берег моря и «пекли блины» – бросали в воду плоские камни, надо было изловчиться и метнуть камень так, чтобы он*

сделал как можно больше прыжков-скачков, «блинов». Я этому выучился еще в Куоккале, где очень ловко «пекли блины» Короленко – старший, Владимир Галактионович и Корней Иванович Чуковский…»

Это воспоминание как бы повторяет слова Д. С. Лихачева о том, что *«В.Ю. Короленко тоже любил мальчишеские забавы»*.... А ведь ему было уже немало лет, и за плечами трудная жизнь, исполненная многих лишений и горьких потерь.

Упоминание в воспоминаниях Д.С. Лихачева о приговоре, вынесенном В.Ю. Короленко, и последующей замене его 10-ю годами лагерного срока, позволило направить дальнейший поиск документов в новом направлении. В результате удалось обнаружить « расстрельное дело» В.Ю. Короленко. Приведу его полностью:

«*Короленко Владимир Юлианович (1881–1937), уроженец г. Ленинграда, гражданин СССР, русский, дворянин, беспартийный, юрист, племянник писателя В. Г. Короленко.*

Осужден за контрреволюционную деятельность, террористическую деятельность КОГПУ от 13. 06. 30 г. по ст. 58-8-4-11 УК к расстрелу с заменой на заключение в к/лагерь на 10 лет.

Отбывал наказание в Соловках, заведовал метеостанцией в 1935–1936 гг.

Оперативной частью Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР за к/р террористическую деятельность представлен (Дело № 103008 – 1937 г.) к ВМН. Особой тройкой УНКВД ЛО – Протокол № 83 от 9 октября 1937 года – ***приговорен к расстрелу и расстрелян 3 ноября 1937 года в урочище Сандармох Карельской АССР****».*

Указание на то, что он одно время заведовал метеостанцией, позволило предположить, что он мог встречаться с отцом Павлом Флоренским, отбывавшим свой срок в эти же годы и завершившим свое земное существование тоже в печально известном 1937 году.

Так стали известны не только даты жизни Владимира Юлиановича Короленко, но и обстоятельства,

издательская шрифтовая обложка. Отличная сохранность. 2-е исправленное и дополненное издание. Предназначается для историков русской литературы, библиографов. Редкость».

Особенно интересно в этой аннотации следующее: *«Мне всегда казалось, что Короленко, несмотря на всеобщую любовь и признание его окружавшими, все же недооценен как художник – мыслитель: идейное содержание его произведений исчерпывалось обычно элементарными формулами: «народник», «писатель-гражданин», «гуманист», «борец за правду» и т. д., и то, что было наиболее своеобразным, индивидуальным в его религиозном отношении к миру и к жизни, как будто ускользало от внимания читателя».* (Из предисловия автора).

«… Интересный, мало известный, с оригинальным подходом труд русского литературного и общественного деятеля Л.С. Козловского, лично знавшего Короленко и связанного с писателем не только дружбой, но и общественной деятельностью».

Сообщение о личном знакомстве Козловского с Короленко позволило направить дальнейший поиск в новом направлении.

В «Истории моего современника» в главе «Моя поездка в Якутск. Польский писатель Шиманский» Короленко пишет: *«Польский критик Л. Козловский, посвятивший Шиманскому посмертную статью в «Русских Ведомостях», говорит, между прочим: «Адам Шиманский сразу пленил читателя и новыми картинами природы Сибири, в которой (заметим от себя) погибло столько поляков, и новыми образами польских изгнанников…. В польскую литературу он вошел совершенно неожиданно, готовым талантом, сверкнувшим необычайно ярким светом, и так же неожиданно на долгие годы исчез из нее. Он написал всего несколько рассказов, оставив, однако неизгладимый след в литературе… и затем смолк на целые десятилетия»…»*

Короленко приводит достаточно большую цитату Козловского, органично вплетая ее в свой собственный

модным никогда не был, быть может, потому что его произведения стоят выше времени и принадлежат к числу бессмертных творений русской литературы».

В 1922 году брошюра Козловского о Короленко вновь появилась в печати. Ее переиздало книгоиздательство «Задруга» в ряду других изданий о Короленко как дань памяти любимому писателю.

На титульном листе сохранившегося экземпляра читаем: «Козловский Лев. В.Г. Короленко. Опыт литературной характеристики. Москва. Издательство «Задруга». 1922 г. 63 с.».

Об авторе, к сожалению, удалось узнать немногое. Лев Станиславович Козловский (1877–1927) представлен в большинстве энциклопедий и справочников как *«историк литературы и литературный критик; бывший сотрудник «Русских ведомостей». Как секретарь Комитета помощи голодающим в России (1921–1922).*

То обстоятельство, что Лев Станиславович Козловский был сотрудником газеты «Русские ведомости», позволяет предположить, что его мог хорошо знать сам Короленко, многократно и многолетне печатавшийся в этом либеральном органе и поддерживавший творческие контакты со многими авторами и сотрудниками газеты.

Обращает на себя внимание и другой факт биографии Козловского – его участие в работе Комитета помощи голодающим в России в качестве секретаря Комитета. Напомним, что на призыв этого Комитета отозвался и Короленко, так же, как отозвались на этот призыв и другие лучшие представители творческой интеллигенции России.

Установлено, что в 1922 году Козловский издал в Берлине новую книгу «Владимир Короленко как художник и мыслитель». Книга была напечатана издательством «Возрождение». Ее второе издание вышло в том же году в Париже.

Недавно на книжном аукционе продавался экземпляр этой книги с аннотацией, в которой немало новых и важных подробностей об ее авторе: «Строгая

и даже место его гибели…. Он прожил всего 56 лет.

Этого документа Д.С. Лихачев, конечно, знать не мог.

Свидетельство паломника

Сибирский журналист Алексей Казаков разыскал место массового захоронения жертв сталинского террора. Он писал: «*До сих пор Медвежьегорск хранит следы великой сталинской стройки и в 20-ти километрах по дороге к нему находится страшное место – урочище Сандармох, где уничтожали безвинных людей ежедневно сотнями. При въезде – мемориал памяти погибших и плита с надписью: «Здесь, в урочище Сандармох, месте массовых расстрелов, с 1934 по 1941 год убиты свыше 7 тысяч ни в чем не повинных людей: жителей Карелии, заключенных и спецпоселенцев Белбалтлага, узников Соловецкой тюрьмы. Помните о нас, люди! Не убивайте друг друга!».*

В конце его публикации читаем: «*Напротив небольшая часовня, в ней поминальные свечи и огромная книга со списками в алфавитном порядке всех расстрелянных в этом лесу. В этом списке значится и фамилия Владимира Юлиановича Короленко. За часовней – море крестов-символов, занимающих площадь в несколько гектаров. Перед этим печальным зрелищем меркнет многое…»*

К этому тексту вряд ли что можно добавить, разве только слова Евангелия: «**У Бога все живы**»...

***

27 октября 1997 года Международное общество «Мемориал» и Правительство Республики Карелия официально открыли в Сандормохе мемориальное кладбище, установив первые памятные знаки на обнаруженных захоронениях жертв сталинского террора.

Ежегодно 5 августа в это место приезжают родственники расстрелянных – их дети и внуки из разных городов и стран, чтобы почтить память своих родных и близких. На мемориальном кладбище проходит траурный митинг,

возлагаются цветы, священнослужители различных конфессий проводят поминальные службы.

Дата 5 августа выбрана неслучайно. Именно в этот день 70 лет назад началась самая массовая и самая жестокая в истории политических репрессий в СССР кампания массовых арестов и расстрелов. Поэтому Международный День Памяти в Сандормохе отмечается особо – как день памяти жертв «большого террора» 1937–1938 годов.

Из книги-альбома «Соловецкий монастырь». М., 2000.

- *… он верит в жизнь, в ее способность распутать самый сложный узел житейских отношений.*
- *Он верит жизни, и поэтому не спешит судить и осуждать ее***.**

Козловский вновь риторически вопрошает: *«Что мы знаем о тайне жизни?»*. И сам же отвечает: *«Короленко верит, что эта тайна – хорошая. Он нашел ту мудрость, которая позволяет с радостью принять мир таким, каков он есть «при свете дня»…»*

Вновь касаясь вопроса веры, Козловский цитирует самого писателя: *«Друг, свет уже мелькает», – в этих словах Сократа – вера самого Короленко».*

Примечательна заключительная характеристика Короленко, которую дает автор этой книжки:

- *«Среди людей, верующих в смысл жизни, он – один из самых убежденных.*

Утверждению жизни он отдал свой солнечный талант, столь редкий в нашей проникнутой скорбью и отрицанием, русской литературе.

- *… По качеству того, что он внес в русскую литературу, он занимает в ней одно из первых мест.*
- *Он один из лучших художников русского слова***.**
- *Его слог носит печать классической простоты и редкого изящества, образы – цельные и законченные. Он владеет редким мастерством создавать мелодии не только слов, но и образов».*

Козловский отмечает: *«Рассказы Короленко представляют собой очень глубокие символы».* По его мнению, символический смысл имеют прежде всего следующие рассказы: «Сон Макара», «Слепой музыкант», «Ночью», «Тени», «Мороз», «Сказание о Флоре» и др.

*«Почти все рассказы представляют собой чарующие мелодии стихотворений в прозе…. Он в значительной мере – поэт окраины русской жизни»***.**

Своими размышлениями об особенностях удивительного таланта Короленко автор решил поделиться с читателем в то время, когда еще практически не было книг, посвященных писателю. По этому поводу автор отмечал: *«Короленко – не модный писатель, и*

убеждению:

- *«Короленко никогда не терял веры в смысл жизни и пронес нетронутой сквозь все испытания жизни ту веру, которую он на утре дней своих впитал в себя вместе с теплом и светом солнечных лучей.*
- *… Короленко ночь не пугала. У него упорное стремление к Свету.*

Для него всегда «огни впереди» и, видя перед собой эти огни, он прошел сквозь ночь 80-х годов, не утратив веры».

Козловский ставит вопрос и сам же на него отвечает: *«В чем эта вера? Это – народничество в широком смысле слова, любовь к «меньшему брату», бедному Макару. Короленко не ходил в народ, но сердце его всегда было на стороне людей «дурного общества»…»*

И затем автор выходит на обобщение: *«Совесть поколения Короленко стала болеть сознанием «общей ответственности» – ответственности за весь уклад жизни. Сознание ответственности за весь уклад жизни на первых порах приняло форму вины интеллигенции перед народом и породило учение о долге народу.*

Короленко, глядя на мир при свете солнца, видел в мире не только скорбь, но и радость. Он жизнь брал в дневном освещении… он никогда не доводил этой ответственности до таких исполинских размеров, как это делали другие представители «больной совести»…»

Стремясь выделить художественный метод писателя, Козловский заключает: *«У Короленко очень сильно развито сознание слабости человека перед сложностью жизни, запутанностью жизненных отношений».*

… ему присуще сознание сложности жизни, и он знает, что зло нельзя вырвать с корнем одним ударом…»

И далее:

- *«… в современной великой социальной борьбе – борьбе классов, он соблюдает некоторый нейтралитет,… но эта способность к нейтралитету вытекает вовсе не из отсутствия боевого темперамента…*
- *Там, где для него очевидно, на чьей стороне правда, он готов вступить в борьбу. Об этом говорит вся его публицистическая деятельность.*

Лихачев Дмитрий Сергеевич
(28.11.1906 – 30.09.1999)

Литературовед, культуролог. Чл.-корр. АН СССР по Отделению литературы и языка (русская литература) с 23.10.1953, академик с 24.11.1970. Действительный член многих зарубежных академий. Во время учебы в Петроградском университете участвовал в собраниях дружеского кружка студентов, давшего себе название «Космическая Академия наук». Арестован в Ленинграде вместе с восемью другими участниками кружка 8.02.1928. **В октябре 1928 получил по статье 58.11 пять лет лагерей.** В начале ноября 1928 этапирован на Соловки, затем на Беломорканале. Был на различных физических работах: валил лес, грузил бревна и кирпич, убирал снег, мусор и свиной навоз. Был помощником ветеринара, электромонтером. Вышел 8.08.1932. Судимость была снята как с ударника. Долго не мог найти работу.

Страница соловчанина –
академика Дмитрия Лихачева

Лихачёв писал: «… *С Соловков начался массовый вывоз заключенных на материк. Задолго до официального открытия строительства, соединяющего Белое и Балтийское моря, в Медвежьей горе уже строилось*

здание нового управления Беломорканалом, воздвигались бараки для заключенных в Медвежьей горе и в Повенце, а может быть, и в других местах….

(Цит по кн. Д.С. Лихачев. Книга беспокойств (статьи, беседы, воспоминания). – М.: Новости, 1991.

Документы взывают к памяти

«Нельзя забывать этого преступления. Не чувство мести оно должно вызвать в нас, но стремление к нравственному возрождению, духовный подъем в борьбе против возвращения пережитого ужаса».

Владимир Вернадский, академик.

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной».

Патриарх Тихон (Белавин). Москва. 19.01.1918 г.

Сколько бы историки не писали о трагических событиях в советское время на Соловках – все окажется лишь малой частью.

Когда выслали друга Короленко и его многолетнего издателя С.П. Мельгунова и коллег по издательству «Задруга» в 1922 году, то, оказавшись в западной Европе, он постарался сразу же рассказать об ужасах начинавшейся трагедии на Соловках.

Он, как профессиональный историк и документалист, понимал насколько важно, чтобы о событиях в России узнал мир.

С.П. Мельгунов свидетельствовал: *«Мы, изо дня в день с ужасом и болью ожидавшие эпилога, которым ныне закончилась трагедия в Соловках, и знаем и понимаем эту кошмарную действительность – для нас это не эксперимент... Для нас это свое живое, больное тело. И как мучительно сознавать свое полное бессилие*

Один из первых

В Москве в 1910 году в издательстве «Заря» вышла небольшая книжка, на титульном листе которой значилось: «Козловский Л.С. Владимир Короленко. (Опыт литературной характеристики)». Возникло естественное желание разыскать это издание.

Как оказалось, в ОРИР сохранился один экземпляр книги Л. Козловского. По внешнему виду и размеру эту небольшую книжку можно отнести к так называемым мини-изданиям. В ней всего 46 страниц. Она была напечатана в Москве типографией «Русский труд» в серии «критическая библиотека», которую выпускало издательство «Заря». Ее начало звучит так, словно автор ведет с кем-то доверительную беседу: *«Когда от произведений новейших писателей переходишь к «очеркам и рассказам «Короленко, то кажется, что из современного большого города с его напряженной сутолокой, с его лихорадочными движением и раздражающим шумом попадаешь в мир природы с ее величавым спокойствием. Здесь тоже движение, но спокойное, неторопливое, здесь тоже шум и звуки, но шум ровный, звуки спокойные***.**

… веет в душу спокойной и грустной думой от всех этих звуков ровных и спокойных.

… Душа и природа здесь составляют одно. Вот это-то слияние души с природой, это ощущение природы, проникнутой веянием единой жизни и дается творчеством Короленко.

… у него есть нечто такое – более редкое: он человека приближает к природе.

… у Короленко душа сливается с природой».

Свои размышления автор завершает утверждением: *«Короленко – страстный солнце-поклонник».*

Осмысливая вклад писателя в отечественную современную литературу, Козловский пишет о том, что в то время, когда, по его убеждению, *«ночными мотивами проникнута новая русская литература»,* Короленко вносит радостный тон в русскую литературу. По его

библиографический отдел библиотеки. и пользовался среди сотрудников большим авторитетом.

Но вскоре его деятельность оборвалась: его обвинили в отсутствии *«марксисткого взгляда и подхода»* в библиотечном деле, и уже в 1932 году уволили из библиотеки.

Еще несколько лет он жил, напряженно работая как ученый-библиотековед и библиограф, сумев сказать свое слово в науке о Книге.

Благодаря «архивной справке СБУ», сотрудникам библиотеки удалось уточнить дату и место его гибели. 14 июня 1937 года его арестовали.

А погиб он 23 сентября 1938 года в Киеве. Судьба Бориса Боровича была такой же, как у многих достойных деятелей культуры того времени.

Долгое время его имя находилось в полном забвении и только с 1993 года после посмертной реабилитации стали возвращаться из небытия сохранившиеся его работы.

Печальное время сталинского террора своеобразно отразилось еще в одной судьбе, причастной к имени Владимира Галактионовича Короленко.

17 октября 2003 года в читальному зале ХГНБК была открыта книжная выставка, посвященная 120-летию со дня рождения бывшего сотрудника библиотеки, библиографа и книговеда Бориса Осиповича Боровича (Финкельштейна) (1883–1938). Практически все его книги долгое время находились в «спецхране» и современный читатель не мог с ними познакомиться.

В 20-30е годы он был достаточно широко известен как библиограф и библиотекарь, издатель и большой знаток книги, а также ее страстный пропагандист. Он постоянно искал новые формы диалога с читателем.

Каждый год в коллекцию ОРИР поступают новые материалы и публикации писателя и о писателе. Вот и историко-краеведческие этюды еще далеки от завершения. Они призывают на путь новых поисков, сулящих новые находки…. Поиск неисчерпаем….

помочь даже словом…» Берлин. 1922.

Он отмечал, что аресты и ссылка с 1922 г. стали принимать небывалые размеры.

Об этом он писал в книге «Красный террор в России 1918–1923», которую издал в Берлине в 1924 году.

«Соловки – величайший позор большевиков»

Эти слова написал С. Мельгунов. Он свидетельствовал: «*Этот режим – величайший позор для большевиков, даже если бы он применялся лишь к самым тяжким уголовным преступникам. Когда же в такие условия ставятся побежденные политические враги, то нет достаточно негодующих слов, которыми можно было бы заклеймить эту подлость».*

Мельгунов Сергей. «*Красный террор в России 1918–1923».* Изд. 2-ое дополненное. Берлин.

***

Главным отличием от дореволюционной каторги было то, что вся администрация, надзор, и конвойная команда, т.е. все начальство от высшего до низшего состояло из чекистов, приговоренных за воровство, вымогательство, истязания и прочие проступки.

Центральным местом ссылки становились Соловецкие острова.

Там, вдали от всякого общественного и юридического контроля, в полную власть этих испытанных работников отдано бесправное и безгласное население «красной» каторги...

Ссыльные ходят босые, раздетые и голодные, и работают минимум 14 часов в сутки. Соловкам предстояло стать моделью сталинской системы лагерей принудительного труда – ГУЛАГа.

Соловецкие заключенные находились в лагере на правах рабов, трудясь на лесоповалах и стройках. Именно здесь впервые появилась система трудодней, поставившая размер пайка в зависимость от труда. Таким образом, слабые умирали от голода, а сильные ударно трудились на «стройках века».

Именно здесь к заключенным начали применять пытки.

За малейшие провинности они наказывались чудовищно изобретательно: избиение палками и хлыстами, помещение в карцеры и так называемые «каменные мешки», морились голодом.

Нравственное помешательство

«*Это психическая болезнь, при которой моральные представления теряют свою силу и перестают быть мотивом поведения. При нравственном помешательстве человек становится безразличным к добру и злу, не утрачивая, однако, способности теоретического, формального между ними различения. Неизлечима*».

(Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб., 1905)

Соловецкие лагеря стали государственной структурой и первым «показательным» концентрационным лагерем в мире

В начале ноября 1923 года было издано специальное Секретное Постановление СНК «Об организации Соловецкого лагеря принудительных работ», а также » Совершенно секретное постановление КГБ СССР «О методах и путях сокрытия преступлений коммунистического режима (убийств и расстрелов) в Соловках».

«Остров пыток и смерти» – так назвали этот остров белые офицеры, бежавшие уже с материка за границу в 1925 году, и это название не было поэтическим преувеличением....

«*В первый же год существования СЛОНа* (Соловецкого лагеря особого назначения – С.Ш.) *начались расстрелы. Когда с парохода сходил новый этап, начальник лагеря товарищ Ногтев и начальник оперчасти Буйкис по одному, им только известному капризу, стреляли из карабинов в пробегающих мимо людей. Норма – 10 человек…. Особой нелюбовью у Ногтева пользовались священнослужители. Увидев священника московской дворцовой церкви, он орал: «Эй, опиум для народа! Подай*

самого автора, который помимо печатного слова о писателе, был также непосредственным инициатором и организатором проведения в стенах библиотеки вечера памяти В.Г. Короленко, на котором сам выступил с докладом. Об этом событии сообщала хроника одной харьковской газеты. (Вісті ВУЦВК. – 1922. – 5 лют.)

Следует заметить, что к этому времени библиотеке уже было присвоено имя писателя.

Установлено, что как библиограф, Б.О. Борович выпустил ряд изданий, например, таких:

- Как читать книгу. О чтении. – О книгах. – О записи. – Х.: Изд-во «Труд», 1924. – 128 с. Подпись: Борович. Книга имела следующее посвящение: *«Моему другу – жене Марии Яковлевне Цетлин».*
- Борович. Пути сближения книги с читателем**. –** Харьков.: «Труд», 1922. – 103 с., тираж 5000 экз. Опыт методологии культурной работы в библиотеке.
- Гибель книг. – В кн.: Библиотечные преступники. Сборник статей В. Штейна, А. Белецкого, М. Алексеева, под ред. и с предисл. Б.О. Боровича. – Харьков.: «Труд», 1924. С. 79–98.

Его имя долгое время было предано забвению, и было трудно найти какие-либо штрихи к его биографии.

Борис Осипович Борович родился в Одессе 19 октября 1883 года. Он работал как педагог и принимал участие в организации детского просвещения и был большим энтузиастом свого дела.

В Одессе его запомнили прежде всего как организатора детского клуба. О своем опыте работы он рассказывал на страницах журнала «Школа и жизнь» (1912. – № 31).

С 1916 года – он уже житель Харькова. В том же году стал членом правления ХОБ.

До 1929 года он руководил издательством «Труд».

С сентября 1920 года был зачислен в штат ХОБ. В библиотеке он проявил себя как исключительно творческая личность и был создателем первого в совет-ской России предметного каталога.

Болем 11 лет он возглавлял консультационно-

- *Он не певец одиноких душ. Он не глубокий сердцевед, доходящий до головокружительных высот.*
- *Он не поэт великих индивидуальностей, не мастер тончайшего психоанализа.*

Владимир Короленко – не Лев Толстой с его мировыми идеями и мировой философией…
Короленко и не Михайловский с его теоретическими высотами и далекими горизонтами…

- *Короленко – большой человек земли, строитель повседневной жизни…*

Не борьба идей его захватывает, а борьба явлений и лиц. Не во имя будущего он работает, а во имя настоящего и для настоящего. Не человек вообще его интересует, а данный человек в данной, реальной обстановке. Он поэт толпы.

- *Он знаток психики массового человека и коллектива, потому он и далек от интеллигентского мистицизма и всякого рода сверх-естественных тонкостей.*
- *Короленко-художник, Короленко – публицист, Короленко – общественник и Короленко – человек близок, любим, нужен и дорог всем тем, кто выходит сейчас на арену исторической жизни, кто в тягчайших условиях творит новый быт – всем тем, кому принадлежит ближайшее будущее.*
- *И любовь эта, эта близость, так сильна именно потому, что Короленко – при всей своей кристальной чистоте и строгой принципиальности отвечает ближайшим массовым запросам, удовлетворяет массовому стремлению к жизненным идеалам, близкий, если не по происхождению, то по душе своей, по своей личности, по всей своей жизни.*

Носитель определенных идеалов, он растворяет их в жизненном обиходе и тем приближает к массе.

- *Он подвижник «малых дел» в лучшем значении этого понятия.*
- *Россия провинциальная, народная, подлинная Россия – сердечно любит Короленко».*

Это слово о писателе в какой-то мере отражает и

бороду вперед, глаза в небеса. Скоро Бога увидишь!»…»
(Влад Филатов. Чистый четверг в Соловецком кремле. *Газета «Час», Рига, 03.05.2002*)

***

«Ленин был главным заказчиком. Главные заказчики, как правило, сами не убивают. Они обычно «лишь» духовно развращают, «лишь» заражают своими идеями – «трихинами» (Достоевский) «малых сих», подготавливая из них будущих доносчиков и убийц, главным образом – из молодых... Одни работают пером, другие – топором, но то, что написано пером одних, доделывается топором других».
(Юрий Корякин. Новая Газета, 22.04.2004)

В народе сохранилась такая «шутка»:

«Товарищ, верь!
Дедушка Ленин был опасный зверь,
Что не по нраву – тотчас Соловки,
Сгинули там печники-ходоки».

О роли Владимира Ленина в создании механизма уничтожения людей в Соловецком концлагере очень точно написал Лев Барский в историко-публицистическом детективе «Игра без правил в отдельно взятой стране, или Россия во мгле сталинизма» Он писал: *«Но Ленин успел многому обучить своих будущих приемников. Он создал диктаторскую, монолитную партию, построенную по принципу иерархического, безусловного подчинения руководителю. Придя к власти путем использования коварных компромиссов, он добился запрета или уничтожения всех других партий, органов печати, оппозиционных движений и выступлений. В первые годы советской власти все инакомыслящие были либо расстреляны, либо выдворены из страны. Ленин основал цензуру, Соловки и концлагеря, учредил ЧК с ее практикой массовых расстрелов без суда и следствия, за «недоносительство», убийство заложников. Крестьяне*

были не только обмануты посулами земли, но ограблены подчистую. Все ценности были изъяты не только у поверженных буржуазии, дворянства и монархии, но также у церквей и других религиозных храмов».

(Цит. по источнику: Анатолий Приставкин. Куда мчится локомотив истории. **Дом творчества писателей в Дубулты. 1990).**

***

«*Военачальник Барклай спас русскую армию и независимость отечества, врач Пирогов изобрел эфирный наркоз и спас бесчисленное количество тяжелораненых воинов. Ученики Христа святые Сергий и Серафим всю свою земную жизнь спасали души соплеменников от геенны огненной. Владимир Ульянов-Ленин столкнул в кровавой схватке десятки миллионов людей, открыл Соловецкий лагерь особого назначения и содействовал совершению массовых убийств. Святой?..*» – вопрошает Андрей Харитонов в газете «Куранты» **(Москва, 02.04.1997).**

***

«Каторжное население Соловков в первые годы их существования колебалось от 15 до 25 тысяч. За зиму тысяч семь-восемь умирало от цинги, туберкулеза и истощения. Во время сыпнотифозной эпидемии 1926–27 гг. умерло больше половины заключенных. С открытием навигации в конце мая ежегодно начинали приходить пополнения, и к ноябрю норма предыдущего года превышалась. Такова была повседневная жизнь людей, по большей части без вины оказавшихся в заключении, сокрытая от «нового поколения советских граждан».

(Б. Ширяев. Неугасимая лампада духа).

***

В Президиум ЦИК ВКП(б):

«*Мы заключенные, которые возвращаемся из Соловецкого Конц. лагеря по болезни, которые отправлялись туда полные сил и здоровья в настоящее время возвращаемся инвалидами изломанными и искалеченными морально – и физически.*

Он слишком индивидуален и самобытен, чтобы стать дисциплинированным «партийцем» действенной политической группировки.

Глубоко прав один из друзей Короленко: существуют трагические противоречия между путями революционной стихии и требованиями «моральной личности». И кто следует этим требованиям – моралист Короленко был в их числе, тому заказаны крайние революционные пути, заказано участие в этом стихийном творчестве.

… Короленко – созидатель в мирной обстановке, в повседневной жизни. Это творец культурных ценностей, впитываемых всем черноземом жизни, и потому не столь видимых. Это прекрасный рыцарь культурных «малых дел»…»

Раздел 2.

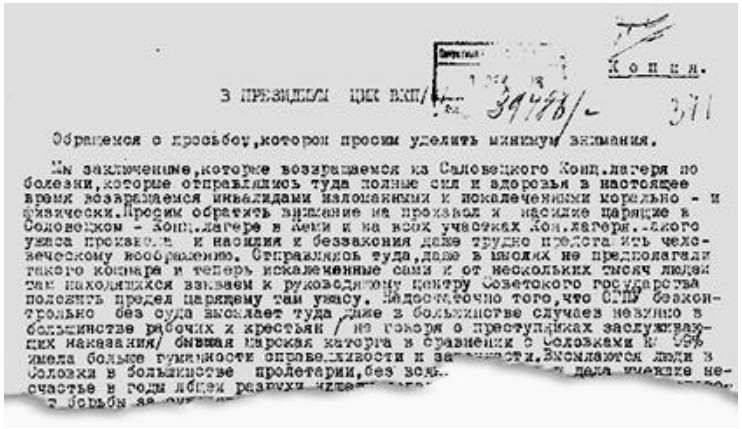
- *«Вл. Короленко – большой человек, прежде всего.*
- *Короленко – крупный общественный деятель, крупный практик – публицист, крупная культурная сила.*
- *Человеческая личность – вот бог Короленко, вот его фетиш, которому он поклоняется во всякое время и при всех условиях.*
- *Ценность жизни и личности человеческой для него превыше всего. Благополучие этой жизни и свобода этой личности – для него всего дороже.*
- *Правдоискатель и заступник, он энергично и стойко протестует против зла жизни… он всюду и всегда добивается правды и справедливости….*
- *От жизни, от случая, от факта – к общим выводам, к принципам, к теории – таков путь Короленко, таков процесс его мышления.*
- *Вся дальнейшая жизнь Короленко, вплоть до последних дней его, посвящена служению народу.*
- *Его единственным оружием является перо, и с этим оружием рыцарь слова и нападает, и защищается, и разит противника».*

Раздел 3.

- *«Владимир Короленко – не Федор Достоевский.*

талант человека пронизывает все его другие таланты. Эта редкая в нем черта придает всей его жизни и всей его работе какой-то особый аромат, особую прелесть.
Это художник-публицист, у которого жизнь и искусство так тесно сплетаются, что почти невозможно указать, где же кончается первое и где начинается второе.
Художник по своему душевному складу, Короленко весь на службе жизни, весь во власти своих идеалов, которым и отдает свое талантливое перо, свою чуткую душу, весь свой пыл, как и весь свой гнев.
Литература для Короленко не есть только профессия. Это – орудие борьбы.
Он горячо верит в светлое «завтра», ибо знает, что оно неминуемо…
Он любит землю, но еще больше – тех, кто ее населяет. Он глубоко любит человека, уважает его, интересуется им. Везде он ищет душу человеческую и всегда находит ее, живую и трепетную – даже на самом дне жизни, под самыми неприглядными покровами.
Человек – прямой продукт жизненных условий, жертва среды и его ли вина, что среда эта столь отвратительна, столь тяжела.
… Короленко – человеколюбец и идеалист, свято верящий в добрую природу человеческую.
… мягкая чуткая душа и глубокая человечность, сентиментальный социалист, любящий и жалеющий все живое и страдающее.
Короленко по своим взглядам и политическим симпатиям принадлежит к революционно-народническому лагерю, находясь в непосредственной близости со всей плеядой народников 70-х годов.
Подлинный демократ, он разделяет идеологию социалистов…. Но он не программный человек, он вряд ли приемлет их тактику, вряд ли способен ей следовать.
Он не человек политической борьбы, не деятель революции.
Он слишком мягок, чтобы быть разрушителем.
Он слишком гуманист, чтобы бороться с классовыми противниками.

Просим обратить внимание на произвол и насилие, царящие в Соловецком Конц. лагере в Кеми и на всех участках Конц. лагеря. Такого ужаса произвола и насилия и беззакония даже трудно представить человеческому воображению».
Обращаемся с просьбой, которой просим уделить минимум внимания.


Копия.

В ПРЕЗИДИУМ ЦИК ВКП(

Обращаемся с просьбой,которой просим уделить минимум внимания.

Мы заключенные,которые возвращаемся из Соловецкого Конц.лагеря по болезни,которые отправлялись туда полные сил и здоровья в настоящее время возвращаемся инвалидами калеками и искалеченными морально - и физически.Просим обратить внимание на произвол и насилие царящие в Соловецком - Конц.лагере в Кеми и на всех участках Кон.лагеря..Такого ужаса произвола и насилия и беззакония даже трудно предста ить чело-веческому воображению. Отправляясь туда,даже в мыслях не предполагали такого кошмара и теперь искалеченные сами и от нескольких тысяч людей там находящихся взываем к руководящему центру Советского государства положить предел царящему там ужасу. Недостаточно того,что ОГПУ бесконтрольно без суда высылает туда даже в большинстве случаев невинно в большинстве рабочих и крестьян / не говоря о преступниках заслуживающих наказания/ бывшая царская каторга в сравнении с Соловками на 99% имела больше гуманности справедливости и законности.Высылаются люди в Соловки в большинстве пролетарии,без всяк.. дела имевшие несчастье в годы общей разрухи идет

Отправляясь туда, даже в мыслях не предполагали такого кошмара и теперь искалеченные сами и от нескольких тысяч людей там находящихся взываем к руководящему центру Советского государства положить предел царящему там ужасу. Недостаточно того, что ОГПУ бесконтрольно без суда высылает туда даже в большинстве случаев невинно в большинстве рабочих и крестьян (не говоря о преступниках, заслуживающих наказания). Бывшая царская каторга в сравнении с Соловками на 99% имела больше гуманности, справедливости и законности. Высылаются люди в Соловки в большинстве пролетарии без всякого повода и дела, имевшие несчастье в годы общей разрухи, нищеты, голода и холода – попасть в водоворот борьбы за существование, и совершившие преступления, за каковые в свое время наказание перед законом и обществом понесли и, возвратившись к честному труду, от которого временно, повторяем, уклонились, т.е. считая, что

кошмарное прошлое с голодом и муками прошло, и тихо и мирно работали на гос. фабриках и заводах, и, несмотря на это, большинство находящихся на Соловках сняты с работ, оторваны от честного труда и семьи. Семьи и дети брошены на произвол судьбы, увеличив тем и без этого огромные кадры беспризорных. Это не выдумка, а факты, которые всегда можно проверить. Но этого недостаточно. Пусть было бы так, раз существует такое право или закон, что людей можно невинно наказывать. Но почему нельзя дать хотя бы возможное существование, не обрекая на муки и страдание. Например: люди, имеющие деньги, устраиваются за те же деньги, и вся тяжесть опять ложится на рабочих и крестьян, к несчастью не имеющих денег и влачат жалкое существование при непосильных работах – раздетые, чуть ли не голые, питаясь падалью, т.к. паек выдается при непосильных работах – ничтожный. Если я сапожник, то за 20–30 руб. могу быть слесарем, такие и другие примеры есть сотни и тысячи. Избиение и издевательство дошло до таких кошмарных пределов, что выразить невозможно. Люди мрут как мухи, т.е. умирая медленной, мучительной смертью, повторяем, что все эти муки и страдания ложатся на плечи лишь пролетариату, не имеющему денег, т.е. на рабочих, имевших несчастье, повторяем, попасть в полосу голода и разрухи, сопровождавшихся после Октябрьских событий, и совершив преступления, лишь спасая себя и семьи от голодной смерти, за каковые наказание в свое время понесли однажды и громадное большинство стали на честную трудовую дорогу. Теперь за прошлое, за которое вину искупили, караются снова, срываются с работ, и главное, что вся тяжесть вопиющего произвола насилия и беззакония, царящего в Соловках и др. участках Конц. лагеря ОГПУ, ложится на плечи рабочих и крестьян. Другие же, как то, контрреволюционеры, спекулянты и т.д., имея полный кошелек в Социалистическом Государстве, устраиваются и живут припеваючи, а рядом в буквальном смысле слова от произвола и беззакония, благодаря надзору, который сплошь состоит

сохранилась удивительная книжка, посвященная писателю. Это необычное мини-издание, на титульном листе которого обозначено:
Борович. Творческая жизнь. Памяти В.Г. Короленко (к годовщине со дня смерти). – Харьков, 1922. Издание Харьковской Гос. Библиотеки им. В.Г. Короленко (бывшей Общественной).
На обороте сообщается: «Весь доход с издания поступает в книжный фонд им. В.Г. Короленко Харьковской Государственной Библиотеки его же имени».
Книжка изготовлена и выпущена в день годовщины В.Г. Короленко в 1-ой государственной типографии имени т. Петровского. Тираж 1000 экз.

В книге всего 24 страницы, но текст чрезвычайно ёмкий и выразительный. Приведу основные мысли и выводы автора:

- *«Каждый писатель имеет своего читателя, и каждый писатель создает определенное к себе отношение этого читателя. Одного глубоко чтут, у другого учатся, в духовном общении с третьим отдыхают, четвертого – любят.*
- *Владимир Короленко принадлежит к числу тех, кого много читают, и кого очень любят – любят душевно, нежно, интимно.*

Почти все его читатели относятся к нему любовно. Всем он душевно близок и мил».

Несмотря на малый объем, в брошюре четкая композиция, которая состоит из трех разделов.

Раздел 1.

- *«Кто он?*

Художник или публицист? Критика на этот счет не единодушна….
Короленко глубоко своеобразен и, находясь, бесспорно, в первых писательских рядах, занимает исключительное место в русской, а, пожалуй, и в мировой литературе.
Он – крупный художник.
Он – яркий публицист, но он большой человек. И его

На его страницах воскрешаются обстоятельства, в которых проходил последний юбилей великого правдолюбца, чей нравственный облик служил примером, как для современников (в том числе современников-харьковчан – С.Ш.), так и для его потомков.

Именно в этом нас убеждает это уникальное харьковское издание.

1 января 1922 года в харьковской газете «Коммунист» года была помещена статья писателя В. Катаева «Один из последних» с подзаголовком «Короленко в 1919 году».

Писатель был поражен масштабом общественной деятельности Короленко при условии все нарастающей его немощи.

В харьковском издании «О голоде», посвященном памяти Короленко и изданном в 1922 году, немало интересных публикаций, но главное – в нем был помещен отрывок из дневника писателя, ранее нигде не публиковавшийся.

30. 05. 1893 года:

«… все мы, довольные и счастливые, роковым образом коллективно виновны перед всеми несчастными... рядом плачут на ветру и в темноте неповинные дети... не этому ли поколению, теперь ещё дремлющему в своем детском неведении, придется вынести всю тяжесть вопросов, которые мы мнили разрешить еще так недавно….

странное щемящее предчувствие будущего, не скажу, чтоб угнетающее или пугающее, но торжественное и значительное, с примесью грусти...

Хочется верить, что их жизнь будет продолжением лучших ожиданий нашей, хотя так часто теперь история отцов и детей повторяется навыворот».

О книге Бориса Боровича о Короленко

В отделе редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеке им. В.Г. Короленко

из отбывающих наказание агентов и сотрудников ГПУ и др., погибают с голода и холода при непосильной 14–16-ти часовой работе, рабочие и пролетарии, не имеющие денег. Жаловаться или писать что-либо, «Сохрани Аллах». Подведут махинацию под исскуст. побег или что-либо другое, и расстреляют, как собаку. Выстраивают на линейку голых и босых при 30-ти градусном морозе и держат по часу. Трудно описать весь тот хаос и ужас, который творится в Кеми на Соловках и др. участках конц. лагеря. Все приезжающие ежегодно комиссии открывают массу злоупотреблений. Но все это в сравнении с действительностью только часть того ужаса и произвола, которые случайно открывает Комиссия (например, это факт, один из тысячи, который зарегистрирован в ГПУ и за который виновные понесли наказание: «ЗАСТАВЛЯЛИ ЕСТЬ СВОЕ ИСПРАЖНЕНИЕ». Проверьте «товарищи», если смеем так выразиться, это (конец первой страницы, далее обратный перевод с английского – авторы «Неизвестных страниц русской истории»). Факт, о котором, мы повторяем, ОГПУ все известно, и из этого вы можете сами сделать выводы о размахе произвола и насилия, творимого надзором и теми, кто озабочен лишь собственной карьерой. Мы уверены, мы надеемся, что в ВКП(б), как нам сказали, много порядочных и гуманных людей; возможно, вы можете подумать, что это все наша выдумка, но можем вам поклясться всем, что нам свято, что это лишь маленькая часть страшной правды. Нам не имеет никакого смысла все это выдумывать. Мы повторяем, и можем повторить сто раз, что, да, действительно, некоторые люди виновны, но, большинство людей страдают невинно, как мы описали выше. Слово «закон», в соответствии с законом Конц. лагерей ГПУ, не существует; что существует, так это только абсолютная власть тиранов, сотрудников, отбывающих наказание, которые имеют власть над нашей жизнью и смертью. Все нами описанное – правда, и мы, которые близки к могиле после трех лет на Соловках, в Кеми и других отделениях, просим улучшить жалкое,

ужасное существование тех, кто страдает под игом беззакония и произвола ОГПУ....

Подписи: *Г. Железнов, Виноградов, Ф. Белинский.* 14 декабря 1926 г.

Из примечаний:

«Размещая этот достаточно известный документ, мы хотим предупредить читателей о том, что нам не известно, где находится оригинал письма. Не имея возможности проверить подлинность этого документа, мы, тем не менее, публикуем его потому, что сообщаемые в нем сведения подтверждаются сотнями показаний, воспоминаний, писем и свидетельств других заключенных Соловков.... Текст этого документа цитируется по двум Интернет – источникам: www.rus-sky.org и www.omolenko.com. В книге для учителя (автор не известен. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. *Книга для учителя. Гл. 2. Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова, 2002*) приведен источник публикации: **Журнал «Отечественные архивы». 1992. № 6. С. 87–89.**

***

Однако расстрелы на Соловках не прекращались и продолжались в 1937–1938 годы.

Кровь леденеет, когда читаешь документы, найденные в архивах сопредседателем Санкт-Петербургского «Мемориала» Вениамином Иофе:

«Доношу, что приговор в отношении осужденных к высшей мере наказания мною приведен в исполнение». И далее с бухгалтерской точностью: «28 октября 1937 г. собственноручно расстрелял 265 человек, 2 ноября – еще 249».

И вот уже награда нашла «героя»: *«Управлением НКВД СССР по Ленинградской области» тов. Матвеев Михаил Родионович за успешную борьбу с контрреволюцией награжден ценным подарком».*

В 1918 году Ф.Я. Кон непосредственно участвовал в создании Компартии Украины.

В 1919 году он из подполья руководил группой польских коммунистов в Киеве и был редактором газеты «Голос коммуниста». Его пребывание в Харькове было недолгим.

В 1930 – 1931 годы Ф.Я. Кон был в Москве заведующим сектором искусств Наркомата просвещения РСФСР.

В 1931 – 1933 годы он возглавлял работу Всесоюзного радиокомитета.

С 1933 года Ф.Я. Кон занял пост заведующего музейным отделом Наркомата просвещения РСФСР.

В 1937 – 1941 годы был редактором общественно-политического журнала «Наша страна».

В 1939 году он напечатал книгу о Дзержинском, опираясь на свои личные с ним встречи.

Он принадлежал к старшему поколению общественных деятелей, вплотную занимавшихся международным революционным движением, и был одним из создателей международной организации помощи борцам революции.

В России были широко известны его публичные выступления по истории революционного движения. В начале 30-х годов он был председателем Всеукраинского Радиокомитета.

Сохранившееся в библиотеке его наследие рассказывает о нем, как о талантливом публицисте, но с достаточно противоречивыми воззрениями.

Каков был финал его жизни накануне второй мировой войны, неизвестно.

С пожелтевших страниц харьковского периодического издания «Колосья» веет горячей и неподкупной правдой того далекого и неповторимого времени.

Именно Валентин Рожицын и Феликс Кон с большой любовью и тщательностью подготовили и издали юбилейный номер, посвященный 65-летию со дня рождения В.Г. Короленко В этом выпуске видны не только любовь и глубокое почтение к писателю, но и высокий профессионализм.

- Кроток сердцем, нежен, любит сказки, Маркса, соловьиное пение….
- В гневе ужасен….
- Произносит речи на всех языках сразу….
- Прославил себя во всех родах литературы, кроме изящной…»

Нарисованный портрет достаточно выразителен и не без известной доли куража.

Феликс Яковлевич Кон (18.5.1984, Варшава. – 28.7.1941, Москва) был историком и этнографом, публицистом, но главное – известным общественным и политическим деятелем.

Окончил классическую гимназию и поступил на юридический факультет Варшавского университета, где был арестован за революционную деятельность.

Варшавский университет он так и не окончил, т. к. начиная с 1882 года, уже принимал участие в революционном движении.

В 1884 году был приговорен к каторжным работам.

До революции он неоднократно арестовывался и содержался в тюрьмах.

С 1890 по 1895 гг.Ф.Я. находился в ссылке в Якутии, а с 1895 года на вольном поселении в Иркутске.

В 1891 – 1904 годы, находясь на поселении в Якутии, Ф.Я. Кон вел этнографические исследования.

Позже он напишет несколько томов интересных воспоминаний о своей жизни под названием «За 50 лет» (М., 1932 – 1934. – Т. – С. 1 – 3).

В 1904 году Ф.Я. вернулся в родную Варшаву. После очередного ареста в 1907 году он эмигрировал в Галицию, а затем жил в Швейцарии.

После Февральской революции вместе с В.И. Лениным приехал в Петроград. После Октябрьской революции много лет работал в Коминтерне.

Ф.Я. Кон в основном был известен как автор работ, посвящённых международному рабочему движению, в котором принимал самое деятельное участие.

В мае 1917года он был назначен в Харьков комиссаром по польским делам.

Три этапа приговоренных

В директиве наркома Николая Ежова записано: «Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек».

После убийства тысячи ста одиннадцати соловчан, Москва требовала новые расстрелы.

«Приговоренные к расстрелу были разбиты на три этапа.

Первый Соловецкий этап (1111 человек) был отправлен в Медвежьегорск и расстрелян в лесном урочище Сандормох в октябре-ноябре 1937 года.

Второй Соловецкий этап погрузили на баржу и вывезли в декабре 1937 года.

«На этот раз приговоренных отправили в Ленинград. Сохранилось предписание коменданту Ленинградского управления НКВД: «*Прибывших из Соловецкой тюрьмы расстрелять».*

Но довезли ли обреченных до Питера, неизвестно, прямых подтверждений этому нет. Возможно, они были расстреляны где-то в другом месте, которое еще предстоит найти.

Третий Соловецкий этап (200 человек) вывезти с островов не успели – море замерзло. Расстреливали на Соловках (февраль,1938).

(Цит. по источнику: Наталья Одинцова. Родом с Соловков. *А.иФ. Петербург, вып. 43 (636) от 26.10.2005).*

***

«Первым начальником СЛОН был Ногтев, попавший туда по той же причине, и позже там же расстрелянный. Он был прост и малограмотен, во хмелю большой самодур: то «жаловал» без причины, отпуская с тяжелых работ, одаривал забранными в Архангельске канадскими консервами, даже спиртом поил, то вдруг схватывал карабин и палил из окна по проходившим заключенным... Стрелял он без промаха, даже в пьяном виде. Засыпать он мог, только будучи очень пьяным, но и заснувши, метался и кричал во сне: «Давай сюда девять

гвоздей! Под ногти, под ногти гони!». До Соловков он был помощником Саенко, знаменитого харьковского чекиста времен гражданской войны».

(**Ширяев Борис. Неугасимая лампада.** ***Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 413 с.*****).**

НОВЫЕ СОЛОВКИ

1923 7 ИЮЛЯ 1925

Разворот газеты «Новые Соловки».
(Первый слева – начальник управления Совлагерей Ногтев А.П.).

«Помимо своей неумолимой жестокости, Ногтев славится в Соловках своей непроходимой глупостью и пьяными дебошами. В самой его физиономии есть что-то, безусловно, зверское. В лагере его называют «Палачом». Живет Ногтев со своей семьей в монастырском Кремле, в первом этаже «Управления северными лагерями особого назначения»…»
(А. Клингер. Соловецкая каторга. Записки бежавшего. Кн. «Архив русских революций». Изд-во Г.В. Гессена. XIX. Берлин, 1928).

протоколы суда над Джордано Бруно местами фальсифицированы. Это, в частности, относится к той их части, где Джордано Бруно представлен «кающимся грешником». Если бы Джордано Бруно «покаялся», то есть отказался от своих убеждений перед судом инквизиции в Венеции, как об этом сообщают заключительные строки протоколов, то инквизиция не мучила бы его после этого восемь лет в своих застенках и не вынесла бы ему приговора, объявляющего его «нераскаянным, упорным и непреклонным еретиком». Комментарии В.С. Рожицына ценны также и тем, что в них приводились отрывки из еще неопубликованных на русском языке произведений Джордано Бруно.

В свое время в среде историков Рожицын был достаточно известен своими разносторонними и полемическими работами.

Только в 1955 году вышла замечательная книга Валентина Сергеевича Рожицына «Джордано Бруно и инквизиция». Его жена М. Рожицына дописала несколько глав и сумела издать труд, завершив таким образом дело, начатое ее мужем и соратником.

В фондах ХГНБК сохранился целый ряд его сочинений.

О Феликсе Коне

В первом номере журнала «Колосья», наряду с главой воспоминаний Ф. Кона, содержится дружеский шарж на него. Вот каковы основные его характеристики:

- «… организатор мировой революции международного пролетариата против всемирного империализма….
- Пишет под 15 псевдонимами….
- Подготавливает к печати личные воспоминания обо всех революциях, начиная с восстания декабристов….
- Знаком лично со всеми выдающимися революционерами, начиная от Петра Великого и кончая Лениным.
- Несмотря на это, молод душой, отважен и неутомим….

В 1922 году Рожицын был лектором в Харьковском Коммунистическом университете, где читал курс по истории первобытной культуры. В том же году ему даже удалось издать очерки по этому предмету в помощь студентам университета.

Печатал он и специальные работы по истории философии и религии. Так, например, в 1925 году была издана его книга «Гегель и Фейербах о религии» (М.– Л.: Госиздат, 1925. – 100 с.).

В конце 20-х годов он печатает в Харькове свою работу под названием «Марксизм и религия». (Х., 1929). Это была последняя его публикация в Харькове.

В начале 30-х годов в период своей работы в Центральном антирелигиозном музее в Москве Рожицын несколько лет посвятил изучению материалов о жизни и деятельности Джордано Бруно.

Установлено, что Рожицын был автором фундаментального труда о Джордано Бруно. Он успел подготовить к печати сборник материалов, озаглавленный «Джордано Бруно. Документы и свидетельства современников», снабженный обстоятельными комментариями и примечаниями, но из-за кончины издать сборник не успел.

«Ценность написанных В.С. Рожицыным комментариев заключается в том, что кроме необходимых фактических сведений о лицах и событиях, упоминаемых в публикуемых материалах, они, раскрывая действительное мировоззрение Джордано Бруно на основании выдержек из его произведений, расшифровывают подлинный смысл сообщаемых протоколами его ответов инквизиторам, подчас скрытый за туманными формулировками, к которым вынужден был прибегать Джордано Бруно в тяжелых условиях инквизиторских допросов…» Эти комментарии дают читателю представление о том колоссальном напряжении мысли, которое выдерживал Джордано Бруно во время допросов, и той титанической борьбе, которую он вел со своими палачами. Автор комментариев с полным основанием высказывает предположение о том, что

***

«Пусть возле памятников Ленину будут таблички с напоминанием о Соловках, созданных при нем, о священниках, уничтоженных по его приказам, о крестьянах, у которых отбирали хлеб, об украинцах, которых в 1918 году большевики расстреливали только за то, что они носили вышиванки или казацкие усы. Советское наследие отравляет всех нас: тех, кто любит Ленина, и тех, кто его ненавидит. Поэтому от него нужно избавляться, как от яда, в частности, от памятников. Не обязательно в физическом смысле – нужно создавать возле них что-то, что снимало бы их с постаментов в символично-духовном смысле... Где была бы сегодня Германия, если бы там продолжали уважать Гитлера?».

(Ярослав Грицак. Возле памятников Ленину нужны таблички с напоминанием о Соловках. Инт. Анатолий Марциновский. «Газета по-українськи», Киев, 29.11.2007).

К 1930 году в бывшем монастыре содержалось более 50 тысяч заключенных. Всего же через Соловки пройдут 400 тысяч человек.

Соловки – это не только наше культурное и историческое достояние и общемировое наследие, признанное ЮНЕСКО. Это и общенациональная святыня, образец духа и стойкости.

Есть уникальное единство духовной и природной составляющих, которые являют собой связь неразрывную.

Подъезжая к Соловкам

образованию был историком, но всю свою жизнь занимался литературным трудом. Он окончил харьковский университет буквально накануне революции... Много печатался и слыл человеком разносторонне одаренным. Из адресной книги Харькова установлено, что в 1917 году Валентин Рожицын проживал по Чернышевской ул. (д. 35).

В его судьбе остается еще немало драматических и до сих пор неизвестных страниц….

Его самая ранняя публикация появилась в печати в 1915 году. Называлась она *«О литературных художественных кружках в ср. школе».* Это позволяет предположить, что в начале своей трудовой биографии он был педагогом.

Известно, что именно В. Рожицын поместил некролог, опубликованный в харьковской газете «Коммунист» (11. 8. 1921 г.), посвященный Александру Блоку, т. е. буквально через несколько дней после кончины поэта. Это была не единственная его статья о Блоке. В 1918 году в журнале «Колосья» Рожицын написал о поэме «Двенадцать».

Он постоянно сотрудничал с харьковскими издательствами «Социалистическая мысль» и «Пролетарий».

Рожицын был известен и как переводчик. Так, например, он перевел с английского языка и издал в Харькове в 1918 году труд известного английского экономиста Джона Аткинсона Гобсона «Империализм».

Это была основная теоретическая работа по экономическим и политическим основам империализма.

Известен его перевод с немецкого языка сочинения Ю. Липперта «Экономические основы христианских праздников» с его же предисловием.

В этих книгах, которые издавались на русском языке впервые, он был также и автором вступительных статей.

В газете «Коммунист» (от 24 января 1922 г.) Рожицын В. напечатал статью «Тоска по белой родине», которая являлась своеобразным откликом на известие о смерти поэта Н.С. Гумилева.

не все одни ошибки.
Признайте законность многих стремлений слишком подавляемых масс и старайтесь ввести эти стремления в русло нового закона и нового права. Не загоняйте новых общественных сил в темные и мрачные подполья, потому что это гибельно.
Пусть они действуют на здоровом солнечном свете, с сознанием ответственности и права, в атмосфере закономерного соревнования с другими общественными силами и свободы. Иначе – новое потрясение, а может быть и конечная гибель».
Признания писателя звучат предельно откровенно и не случайно, что этот журнал в советское время попал в спецхран.

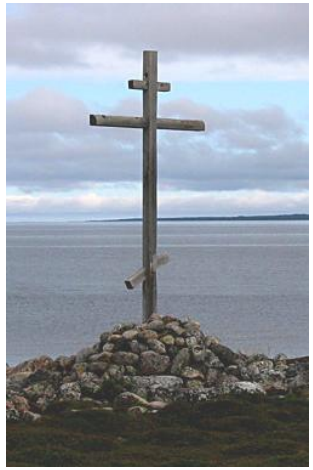
О Валентине Рожицыне

В пятом номере журнала «Колосья» приведен шутливый, на уровне дружеского шаржа, литературный портрет Рожицына. В нем многие определения привлекают внимание. Вот основные характеристики «героя» этого шаржа:

- «… большевики зовут его «Валькой – балтайкой.
- … кумир курсисток.
- … апостол объединения партий, действующий столь успешно, что один его вид приводит к расколу….
- Истый пролетарий….
- Неутомимый литератор, вгоняющий в гроб редакторов статьями, пропорциональными его огромному росту….
- Апостол пролетарского искусства….
- Интернационалист, приводящий в ярость своих противников… добивающий их длинными монотонным голосом произносимыми речами… специалист по всем известным и неизвестным отраслям знания…»

Из этих характеристик вырисовывается «портрет» весьма колоритной личности. Не исключено, что это вообще был авто-шарж.

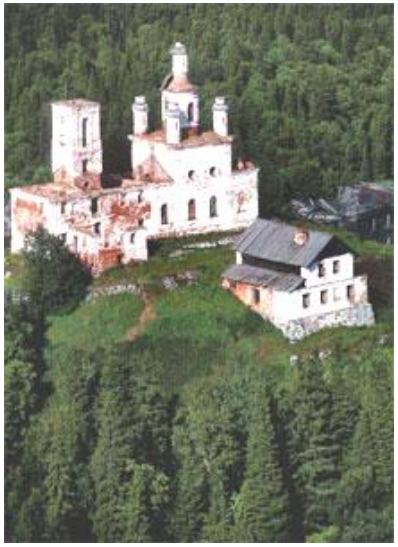
Валентин Сергеевич Рожицын (1888–1942) по



Секирная Гора – место с особо жестокими условиями содержания.

Лестница на Секириной горе, откуда людей сбрасывали, привязав к бревну.
(«…Внизу уже был окровавленный труп, который и узнать было трудно. Там же, под горой, сразу и закапывали в яму». Д. Лихачев»).

Храм на острове Анзер



Помещения храмов ликвидировали, их переделывали под камеры заключенных. Страшный лагерный период завершился только в 1939 году.

Русская Голгофа на Соловецком Анзере, ставшая в XX веке всемирно известным символом страдания народа, сегодня обретает особое значение всероссийского мемориала. Отныне на Анзере всегда будет возноситься молитва «за многострадальное Отечество». Церковь в честь Распятия Господня на горе Голгофе (самой высокой точке Соловецких островов) была построена в конце XVIII века. Восстановительные работы в храме начались в 2002 году и велись с большими трудностями ввиду удаленности Анзера от Большой земли. К настоящему времени церковь отреставрирована, в ней установлен иконостас, подняты колокола, завершается подготовка к освящению. Наряду с печально известной соловецкой горой Секирной, штрафной изолятор на анзерской горе Голгофа вошел в историю репрессий XX века как место мученического подвига и упокоения тысяч узников Соловецкого лагеря особого назначения, со дня создания которого в 1920 году вскоре исполнится 90 лет.

погибло и светлое, великое – сама Россия….

- *… Вл. Соловьев знал, что Россия погибла за то, что она поддалась соблазну льстецов, стала «Россией Ксеркса», покорилась самодержавно… в самодержавии первородный грех, искупление которого – кровь русского народа и жизнь самой России».*

Надо ли удивляться тому, что вскоре это периодическое издание прекратило свое существование, а сами номера журнала были запрещены и долгое время хранились в библиотеке в спецхране. Много лет к ним не было доступа.

Эпиграф Короленко (июль 1918. Полтава) в журнале «Колосья»

Текст: *«Я не социалист-революционер и не социал-демократ. Я просто беспартийный писатель, мечтающий о праве и свободе для всех граждан нашего отечества, выступающий в качестве партизана всюду, где встречаю нарушения права и свободы.*

Обще-социалистический строй моих убеждений не мешает мне признать, что среди того рокового сплетения страшных общих ошибок, от которых теперь погибает достоинство и честь, международное положение и благосостояние России, есть ошибки не одного большевизма, но и других, в том числе социалистических партий. Но все-таки первоисточником наших бедствий я считаю слепую реакционность прежнего строя.

Внутренние силы страны после освобождения крестьян нарастали, а мертвые формы реакционного царизма, сковывали этот рост. Мудрено ли, что мы дожили до страшного взрыва?

Я не считаю себя политиком и не вмешиваюсь никогда в вопросы политической тактики. Но мне хотелось бы обладать достаточно громким голосом, чтобы сказать властителям данной политической ситуации: Не повторяйте страшных ошибок прошлого! Признайте, что в нем было много страшной неправды, а в революции

совершить величайшую революцию духа, христианская религия, нервное и утонченно хрупкое искусство прошлого века, наука буржуазного позитивизма – все это сгорело в войне, и революция развеяла по ветру.

… мы, поднявшиеся из социальной пыли, брошенные в нее войной и возрожденные революцией, не смеем умереть, пока не передадим новым людям, чьи души не будут так мучительно израненны, так переполнены тоской о жертвах войны, – расцветшие в нашей крови и боли священные цветы пролетарской культуры грядущих веков».

Не менее примечательны мысли Рожицына в другой статье – «Слово о погибели русской земли». Приведем некоторые фрагменты из этой статьи:

- *«… скифы – этим именем назвавшие себя поэты, объединенные новым революционно-славянофильским народничеством левые социалисты революционеры, сложили на струнах своей варварской лиры мрачные сказания о гибели России.*
- *Творения скифов дали русской национальной литературе нечто совершенно новое, доныне неслыханное по своим трагическим созвучиям.*
- *… самое потрясающее, что полтора года говорили и кричали о «предателях» и о «гибели России», но слова были мертвые, заученные, и теперь, когда пришла настоящая беда, когда действительно погибла Россия, не изобразить своего горя над нею ни митингово – либеральной речью, ни газетно – патриотической статьей и каким-то совсем иным голосом из глубины надломленной революцией совести….*
- *… царская Россия была проникнута бездонным противоречием: рабства и могущества. Стояла Россия огромная, полмира затмившая черной ризой царского рабства.*

Внутри жили рабы и все, что хватал двуглавый орел жестокими когтями, превращал во прах, в позор, в ничтожество. Когда же освободилась Россия, противоречие не иссякло.

- *Погибло подлое и преступное самодержавие, но*

(Венок сонетов. Русаков Георгий: – Соловецкие острова. 1926.№2-3.)

О твердости, упорстве и терпеньи
Высоких душ в томительной ночи
Твердят темниц истертые ключи
И власяниц терзающий репейник.
Не сдавшихся последнее хрипенье
Потоки слез впитали кирпичи,
И камера во храме не молчит,
Хвалу с хулой мешая в песнопеньи.
Вы, в ком еще живет свободный дух,
Вы, кто к людскому горю был не глух,
К земле склоните честные колени!
И слушайте, волненье сжав в тисках,
Как о судьбе ушедших поколений
Вещает каждый камень в Соловках.

Соловецкий камень

Из воспоминаний Зои Марченко об открытии Соловецкого камня на Лубянке:

«*Десятки лет мы жили, не смея показать фотографию, письмо, упомянуть об ушедших от нас родственниках. Сейчас мы можем прийти к Соловецкому камню и вместе со внуками поклониться Памяти наших родных и близких, погибших в лагерях… Любой человек может зажечь поминальные свечи и ставить их рядом с камнем. И 30 октября, в День нашей скорби, нашей Памяти свечи горят, и каждое дерево стоит в кольце света и огня, словно в озарении. В тот первый день, 10 лет назад, было сильнейшее ощущение единства собравшихся. Нас сплотили тогда общее горе и радость,* ведь мы, наконец, были признаны общей жизнью страны…»

(Цит. по некрологу З. Марченко на сайте общества «Мемориал»: *Кривенко С.* [Некролог] // http://www.bulletin.memo.ru/b21/35.htm).

«Соловецкая свеча»

Духовно-патриотическая акция «Соловецкая свеча», посвящается празднованию Собора новомучеников и исповедников Соловецких.

В канун дня памяти Соловецких новомучеников и исповедников, на Лубянской площади у Соловецкого камня в Москве проходит молодежное молитвенное стояние со свечами.

Символический огонь доставлен самолетом из Голгофо-Распятского скита на соловецком острове Анзер. (День памяти Собора новомучеников и исповедников Соловецких островов отмечается 23 августа.)

«*Соловки станут зарубкой, вехой в истории России. Символом её мученически путей.*

Этот остров можно посещать лишь совершая паломничество, как посещают святыню или памятник скорбных событий, национальных тяжких дат, как Освенцим и Бухенвальд». **(В кн.: О. Волков. Погружение во тьму. – М.,1992. С. 170).**

Соловецкий колокол

Сообщает Благовест-инфо: «Воронеж, 28 июня 2007 г. *Общий вес ансамбля из 22 колоколов, изготовленных по заказу Спасо-Преображенского монастыря на воронежском колокололитейном заводе «Вера» – 32 тонны. По звукоряду это 5 басовых колоколов, 4 теноровых, 6 альтовых и 7 зазвонных. Самый крупный 14-тонник выполнен по уникальной технологии с использованием для заливки керамической оснастки (обычно применяются глиняные формы). Помимо барельефного изображения ликов Соловецких святых на лицевой стороне колокола в центре композиции размещены крест и терновый венец как символы трагедии России XX столетия и Соловецкой обители, ставшей на два десятилетия местом заключения многих священнослужителей и верующих».*

Крепким узлом связываются нити, и связь времен восстанавливается. Преемственность несокрушима: только ею и держится мир.

И заканчивает примечательно: *«Он всё освещает светом примиряющей социалистической любви к человечеству… уже подводятся итоги долгой жизненной борьбы, главное внимание обращено на воспоминания, но живая мысль по-прежнему свежа и готова к бою. Короленко не забывает ничего. Эта полнота прожитой жизни характерней всего для него».*

Рожицын отмечал, что местные власти всеми силами лишают писателя возможности «громко говорить с газетной трибуны», но все-таки Короленко удается «громко и внятно обращаться к обществу и власти, до конца говоря всё, что он думает, не скрывая ничего». Искренность мысли Короленко восхищает автора. Вслед за этим мелькает строка, раскрывающая весьма оппозиционное отношение автора к большевикам. Рожицын пишет: *«С почтительной угрюмой боязливостью труса, на момент завладевшего властью, администрация обходит Короленко, но всеми силами старается наносить ему удары…»*

Рожицын отмечает, что у Владимира Галактионовича есть *«презрение и стойкая ненависть к существующему режиму, как ко всякому, основанному на силе и насилии».*

В журнале также была напечатана статья «Короленко как художник», и подписана она инициалами «В.Р»., что позволяет предположить авторство Валентина Рожицына.

В этой статье подчеркивается редкое дарование, которым обладал Короленко, – даром художественной наблюдательности. Короленко старался зарисовывать всё, что было связано с каким-либо сильным его впечатлением или переживанием. Воспроизведение некоторых рисунков писателя служат естественным украшением всего издания.

В следующем номере В. Рожицын напечатал статью под названием «Обагренные тени», финал которой поражает своими проникновенными словами: *«… мы живем в сумерках величайшей военной катастрофы и самой жестокой, самой тяжелой из всех революций, какие пережила старая Европа. Мы два раза прошли сквозь огонь безжалостных испытаний. Нам дана сила*

вдали, вдохновляющим на труд и борьбу».

Ф. Кон убежден, что *«не погибнет, не может погибнуть страна, которая создала таких людей как В.Г. Короленко».*

В журнале были помещены также и краткие заметки жены Феликса Кона – Христины. Она вспоминала, что они познакомились с Короленко еще зимой 1884 года в Иркутской губернии, и что поразило в нем более всего то, что *«не было в нем ни малейшего авторского самолюбия, ни самомнения, ни тени и ни следа…»* И завершает её краткие воспоминания итоговая мысль: *«Владимир Галактионович тем и велик, и дорог нам всем, что он не спускался, а шел всё выше и выше…»*

Помимо этого, анонимно были напечатаны краткие биографические сведения о Короленко, составленные тем, кто скрыл себя за инициалами «К.О.Н», скорей всего, это также был Феликс Кон.

В своем очерке Валентин Рожицын стремился познакомить харьковского читателя прежде всего с теми чувствами, которые переполняли его после встречи с писателем и личной беседы с ним. При этом он многократно повторяет словосочетание «Дом Короленко» и отмечает удивительную атмосферу, которую он испытал на себе в этом доме. Дом Короленко был полон жизни и своеобразия.

Автор пишет: *«Дом Владимира Галактионовича – цитадель демократии… дом В.Г. Короленко тих, но он не ушел от жизни… в его доме демократические воспоминания прошлого неуловимо сливаются с социально – бурной современностью, но какой-то незримо веющий дух примирения облекает все страсти в белые ризы спокойствия и гармонии».*

Личность писателя буквально заворожила харьковчанина, и потому он и не пытается скрыть свой восторг, когда пишет: *«Короленко живет на Украине, но он – не украинец, не русский – он живет во всём мире. Он – дитя всемирной демократии. Он видел страждущее человечество здесь, в Полтаве, и там – на Волге, и в Сибири…»*

Глава 2

Штрихи к портрету старшей дочери Короленко

С.В.Короленко-гимназистка. Полтава. 1903 год

Старшая дочь писателя – Софья Владимировна Короленко (1886–1957) прожила нелегкую жизнь, исполненную труда и потерь. Ее земной путь прошел как бы в тени ее прославленного отца. К сожалению, серьезного жизнеописания ее нет, и потому любые штрихи к портрету этой подвижнически преданной нравственным заветам отца личности представляют несомненный интерес. Отдельные эпизоды из ее жизни, которые сохранились в разных источниках и публикациях – лишь малая часть, позволяющая представить масштаб ее личности.

***

Она родилась 28 октября 1886 года в Нижнем Новгороде, когда отцу было 33 года, а матери 31 год, и была первым ребенком в семье писателя.

Короленко очень любил детей, и потому в его дневниках много записей их первых слов, суждений и даже целые диалоги и сценки.

16 июня 1893 года Короленко писал: *«Соня вдумчива, нежна, я даже боюсь несколько ее чуткости и легкости вспыхивающего чувства сожаления и симпатии к другим. Боюсь потому, что это нелегкие поверхностные вспышки, а не детская чуткость, которая ей может дорого стоить в жизни…. Она уже задается вопросами о Боге, о первых людях… я взял ее к себе и мы много говорили о Христе. Ее до такой степени захватил этот рассказ, что она забыла о зубной боли. Кроме того, она готова раздать все, что у нее есть, до последнего, и у нее совсем не было периода детской жадности. К физической боли, к холоду и горечи лекарства она ужасно чутка и преувеличивает все это воображением. В довершение – она высока, тонка и худенькая, хотя хворает редко».*

Софья Владимировна любила Полтаву больше, чем другие места их жизни. Уезжая на время, всегда возвращалась сюда.

В 1904 году в дневнике писателя появилась новая запись о старшей дочери: *«Соня кончила с золотой медалью и ее пробные уроки в 8-ом классе обращали внимание. Лицо у нее еще хранит черты детства, в крупной фигуре и спокойных, хотя и застенчивых манерах чувствуется зарождающийся характер. Она спокойна и рассудительна, справедлива. Ее суждения обдуманы и разумны…»*

Вначале она недолго пробыла скромной учительницей сельской школы, а затем стала преданным помощником отца. На ней, в первую очередь, лежала обязанность вести переписку писателя

С 1905 года она стала, по сути, секретарем Владимира Галактионовича, выполняя не только

и олицетворение русской чести. Видимо, донести эту мысль до читателя было крайне важно для автора. Вообще Феликсу Кону удалось найти такие слова о писателе, которые создают вполне зримый портрет, выявляя самые сущностные его черты. Он писал: *«Короленко всюду находил бессмертное в людях – человеческую душу, куда бы его не забрасывала судьба…. Короленко умел в каждом, даже преступном человеке, находить живую душу, не мог не откликаться на боли и страдания этой души… показывая живую душу в каждом человеке, этими самыми картинами, своим живым словом боролся за неё, взывая к пониманию, к хранению и бережению её…. Эту живую душу Короленко отстаивал всюду!».*

Не менее интересно и другое суждение автора: *«Короленко имеет черты Апостола, идущего по пути Правды и Чести… он приносит отзвуки живой веры в то, что горе не бесконечно…. Вооруженный только верой в правоту своего дела, Короленко, как олицетворение русской совести, являлся всегда там, где «надтреснутая скала угрожала раздроблению своих жертв»… в вопросе чести и правды для него не было ни иудея, ни эллина, ни друга, ни недруга – был лишь человек и его страдающая душа…»*

Позиция по отношению к большевикам высказана автором этой статьи весьма определенно: *«Многие заветные мечты Короленко большевиками попраны. Многие его святыни ими осквернены… люди, с которыми он связан идейной и личной близостью, подверглись со стороны большевиков поруганию…»*

Ф. Кон писал: *«… он – народник… я – марксист…. Он склоняется к патриотизму… я – интернационалист… я – живой свидетель его светлой деятельности, почти что насильно, во избежание могущего возникнуть в читателе недоумения, заставляю себя вспомнить и сказать об этом, до того близком мне и сотням таких как я марксистов, В.Г Короленко».*

Завершается статья Ф. Кона не на грустной ноте: *«Автор «Огоньков», – пишет он, – сам в этот момент становится залогом возрождения, огоньком, светящимся*

отдельном приложении.

И это сразу создает особый эффект участия великого писателя в незримом диалоге со всеми харьковчанами.

Помимо произведений юбиляра, – рассказа «Ночью» и путевых набросков «На пристани», – в журнале была помещена и его статья под названием «Что это?».

Эта статья была написана в июне 1918 года, и часть её сначала была опубликована в газете «Киевская мысль», а вот харьковский журнал напечатал полный её вариант.

Приведем ключевые мысли писателя, поскольку они не утратили своего современного звучания и в наши дни: *«Всякое право заслуживает того названия только тогда, когда оно равно для всех. Иначе – это не право, а привилегия.*

Право и самоуправление – единственные якори надёжные, на которых еще может укорениться ладья нашей общественности, носящаяся по воле бурных и непостоянных ветров.

Поэтому газета, которая среди свирепых нелепостей большевизма смело говорила о праве, требовала введения законности, по глубокому убеждению Короленко, делала «самое важное и нужное дело…»

Короленко писал: *«Созидание будущего дается общим напряжением и усилием всех живых элементов страны. И если в этой творческой работе литература играет значительную роль, то источник ее силы в живой связи с обществом, в объединении всех его честных стремлений, направленных на осуществление справедливости и свободы».*

***

Свое слово о писателе сказали, как Феликс Кон, так и Валентин Рожицын…. Оба эти материала органично дополняли слово писателя, одновременно раскрывая сложные связи писателя с читателями и почитателями его художественного и публицистического таланта.

В статье Ф. Кона несколько раз повторяется мысль, что Короленко есть подлинный *«рыцарь Правды и Чести»*

отдельные его поручения, но и вела учет «исходящей и входящей» корреспонденции.

С.В. Короленко помогала отцу в сборе материалов и сопровождала в выездах на места, она же переписывала его публицистические статьи, которые писались как непосредственный отклик на то или другое общественное явление или событие.

В «Книге об отце» С.В. Короленко писала: *«С мая 1895 года, по приглашению Михайловского, Короленко стал вторым официальным издателем «Русского богатства». Четыре года пребывания отца в Петербурге (1896 – 1900) были отданы журнальной работе, и позднее, уехав в провинцию, он оставался одним из редакторов и руководителей журнала».*

Ее «Книга об отце» представляет собой органичное продолжение книги «История моего современника» и содержит, прежде всего, рассказ о деятельности писателя на посту редактора журнала «Русское Богатство», литературно-общественной работе в 1900–1914 годах, а затем о переселении в Полтаву и о последнем периоде его жизни (1915–1921).

Публикация на страницах книги отрывков из неизданных произведений и писем Короленко придает ей в ряде случаев значение первоисточника.

«То, что читатель найдет здесь, – предупреждала С.В. Короленко – не является биографией в настоящем смысле этого слова; это и не воспоминания одного из членов семьи, не рассказ о моем отце и не взгляд на него со стороны. Моя работа – попытка продолжить историю В.Г. Короленко, не завершенную им лично, составляя ее черта за чертой из дневников, писем, печатных произведений, лишь иногда дополненных собственными воспоминаниями.

Установленные точно, на основании документов, даты жизни и деятельности, биографические эпизоды, выясненные по архивным данным, предоставляли возможность проверки материалов даже в случае ошибки памяти отца. Я старалась выделить из массы записей, из множества фактов его жизни то, что лучше и больше

всего выражало бы его образ».

Эту свою задачу С.В. Короленко выполнила с величайшей тщательностью, тактично и добросовестно, и пронизала книгу беззаветной любовью к отцу. Памятью о нем окрашены все страницы, и благородная фигура Короленко встает перед мысленным взором читателя со своим сложным духовным миром и со многими противоречиями, присущими его необыкновенно богатой натуре.

***

Ее труд – «Книга об отце» – охватывал нелегкий период жизни писателя с 1885 по 1921 год – более 35 лет.

Эта книга содержала рассказ о деятельности писателя на посту редактора журнала «Русское Богатство», а также о переселении в Полтаву и его литературно-общественной работе в 1900–1914 годах. Часть книги посвящена последнему периоду его жизни (1915–1921).

Публикация на страницах книги отрывков из неизданных произведений и писем Короленко придает ей в ряде случаев характер первоисточника.

С.В. Короленко объясняла: *«То, что читатель найдет здесь, – предупреждала она, – не является биографией в настоящем смысле этого слова; это и не воспоминания одного из членов семьи, не рассказ о моем отце и не взгляд на него со стороны. Моя работа – попытка продолжить историю В.Г. Короленко, не завершенную им лично, составляя ее черта за чертой из дневников, писем, печатных произведений, лишь иногда дополненных собственными воспоминаниями».*

В «Книге об отце» Софья Владимировна приводит немало архивных документов, которые ранее в печати не появлялись. Нередко она позволяет и себе выступать в роли свидетеля его трудов и дней.

***

Движимый чувством сострадания к ближнему, Короленко был принципиальным противником смертной казни. Он неустанно хлопотал за всех арестованных,

войны.

Во всех номерах журнала основными авторами практически были Феликс Кон, который печатал из номера в номер свои воспоминания, и Валентин Рожицын. Перечень опубликованных его статей в этом и здании приведен в отдельном приложении.

В восемнадцатом номере, оказавшимся последним, были перечислены сотрудники журнала, среди которых есть имена Максимилиана Волошина и Владимира Короленко.

Остаются не ясны причины, по которым это харьковское издание прекратило свое существование.

В предыдущих номерах журнала фамилии сотрудников не указывались.

Хочу обратить внимание, что Короленко согласился на сотрудничество с этим изданием, видимо, после выпуска юбилейного номера, ему посвященного (№ 12).

Всего вышло три специальных номера, посвященных К. Марксу (№ 2–3), Короленко (№ 12) и Пушкину (№ 16). Наиболее цельным получился короленковский выпуск, причем он был напечатан на лучшей бумаге, по сравнению с другими номерами, и с бóльшим количеством страниц.

***

Харьковский журнал «Колосья» стал *одним из первых* периодических изданий, откликнувшихся на юбилейную дату – 65-летие Короленко, которое пресса отмечала летом 1918 года.

Так, в № 12 воспроизводился ряд неопубликованных ранее рисунков писателя, а также фотографии, связанные с его жизнью. И хотя объем журнала невелик, на его страницах широко представлены разные документы, свидетельствующие также и об отношении харьковчан к Короленко. На обложку было вынесено прекрасное фото писателя, которое дополняется словами эпиграфа, написанного им в июне 1918 года специально для журнала. Эти слова приведены в

Николаевской площади (№ 23, – дом Городской управы). Печатался журнал в издательстве «Социалистическая мысль», а типография находилась на Нетеченской набережной (д. 14). Обо всем этом читатель мог прочитать на обложке. Спустя десятилетия каждая такая подробность заслуживает внимания.

Журнал издавался сравнительно недолго, с мая 1918 года. Он заявил о себе как «литературно-художественный и эстетически иллюстрированный еженедельный журнал». В нем печатались рассказы, стихи и критические статьи, но помещалась и пестрая литературная хроника, в том числе и отзывы о новых книгах и выставках. В нем были оригинальные репродукции и иллюстрации, заставки, виньетки и буквицы. Все свидетельствует о глубоком профессионализме, как редакционной коллегии, так и издателей.

Следует отметить, что в то сложное и противоречивое время журнал отстаивал независимость искусства. Он не был выразителем какой-либо одной партии, идеологии или какого-либо определенного течения в искусстве. В нем нередко высказывались мнения, идущие вразрез с официальной точкой зрения. В первом номере, как обычно принято, определялась основная задача нового периодического издания: «Беспартийный журнал ставит своей целью распространение среди пролетариата, трудовой интеллигенции идей и произведений современного искусства».

Чаще всего, на страницах журнала печатались сами соредакторы – Феликс Кон и Валентин Рожицын.

В этом периодическом издании подробно освещалась художественная и театральная творческая жизнь города. На его страницах печатались литературные, живописные и театральные обозрения, а также культурологические и искусствоведческие статьи. Чаще всего, журнал оформляли молодые харьковские художники. В наши дни этот журнал, безусловно, является памятником печати времен революции и гражданской

испрашивал помилование осужденным, при этом классовое положение подзащитных, их отношение к большевикам и место в революционной борьбе не интересовали писателя, поскольку он спасал человека.

В текст ее книги включены многие фрагменты из дневников отца последних лет жизни.

… С.В. Короленко не подвергала их обработке, не делала изъятий. Голос писателя звучал как продолжение и развитие его мыслей и взглядов на бурные исторические события современности, в которых он был не менее активным участником, чем в годы своей юности.

С.В. Короленко нашла оригинальный способ продолжения «Истории моего современника». Это не ее личные воспоминания, а композиция из дальнейших литературных и публицистических работ отца, его писем, дневников. Так что читатель прослеживает жизнь и деятельность Короленко до самого конца, а составитель книги только по необходимости, минимально связывает авторский материал своими словами, превращая его в единое целое и отводя себе в этом процессе второстепенную роль.

***

С.В. Короленко не теряла надежды на издание своей книги, искала издательство…. По совету одного издательства, она стала вырезать все «крамольные места» из текста…. Но даже в «улучшенном» виде этим книгам было нелегко пробиться в печать. К сожалению, сама Софья Владимировна не дождалась выхода в свет своей книги, которая вышла в столице Удмуртии Ижевске спустя 11 лет после ее смерти в 1957 году. Многолетний труд Софьи Владимировны завершила ее преданная подруга М.Л. Кривинская.

Книга объемом в 382 страницы вышла скромным по тем временам тиражом 30000 экземпляров. Она сразу же превратилась в библиографическую редкость.

В 1912 году Софья Владимировна принимала активное участие в работе редакции журнала «Русское Богатство» и даже подписывала выходящие номера

журнала за отца, который привлекался в это время к суду за публикацию статьи Л.Н. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича».
По этому поводу писатель сообщал С. Протопову:
15.12. 1912. СПб.
«… Моя Софья была арестована и сидела две недели по пустякам. Отпустили ее вечером 27-го, т.е. в день суда надо мной».

***

В 1913 году она вместе с отцом присутствовала в Киеве на процессе против Бейлиса. Черносотенцы грозили смертью всем защитникам Бейлиса, к которым причисляли и Короленко. Опасность была вполне реальная. Софья Владимировна ни на минуту не оставляла отца и сопровождала его в суд, вместе с ним ходила и по улицам Киева.

Преследования в царской России не только евреев, но и удмуртов-вотяков, немцев, украинцев побуждали Короленко писать статьи против отвратительнейшего явления – торжествующего национализма. Его авторитет позволял пробудить общественное сознание современно мыслящих людей и предотвратить многие национальные катастрофы.

Следует заметить, что, благодаря авторитету Короленко, в Полтаве никогда не было еврейских погромов. Короленко в эти дни с утра и до вечера выступал на базарах и площадях с разъяснениями, увещеваниями, призывами, и рядом с отцом в эти дни была его дочь.

***

В 1914 году именно Софья Владимировна взяла на себя подготовку к печати его первого полного собрания сочинений, которое вышло в издательстве А.Ф. Маркса как приложение к журналу «Нива». Вместе они подбирали материал и распределяли его по томам, а затем держали корректуру. По этому поводу Короленко писал своему давнему другу В. Н. Григорьеву 18 января 1914 года: *«… много помогает Соня, – не знаю, как бы я без нее справился…»*

Осенью 1919 года в газете «Южный край» была напечатана полемическая статья Короленко, которая называлась «О разрубании узлов и об украинстве», где он писал: *«Украинский вопрос – это тоже своего рода запутанный узел, который многие стремятся разрубить в угоду поверхностному и ложно понимаемому «русскому патриотизму»…»*
… Была своего рода классовая диктатура, вызвавшая острую вспышку: паровой котел, в котором нарастает давление при закрытых клапанах обыкновенно дает взрыв…. Но нет ни одного класса, который мог бы претендовать на безгрешность в той трагедии, которая теперь охватила Россию…»

Владимир Галактионович решительно выступал протии смертной казни и произвола террористических акций. Он писал: *«Политические смертные казни не могут быть оправданы никакими условиями борьбы…»*

Как сообщается в книге П. Негретова (с. 105), «14 мая 1919 года Короленко обращался к И.П. Белоконскому с просьбой о ходатайстве за арестованных харьковским ЧК».
В журнале «Червоний шлях» (1929. № 2. С. 168) журналист С. Липовий писал: *«Короленко все був у защиті і при Деникині, і при більшовиках. Він не допускав розстрілювати людей».*

О харьковском журнале «Колосья»

В 1918 году в Харькове несколько месяцев выходил литературный и художественный еженедельник под достаточно символичным названием «Колосья». За четыре – пять месяцев вышло восемнадцать номеров этого периодического издания, которое справедливо считается библиографической редкостью.

В этом иллюстрированном литературно-художественном еженедельнике, издаваемом при участии «Союза интернационалистов – деятелей искусства», редакторами были Феликс Кон и Валентин Рожицын. Редакция и контора этого еженедельника находилась на

бюро кооперативных и общественных организаций в лице т. И. Цвикита и П.Е. Шишкина, которые передали приветствия по поводу юбилея писателя.
В.Г. глубоко заинтересовался планами деятельности харьковчан, расспрашивая об издании журнала «Внешкольное Просвещение»… об огромном значении кооперации, которая сумела противостоять царскому самодержавию, а в наши дни, хотя бы пассивно сопротивляется большевизму.
Делегация поднесла В.Г. первую книгу «Внешкольного Просвещения». В.Г. отметил полную современность такого издания».

***

В книге П. Негретова сообщается о том, что в харьковском издании «Южно-русский потребитель» в 1918 году (Х., 1918. № 2) была помещена рецензия на книгу Короленко «Падение царской власти». В рецензии были такие слова: *«Можно различно относиться к основным идеям прекрасной книги. Но прочесть её следует всем, к кому обращает свой голос всеми чтимый писатель».*

Газета «Южный край» продолжала выходить и в 1919 году, когда сравнительно недолго в Харькове находилась армия генерала Деникина.
В одном из номеров газеты (№ 71) появился очерк Короленко под названием «Еретические мысли о «единой России». Он писал: *«… К современному кризису, к той анархии, которую мы видим кругом, привели нас крайности централизма и полное подавление самых законных и жизненных стремлений отдельных национальностей. Вывод: нужно признать свободу национальных культур и полное проявление национальных особенностей…. Будущее великой России рисуется мне в виде своего рода федерации (подобие американских штатов) с областными сеймами по вопросам местного законодательства».*
И далее: *«… Государство видело свое могущество в том, чтобы никакого мнения и никакой воли страны не было… чисто полицейская организация – плохой цемент…»*

В ноябре 1915 года она с отцом ездила на похороны брата Иллариона в Джанхот. После возвращения В.Г. тяжело заболел. Ухаживали за ним жена и дочь.

***

Февральская революция застала ее в Петрограде, но летом она приехала в Полтаву. Этого потребовало заметно ухудшившееся здоровье отца.

С.В. Короленко отныне стала постоянно вести его деловую корреспонденцию, принимать вместе с ним посетителей, сопровождать его при посещении ЧК. В последние годы под диктовку отца писала его статьи, письма, третью и четвертую книги «Истории моего современника».

В книге П.Н. Негретова о Софье Владимировне приведено несколько интересных подробностей:
Когда 8. 06. 1920 года происходило свидание писателя с Луначарским, *«Соня была рядом».*
28. 2. 1921 года Соня сделала копию письма Горького к В.Г. Короленко.
С.В. Короленко была социал-демократкой, т. е. меньшевичкой, так же, как и Мария Кривинская.
В апреле 1921 года Владимир Галактионович обратился к Горькому с новым письмом:
«… вам пишет моя дочь Софья… мы с дочерью решили обойтись без этих сношений» (имеются в виду отношения с новой властью – С.Ш.).
26. 5. 1921 года. Из письма Т.А. Богданович к А.В. Пешехонову**:**
«… Соня тоже больна, хотя и работает без устали, а о В.Г. говорить больно… я чаще бываю у Короленко – мрак у них безысходный. От последнего удара им не оправиться…»
Речь идет о смерти зятя писателя – Константина Ляховича.

***

С начала 20-х годов Софья Владимировна активно участвовала в работе «Лиги спасения детей» в детских колониях. Полтавская «Лига спасения детей» была создана

в конце 1918 года. Именно через С.В. Короленко шла реальная помощь голодающим детям.
На Рождество она в течение нескольких лет организовывала елки для детей бедноты с городских окраин. В годы гражданской войны она напряженно и увлеченно работала в «Лиге спасения детей».

Вскоре самые активные деятели этой общественной организации, так же как и члены «Комитета помощи голодающим» были арестованы ЧК и подверглись репрессиям.

Узнав о первых арестах, Короленко обратился с письмом к Горькому и просил сообщить сведения о положении дел Комитета и судьбе арестованных.

14 сентября 1921 года.

«… отцу стало хуже, и я кончаю за него письмо к Вам. Его чрезвычайно волнует вопрос о судьбе арестованных членов общественного комитета. Обвинения против них выдвинуты тяжкие, а отец не может допустить мысли об их виновности…»

Даже находясь в таком подавленном и болезненном состоянии, отец и дочь, тем не менее, не забывали о необходимости заботы о безвинно арестованных и гонимых советской властью.
Без устали Софья Владимировна, как еще недавно ее отец, ходила по разным учреждениям, которые решали судьбу обездоленных или оклеветанных по доносам людей.
Это была последняя забота уже смертельно больного писателя о добром общественном деле.

За месяц до смерти он подписал нотариальную доверенность, по которой поручал старшей дочери ведение всех его дел, заключение договоров и произведение расчетов.

Впечатляют свидетельства о похоронах Владимира Галактионовича, которые записала журналистка Эвелина Блажко со слов Софьи Владимировны:

«Три дня вся Полтава – от школьников до стариков из инвалидного дома, люди всех званий, профессий, возрастов, положений прощались с Короленко.

рабочий» выпустило очерк писателя «На заводе.

В 1925 году в харьковском издательстве «Пролетарий» был напечатан рассказ Короленко «Два мальчика».

По страницам местной периодической печати

25.11.1917 года в газете «Южный край» появилась статья Короленко «Торжество победителей».

Фронтальный просмотр сохранившихся номеров харьковской газеты «Южный край» за 1918 год (к сожалению, полного комплекта за этот год в фонде библиотеки нет – С.Ш.) дал ряд интересных находок.

23 июля на страницах газеты появилась перепечатка письма Короленко следующего содержания: *«В «Полтавском дне» помещено следующее письмо Короленко в редакцию:*
«В местных газетах я прочел известия о тех предположениях, которые некоторыми кружками и учреждениями связываются с 60-летием со дня моего рождения и 40-летием моей литературной работы…. Если говорить о моих желаниях, то самое искреннее из них состояло бы в том, чтобы никакого юбилея в этот несчастный для нашей родины год не было. Настроение далеко не соответствует какому то ни было торжеству. Я понимаю, конечно, что писатель отдает в известной мере себя и свои творения в распоряжение общества и мое желание решающего значения иметь не может. Я глубоко тронут добрым отношением инициаторов юбилея ко мне и к основным идеям моей работы, но прошу всё-таки принять во внимание мое настроение и состояние здоровья – простить меня, если я все-таки уклонюсь от участия в собраниях».

***

9 августа (стр. 3) появилась заметка «У В.Г. Короленко». Это небольшой репортаж о посещении писателя харьковчанами: *«На днях В.Г. посетила делегация от харьковских культурно-просветительных*

- В том же году в Харькове был напечатан очерк Короленко «Страстная суббота» (Х., 1905). Один экземпляр этой брошюры хранится в коллекции ОРИР.

Обе эти книги можно отнести к прижизненным редким изданиям писателя, появившимся в нашем городе.

- В 1917 году чугуевское общество грамотности напечатало публицистическое сочинение писателя «Падение царской власти».
- В 1919 году издательство Всероссийского центрального союза потребительского общества издало в Харькове другое сочинение Короленко-публициста «Война, отечество и человечество». Эта книга вышла восемь раз. Первоначально В.Г. назвал её «Трагедия войны и отечества».

В коллекции ОРИР сохраняется три харьковских издания рассказов Короленко, которые не содержат среди выходных данных год издания. Но по ряду косвенных признаков все их можно отнести к книгам Короленко, которые появились в печати в годы революции и гражданской войны (с 1917 по 1921 год). Эти рассказы были более всего популярны в читательской народной среде и многократно выходили до этого в разных городах.

- Соколинец. – (Х. б. г).
- Убивец. – (Х. б. г.).

Рассказ «Убивец» был напечатан Центральной комиссией помощи голодающим при ВУЦИК. В этой брошюре, в отличие от других изданий такого же типа, более восьмидесяти страниц. Можно предположить время издания – 1921 год**.**

- Черкес. – (Х. б. г.).

Отдельный ряд составляют книги, которые появились впервые через несколько лет после кончины Короленко. Среди них необходимо назвать, в первую очередь, рассказ Короленко «За иконой». Он был напечатан в Харькове к первой годовщине со дня смерти писателя в 1922 году**.**

***

В 1923 году харьковское издательство «Молодой

Двери дома, где прожил он с семьей без малого двадцать лет, были открыты настежь с утра до ночи. Не было ни распорядителей, ни почетного караула, никто не направлял движения непрерывного людского потока…. Но тишина и порядок не нарушались, – расскажет после Софья Владимировна Короленко, а люди все шли и шли…»

Э. Блажко пишет: *«Через тридцать лет, когда я слушала этот рассказ дочери писателя, Софье Владимировне было уже шестьдесят шесть лет. Она тяжко хворала, но продолжала работу над своей «Книгой об отце», над его архивом и многоадресной перепиской, была бессменным директором ею же созданного, а затем заново возрожденного после войны «Полтавского литературно-мемориального музея В.Г. Короленко».*

Интересны впечатления журналистки от внешнего облика дочери писателя, которые она некогда записала: *«До первой встречи представляла ее крупной, коренастой, несколько суровой женщиной. Такой она казалась на фотографиях 20-х годов, особенно по сравнению с более нежной и женственной Натальей. Но в музейный зал, где я была, тогда вошла худощавая, хоть и высокая женщина, с тем особым выражением лица, которое присуще людям большой и доброй души, высочайшей культуры и интеллигентности. Спросила, что я уже знаю о Короленко, о его творчестве. А потом показала несметное количество неизданного, пребывающего в рукописях и газетных вырезках, рассказала о письмах, дневниках, автографах, хранившихся тогда в рукописном фонде Ленинской библиотеки в Москве, и посоветовала ограничить работу где-то 1914 – 1915 годами».*

***

После смерти Короленко началось ее беззаветное служение памяти отца. Именно она подготовила первое посмертное издание сочинений в Госиздате Украины в конце 20-х годов. Софья Владимировна разбирала его рукописи и архив, подготовляя все к печати.

Она была убеждена, что важнее всего было тщательно обработать и упорядочить все творческое наследие В. Г., и

как можно полнее довести до читателя то, что он написал, причем сделать это на высоком профессиональном уровне. В этой работе ей деятельно помогали сестры Кривинские.

С мая 1923 года в редакционной комиссии принимали участие редактор–консультант проф. А. Е. Грузинский, А. Л. Кривинская, А. Я. Имшенецкий, лит. критик А. Б. Дерман, Т. Богданович.

В 20-е годы С. В. Короленко заключила договор с Гослитиздатом Украины на издание ПСС в 48 томах, но было издано всего 23 тома. Тираж был небольшой, бумага и качество печати оказались плохими.

Неизвестно, по каким причинам, скорей всего, по идеологическим, публикация прекратилась после 23-го тома. Однако редакционная комиссия подготовила к печати все 48 томов (полный экземпляр этого титанического труда до сих пор хранится в архиве писателя в отделе рукописей Государственной Национальной Библиотеки (бывшей ГБЛ).

В заметке «От автора», предпосланной книге «Десять лет в провинции» (Ижевск, издательство «Удмуртия», 1966), Софья Владимировна Короленко писала: *«Почти до последних дней своей жизни, преодолевая тяжелую болезнь, мой отец В. Г. Короленко работал над книгой, в которой пытался запечатлеть историю свою и своего поколения, озаглавив ее «История моего современника». Перед смертью он мне сказал: «Пиши ты»…»*

И продолжала: *«Мысль о том, что книга, посвященная его жизни, должна быть дописана, овладела мной, когда мы начали работу в архиве отца, вчитываясь в наброски ранних художественных очерков, дневники, письма и записные книжки, в публицистические статьи и записи, сделанные слабой рукой перед смертью. Из этого источника почерпнуто содержание моей книги, ставящей своей целью собрать материалы к биографии В. Г. Короленко».*

Свою книгу об отце Софья Владимировна начинает с того места, на котором Короленко прервал «Историю моего современника», т.е. с 1885 года, и приезда писателя

Глава 8

На харьковских страницах о В.Г. Короленко

Проследить появление имени Короленко на страницах харьковской печати – мысль давняя и заветная, но до конца мало выполнимая из-за отсутствия в фонде целого ряда местных изданий, тем более, периодических. Две мировые войны заметно отразились на полноте коллекции местной печати. К сожалению, имеются большие лакуны. Да и сама тема многоаспектная и трудно раскрываемая. Поэтому эти миниатюры должны восприниматься как начальное прикосновение к большой, значительной и объемной теме, при этом они ни в коей мере не претендуют на исчерпывающую полноту.

Каждый раз, когда мы находим малоизвестные факты о творческих и духовных связях Короленко с харьковчанами, не покидает чувство неожиданной радости и внутренней сопричастности к некогда имевшим место событиям. Невидимая аура духовности обогащает нас.

Круг авторов-харьковчан, которые знали Короленко, или когда-либо писали о любимом и глубоко почитаемом писателе, сравнительно невелик. Но буквально каждый новый штрих и каждое малоизвестное событие в творческой биографии В.Г. Короленко, безусловно, заслуживают внимания, потому что они расширяют наше представление об этом удивительном человеке.

Книги Короленко, изданные в Харькове

В отделе редких изданий и рукописей сохраняются следующие харьковские издания писателя:

- Рассказ Короленко «Дом №13» о еврейском погроме впервые был опубликован в Харькове в 1905 году в частном издательстве В. Раппа. В дальнейшем эта книжка была запрещена царской цензурой.

В.Г.Короленко в своём кабинете. Полтава, 1921 г.
(последний снимок)

из сибирской ссылки в Нижний Новгород, где ему было разрешено поселиться.

Опубликованная часть этой документальной хроники доводит изложение событий до переезда семьи Короленко в Петербург весной 1896 года.

Опубликованная часть хроники жизни писателя «Десять лет в провинции» дала возможность читателю познакомиться с событиями жизни Короленко до момента его переезда в Петербург.

К созданию книги об отце Софья Владимировна приступила в нелегкие послевоенные годы. Для нее навсегда стали памятны его слова, которые он сказал перед смертью: «Пиши ты». Она была убеждена, что незримо отец помогает ей в работе и как музейного работника, и как автора книги.

Вдова писателя, Евдокия Семеновна мечтала об открытии музея и старательно сохраняла все, что имело отношение к Владимиру Галактионовичу, вплоть до скромной домашней утвари. Именно старшая дочь стала инициатором создания в Полтаве мемориального музея Короленко, и долгое время состояла его бессменным директором.

До войны старожилы Полтавы хорошо помнили, как старшая дочь писателя десятилетиями ходила в одной и той же кофточке и страшно бедствовала.

Один из них вспоминал: *«Время было трудное, и большинство из нас довольствовалось тогда картошкой, фасолью, в большом количестве свеклой…»*

Но и эта еда не всегда была у Софьи Владимировны и ее престарелой матери, которую она похоронила в 1940 году.

В Великую Отечественную войну Софья Владимировна самоотверженно спасала дом, но в первую очередь, архив отца. Вместе с сотрудницами спасала драгоценные материалы музея, приготовив их к эвакуации.

Сразу же после окончания войны Софья Владимировна вплотную приступила к новому открытию мемориального музея. Она стремилась максимально воссоздать подлинную обстановку, которая была при отце.

Вот свидетельство одного из старожилов: *«В мемориальных комнатах поражала удивительная простота, аккуратность: белые салфетки и скатерти на столах и столиках, белые накидки и покрывала – на кроватях. В комнатках Софьи Владимировны было еще проще. В столовой стоял большой квадратный стол, простые венские стулья, никаких украшений. Привлекала лишь старинная кухонная утварь».*

Как вспоминают близкие им люди, которые знали обоих, у отца и дочери было много общих черт и в физическом, и в духовном облике.

У Софьи Владимировны была привлекательная наружность. Об этом ее ближайшая подруга Мария Леопольдовна Кривинская вспоминала:

«… высокого роста, стройная, с очень гладким, без морщин бело-розовым лицом красивой овальной формы… глаза не очень большие, светлые и какие-то ясные, прямой и доверчивый взгляд. Волосы были пепельного цвета, без седины. Длинная коса закладывалась в большую прическу сзади и придавала всей голове какой-то строго-благородный вид. Обаятельная улыбка и заразительный смех. Я никогда не видела ее плачущей. Вообще горе в семье Короленко было очень сдержанным… в дружбе она была разборчива….

Любимая фраза В. Г.: «делайте нужное дело, а деньги будут». Ее повторяла С.В. Короленко очень часто».

Л. Гейштор вспоминала: *«У С.В. был очень хороший вкус, тонкое понимание красоты и любовь к природе. С детства проявлялась любовь к цветам. А потом к растениям вообще… радовалась каждому распустившемуся цветку. Цветок для нее был талисманом удачи…. Очень любила народное искусство».*

И еще: *«… Художественный вкус у С. В. проявился и в любви к старинной мебели искусной работы…. С. В. рассказывала, что В. Г. радовался, когда читал что-то талантливое. Неталантливое его утомляло и раздражало».*

Установлено, что С.В. Короленко занималась

жизни».

Сознание выполненного долга было ему лучшей наградой. Короленко говорил: *«Когда человек свое удовольствие видит в знании, в борьбе за правду в облегчении страданий других, то… его душевный строй становится здоровее, сильнее, личность возвышеннее, крепче».*

Эти слова выражают глубочайшее убеждение писателя. Это был лозунг всей его жизни.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЪ ДЕВЯТЫЙ

МАРТЪ-ИЮНЬ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1918

сохранят еще свое значение и для будущего».

Подводя итоги своей жизни, Короленко писал**:** *«… Оглядываюсь назад, пересматриваю старые записные книжки и нахожу в них много «фрагментов», задуманных когда-то работ, но по тем или иным причинам не доведенных до конца…. Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде мултанского дела или помощи голодающим. Но ничуть об этом не жалею. Во-первых, иначе не мог. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи. Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась без участия в жизни».*

Вот это стремление участвовать в жизни словом, и является определяющей чертой облика Короленко. Писатель не считал, что он жертвует своими личными интересами ради интересов общества, он и не жертвовал собой, а целиком, самозабвенно и радостно, отдавал себя, свой талант художника и публициста людям.

Отдельные мысли В.Г. Короленко представляют собой неоценимые «уроки», раскрывающие атмосферу высоких гражданских поисков Истины и мучительных раздумий. Он писал:

«Коллективное сознание находится в такой психологической фазе, когда мысль не порождает новых идей, а комбинирует их, исходя из всех известных концепций, а не из непосредственных впечатлений жизни.

«Явления всегда выше изображения».

«Художник – зеркало, но зеркало живое, – пишет Короленко. – Он воспринимает из мира явлений то, что подлежит непосредственному восприятию. Но затем в живой глубине его воображения воспринятые впечатления сочетаются в новые комбинации, соответственно с лежащей в душе художника общей концепцией мира. И вот в конце процесса зеркало дает свое отражение, свою «иллюзию мира…»

Жизнь бесконечна. Почувствовать эту Бесконечность – это значит почувствовать религиозное отношение к

творчеством Л.Н. Толстого в связи с изданием его собрания сочинений в 90 томах и была редактором 2-х томов.

«Ее точность и скрупулезность в работе очень ценили…», – так позже написала сотрудник музея Л. Гейштор.

Софья Владимировна тяжело переживала неизлечимую болезнь сестры Натальи, и сильным потрясением стала ее смерть в Полтаве 14 декабря 1950 года.

Л. Гейштор писала: *«В последние годы ее мучило хроническое воспаление тройничного нерва, которое не поддавалось лечению. Лицо ее приобрело страдальческое выражение…*

Интенсивное рабочее состояние было нормой в этой семье.

Она всегда интересовалась, как умирал человек: легко или в страданиях. Считала, что смерть человека соответствует тому, как он жил. Легкая смерть – утешение праведной жизни, трудная – наказание неправильной жизни.

… уход за ней был идеальный: она была в чистоте и покое, хорошо питалась, ее постоянно наблюдали доктора. Все делалось для того, чтобы продлит ее существование даже тогда, когда уже не было никакой надежды на ее выздоровление….

Продолжение ее жизни было подвигом служения ее жизненному призванию».

18 января 1951 года у С.В. случился первый частичный паралич, но через три месяца она поправилась…. В июне 1954 года случился новый удар, после которого она уже не поднялась: лишилась речи, было ограниченное сознание, наступила полная неподвижность, но и в таком состоянии, целых три года, одним фактом своего существования С.В. Короленко *«прикрывала собой музей и его сотрудников от проведения каких-либо реформ».*

Таковы первые найденные «крупицы» сведений, и так не хотелось оставлять их в разрозненном виде.... А

новое узнавание «жития» Софьи Владимировны Короленко будет продолжаться во времени.

широких и узких вратах жизни.
В.Г. Короленко никогда не соблазнялся линиями наименьшего сопротивления».
… Его жизненный подвиг длился почти полстолетия неустанно – от первых шагов сознательного вмешательства в общественные дела до последних ударов пульса в Полтаве.
Так жить «для великого дела любви», быть может, труднее, чем умереть за это дело.
… Он не чуждался скромной роли брата милосердия….
Но по всему складу характера позиция воина была ему родственнее… за каждый свой шаг он отвечал в полной мере и всесторонне».
По собственной терминологии Короленко, он обладал, скорее, *«убежденной»* верой.

Самораскрытие Короленко

«Вся нынешняя культура направлена ложно.
Она достигает порой величайших степеней развития, но тип ее, теперь односторонний и узкий, только с пришествием народа станет неизмеримо полнее и выше…»
(В.Г. Короленко. «История моего современника»).

«В этой книге я пытаюсь вызвать в памяти и оживить ряд картин прошлого полустолетия – как они отражались в душе сначала ребенка, потом юноши, потом взрослого человека. Раннее детство и первые годы моей юности совпали с временем освобождения. Середина жизни протекла в период темной, сначала правительственной, а потом и общественной реакции и среди первых движений борьбы. Теперь я вижу многое из того, о чем мечтало и за что боролось мое поколение, врывающимся на арену жизни тревожно и бурно. Думаю, что многие эпизоды из времен моих ссыльных скитаний, события, встречи, мысли и чувства людей того времени и той среды не потеряли и теперь интереса самой живой действительности. И мне хочется думать, что они

относились, всегда присутствует мотив движения, поиска и развития.

«Я только верю, что впереди будет все светлее, что, кроме нашего маленького смысла, есть еще бесконечно большой смысл, который, однако, преломляется в наших капельках смысла и в наших стремлениях», – писал Владимир Галактионович.

В реальной жизни самого Короленко, по свидетельству его современников, можно отнести к разряду подлинных праведников. Он бескорыстно служил литературе, России и людям. Его личность была полна отваги и мужества на грани бесстрашия.

Короленко был заинтересованным участником, а отнюдь не сторонним наблюдателем всех драматических процессов, которые происходили в России. Он стоически переносил годы ссылки и гонений, суды и преследования, голод и потери близких.

Его жизнь служит примером и образцом.

Сотрудник журнала «Русское богатство» А. Петрищев позже писал: *«Короленко был человеком, который неизменно старался исполнять Христовы заповеди, но, подобно большинству представителей русской интеллигенции, до конца дней оставался далеким от официальной Церкви».*

Такая «не церковность» сочеталась у Короленко с живым интересом к вере и религиозности других людей. Позиция писателя в этом вопросе не оставалась неизменной.

А. Петрищев заканчивает свои воспоминания глубоко выношенными мыслями:

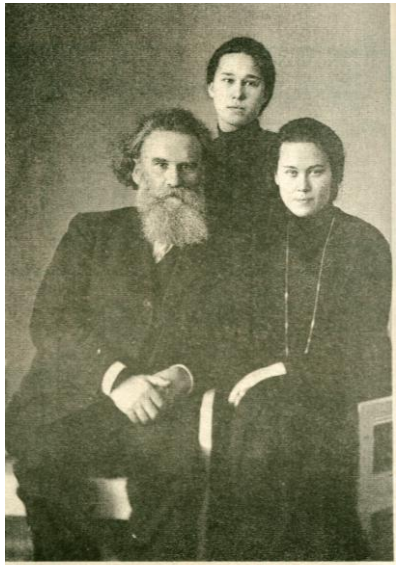
«Доле непрестанного труда и стоического спокойствия перед ударами и невзгодами он остался верен до конца.

… В призме его понятий и убеждений вопросы даже чисто внешнего порядка преломлялись так, что становились личными вопросами совести и чести.

… Вопросы личного достоинства решались в каждом отдельном случае большим умом. Уму малому такие дороги вообще не под силу.

Большим умом решались задачи… и большой чуткостью.

…Думая о нем, я привык вспоминать древний завет о



В.Г.Короленко с дочерьми Софьей и Натальей. Полтава. 1911 г.

С.В.Короленко. Полтава. 1946 г.

Глава 3

«Друг всей жизни Софьи Короленко»

Известный современный историк литературы и многолетний исследователь творчества Короленко Г. Бялый в неопубликованной статье «К биографии Софьи Владимировны Короленко» указывает на то, что *«другом всей жизни Софьи Владимировны и ее душеприказчиком»* была Мария Леопольдовна Кривинская. Она считала своим долгом после смерти Софьи Владимировны довести до конца все то, что осталось незавершенным.

Лишь через десять лет Марии Леопольдовне удалось издать книги С.В. Короленко. Приходилось много хлопотать, просить, бороться и добиваться.

Обе книги вышли в издательстве «Удмуртия» в Ижевске под редакцией доктора филологических наук А. В. Западова. Удмурты навсегда запомнили роль Владимира Галактионовича Короленко в несправедливом по отношению к ним Мултанском деле.

Книга С.В. Короленко «Десять лет в провинции» вышла в 1966 году, когда Марии Леопольдовне было уже 79 лет! Ее имя было названо лишь в корректуре и в примечаниях. Все силы и всю свою энергию она направила на завершение дела Софьи Владимировны Короленко.

В предисловии к книге С.В. Короленко «Десять лет в провинции» Г.А. Бялый отмечал: *«... Остались подготовленные ею или при ее самом активном участии дальнейшие публикации работ Короленко, его писем, дневников, записных книжек. Остался неопубликованным и ее труд о жизни отца, представляющий собою своеобразное продолжение и окончание «Истории моего современника».*

Спустя два года была напечатана «Книга об отце». В ней имя М. Л. Кривинской упоминается дважды. Так, например, в примечаниях указывается: *«Кривинская М. Л., род. в 1887 г., – сотрудница С. В. Короленко по «Лиге*

«... Что-то во мне разладилось. Главное, кажется, в настроении. Настроение меняется, и то, что я начал в одном тоне, приходится или бросить, или начинать в новом. Все окрашивается очень мрачными, совсем мне до сих пор не свойственными оттенками <...> Главное, что меня угнетает, это невозможность писать <...> Для беллетристики непременно нужна устойчивость настроения, а ее-то и нет».

В этот момент Короленко испытывает чрезвычайное недовольство собой, работой и всей своей жизнью за последние годы. Он пишет: «*Мне стало страшно, когда я, оглянувшись, увидел, что целых десять лет я только сражался с мелочами и «описывал», почти совсем не живя. Это чисто репортерски - писательское отношение ко всему – ужасно. Я заменил жизнь суррогатами…*»

В 1917 году Короленко писал А.Г. Горнфельду по поводу создания им «Слепого музыканта»:

«... Моя главная художественная задача была не специально психология слепого, а психология общечеловеческой тоски по недостижимому и тоски по полноте существования».

19 мая 1920 года Горький получил письмо, в котором Короленко писал: *«... Себя далеко не могу считать человеком религиозным. Но у меня навсегда осталось религиозное отношение к свободе чужого убеждения и чужой веры, которое возмущается слишком простым решением таких вопросов посредством простого насилия».*

27 мая 1921 года, всего за несколько месяцев до кончины, он продиктовал старшей дочери чрезвычайно важную мысль: *«Я считаю, что дело религии еще не покончено…. Когда самый атом уходит в бесконечность, открывает в свою очередь такую же бесконечность для пытливого человеческого ума, и мироздание опять превращается в тайну, это, конечно, далеко не та мистическая религия, допускающая чудеса и волхования, но все-таки это опять… бесконечность…»*

В его размышлениях, к какому бы времени они не

Еще в 1887 году он писал издателю журнала «Русская мысль» В.А. Гольцеву: *«Я пишу немного, и главное – никак не могу овладеть моим воображением настолько, чтобы в каждой отдельной фразе, по возможности, даже взятой отдельно от других – слышалось отражение главного мотива, центральное, так сказать, настроение. Иногда это мне дается сразу, с одного размаха, иногда подолгу не могу выждать соответственного настроения. Тогда я откладываю работу, пока основной мотив как-нибудь не зазвучит в душе».*

6 ноября 1889 года в письме к давнему приятелю А.К. Маликову он признавался: *«… Я сильно изменился во многом. Я, как и Вы, теперь подымаю глаза к небу. Для меня, как и для Вас, – жизнь представляется чем-то огромным, таинственным и высоким, и, чтобы отыскать ее законы и ее смысл, мое воображение порывается за пределы, ограниченные, с одной стороны рождением, с другой – смертью. Одним словом – я признаю начало, но я не признаю и никогда не признаю догматизма. Есть постоянное совершенствование в религиозной мысли, как и во всякой другой, и для своего возрождения вера требует сомнения, исследования и усвоения нового материала, представляемого мыслью, познанием. Погасить тот огонь сомнения и познания – это значит отречься от истинного Бога, которого я не знаю, но который для меня более живет в истине, в познании, в совести, в правде, чем в кадильном дыму и иконах».*

В дневнике 1895 года Короленко записал: *«… Может быть, только начинаю, а может быть, уже и верю».* Очевидно, что в этой записи речь шла именно о христианстве.

В другой дневниковой записи, которая также относится к 1895 году, он записал: *«Сам я скептик, хотя отчасти и верующий».*

В дневниковой записи октября 1896 года встречается такое признание: *«Меня не оставляет надежда, что вернется опять вера и сила…»*

Весной 1897 года он рассказывал в письме брату:

спасения детей», в дальнейшем помогала Софье Владимировне в редакторской работе».

В своей книге Софья Владимировна приводит такую подробность: «*В нашей квартире оставались я, тетка отца Е. И. Скуревич и мой друг М. Л. Кривинская, с которой мы вместе работали в детских колониях. Часть детей при наступлении добровольцев успела эвакуироваться вместе с отступавшей Красной Армией, но оставшиеся три тысячи ребят были разбросаны по разным уездам и находились в очень тяжелых условиях. (...) Объезд колоний для раздачи денег был сопряжен с большой опасностью».*

В книге «Письма Вл. Короленко к П.С. Ивановской» (М., 1930) писатель неоднократно упоминает о Марии Кривинской, причем каждое упоминание в разном контексте свидетельствует о ней как о достаточно близком человеке всей их семьи. Приведу лишь несколько таких упоминаний:

27 октября 1915 года.
«… Маня поправляется: опасность 5-го рецидива уже миновала. Ходит с палочкой по комнате…»

11 ноября 1915 года.
«… Маня Кривинская выздоровела и переехала к нам, т. к. ее квартира была сырая».

2 ноября 1916 года.
«… Маня Кривинская получила работу и командирована в Саратов…»

15 января 1917 года.
«… Маня уехала…»

22 мая 1917 года.
«... Соню ждем со дня на день с Маней Кривинской и Костей». (Костя – зять писателя. – С.Ш.).
В письмах В.Г. Короленко к многолетнему соратнику по работе в журнале «Русское богатство» А.Г. Горнфельду

также несколько раз упоминается Маня Кривинская, причем в самом разном, но неизменно интересном контексте.

16–29 июня 1918.
«…Одновременно с этим письмом Мария Леопольдовна Кривинская привезет вам 10 глав «Современника». 74 писанных на машинке страниц…. Это, пожалуй, слишком много для одной книжки.
У меня дальше еще листов 7. Надо только привести черновик в порядок и кое-где заполнить пробелы. Надеюсь сделать это к последней книжке. Первая часть второго тома – наименее, пожалуй, интересная. Со следующей книжки пойдет интереснее. Во всяком случае, в этом году закончить не придется. Можно постараться, чтобы отдельные части имели цельное значение, но… в виду только «тесных обстоятельств» относительно места в журнале и времени – и в этом не вполне уверен…. Сейчас боюсь перегружать Марию Леопольдовну…»

7 июля 1918.
«Опять оказия в Питер, но скоропалительная. Поэтому ограничиваюсь несколькими словами. На днях я послал вам с Марией Леопольдовной Кривинской письмо и рукопись «Современника»….

27 июля 1918.
«… только 9-го Мария Леопольдовна, которая ее взяла, была в Москве. Но числа 13–15 она, вероятно, уже выехала в Пг., и надеюсь, вы «Современника» и две другие рукописи… уже получили… о второй книге мои последние сведения состоят лишь в том, что она набирается. Может быть, с тех пор она и вышла. Теперь, значит, третья. Через месяца 3 выйдет 4-я…»

13 ноября 1920.
«… не знаю, была ли у вас наша семейная приятельница Мария Леопольдовна Кривинская. Наверное, была и, быть может, поэтому от Вас долго нет известий… но ее еще в

убеждения, чувства, личные наклонности сливаются в одно неделимое целое, определяющее поступки и деятельность человека**.**

В своей статье «Религиозные искания В. . Короленко или Фаусты и Вагнеры» П. . Негретов отмечает: *«Короленко говорил, что он признает начало веры, но не признает догматизма. С ростом знаний, считал он, совершенствуется и вера. К исходу 19 века стало ясно, что христианская религия не выдержала столкновение с наукой, со всей суммой знаний, которой обладает современный человек. Этот груз она уже не может поднять, а человек не может его бросить, – значит, должна явиться новая вера, для которой самые эти знания будут уже не балластом, а одной из движущих сил. Когда старая вера умирает, а новая еще не народилась, наступает время беспощадного скептицизма, время разрушения во имя будущего созидания».*

Свои размышления критик завершает такими словами: *«Веротерпимость Короленко не ограничивалась христианскими вероисповеданиями. В 1899 году он написал рассказ о Груне, дочери старообрядца-изувера, который за одно неправильное сложение перстов при крестном знамении готов проклясть человека «в сей жизни и в будущей». Груне опостылели споры начетчиков. На палубе волжского парохода она видит молящегося татарина, похоронившего недавно любимого сына. Лицо старика выражало глубокое страдание, «смягченное благоговением перед высшею волею». Публика на корабле невольно притихла. Молчавшая до сих пор Груня вдруг обращается к отцу с вопросом, дойдет ли молитва татарина до Бога? Ведь этот «поганец» даже не крестится…» «Как, чай, не дойти? – отвечает ей из толпы пассажиров чей-то нерешительный голос. – Чай, тоже не кому другому молится. Все Богу же».*

Но наиболее открыто взгляд писателя на «веру» высказан во многих его письмах, а также в отдельных дневниковых записях. Приведу только часть этих документов.

толстовских душевных переживаний сводится к жадному исканию цельности и гармонии духа. Если это возможно только при душевном и умственном обеднении, то – за борт душевное и умственное богатство!».

Короленко называет народную веру «наивной», которая *«нередко помогает своему обладателю смотреть на житейскую бестолочь ясным и спокойным взглядом».*

Писатель отмечает большой частью негативное отношение молодежи к религии и ее служителям.

Момент «искания» и само осознание разлада и дисгармонии в мире и в душе человека могут стать первым шагом к познанию Бога.

Об исканиях Короленко и его героев писал еще в начале нашего столетия иеромонах Михаил (Семенов) (об этом авторе и его отдельный рассказ ниже – С.Ш.).

«Поэзия и философия света» – так в свое время было сказано обо всем творчестве Короленко. И сказано это было потому, что душа писателя, испытывавшего настоящую тоску по Истине, отражала – как целое, а не разбитое зеркало – Свет.

О характере религиозности Короленко некогда высказал свои наблюдения публицист Ю.Н. Говорухо-Отрок. Он писал: *«… Веры, которая дает силу и смысл, этой веры нет у г-на Короленко, но настроение души, близкое к христианской любви и к христианскому смирению, у него есть».*

По мнению критика**,** *«Он (Короленко) не может стать выше предрассудков своего века. Его сердечные сочувствия правильны, но мысль его опутана общим предрассудком века: он не свободен, он не может «мыслить до конца», а потому не может осмыслить своих собственных сочувствий. Настроение его очень близко к настроению христианскому, а в то же время мысль его враждебна этому настроению».*

Короленко был убежден, что изображение психологических типов должно основаться на той глубокой почве, где формируются вообще человеческие темпераменты, характеры и где логические взгляды,

Полтаве нет: много дел в Москве и Петрограде, профессиональных – по Лиге спасения детей и частных. Она, спасибо, набрала много поручений и уже некоторые исполнила. Так, успела продать кое-какое имущество Татьяны Александровны и уже весьма кстати прислала ей с одним из возвратившихся ранее некоторый сикурс. У нее, бедняги, все не переводятся болезни…»

1 декабря 1920.

«… Мария Леопольдовна Кривинская еще не вернулась, но уже в Харькове…»

Как видно из этих документов Мария Леопольдовна Кривинская действенным образом помогала писателю в его творческих делах в самое трудное для него время.

***

В книге Т. Милютиной «Люди моей жизни» (Тарту, 1997) есть целая глава, посвященная Марии Леопольдовне Кривинской. Автор узнала ближайшую подругу дочери писателя в экстремальных и несколько необычных жизненных условиях.

Литературный портрет Марии Леопольдовны Кривинской столь интересен и выразителен, что его следует привести едва ли не полностью, к тому же это свидетельство имеет непосредственное отношение к семье Короленко.

Читаем: *«Это был человек необычайного обаяния. Мне посчастливилось на протяжении трех лет моего пребывания в Баиме быть около этого удивительного человека. Около – в буквальном смысле: мое место на верхних нарах инвалидного барака находилось рядом с Марией Леопольдовной».*

Далее Т. Милютина ссылается на слова профессора А. В. Западова о личности Кривинской: *«Молодость ее прошла под влиянием Владимира Галактионовича Короленко, она стала как бы членом этой замечательной семьи, будучи со школьной скамьи подругой его старшей дочери. Обе молодые девушки были проникнуты гуманными идеями Короленко, который, движимый*

чувством сострадания к ближнему, неустанно хлопотал за всех арестованных, испрашивал помилования осужденным. Классовое положение подзащитных, их отношение к советскому строю, место в революционной борьбе не интересовали писателя – он спасал человека».
Интересен следующий эпизод, который приводит мемуаристка: *«Когда в мае 1945 г. закончилась война, мы все были потрясены смелым поведением Марии Леопольдовны, совершенно в духе Короленко. С окончанием войны никаких перемен в судьбе заключенных не произошло, но в настроениях наших современных черносотенцев – даже очень. Среди нас было много немок Поволжья, женщин хозяйственных и тихих. И так уже, когда началась война, их стали переселять и арестовывать, хотя никакого отношения к гитлеровской Германии они не имели. Но пока шла война – жестокая и затянувшаяся – все было неопределенно. Теперь же, когда «мы победили!», захотелось как-то отомстить побежденному врагу. Куда как удобно и безопасно – выместить свою злобу на немках Поволжья, благо они и говорить-то ни на одном языке не умели правильно. Что тут поднялось! И плач жертв, и брань вошедших во вкус патриоток.*

Голос Марии Леопольдовны перекрыл шум, стоявший в бараке, и потребовал внимания. Она сидела на своем месте на верхних нарах, в руках у нее была книжка. Медленно и внятно она прочла среди наступившей тишины рассказ Короленко «Пленные». Мне не приходилось читать его раньше. Он напечатан в 22-м томе полного посмертного издания сочинений писателя 1927 года….

Рассказ произвел совершенно магическое впечатление. Все стихло. Никаких выпадов больше не было. Несколько раз я видела, как наши женщины останавливали и стыдили женщин другого барака».

М.Л. Кривинская была неистощима в своих добрых делах. Приведу еще один эпизод из ее тюремной жизни: *«Мария Леопольдовна придумала очень нужное дело – сбор лекарственных трав. Что только ни росло в*

Что же подразумевал под словом «цельность» сам писатель? Основой ее он считал веру, которую понимал достаточно широко.
«У души должен быть свой скелет, не дающий ей гнуться при всяком давлении, придающий ей устойчивость и силу в действии и противодействии, – писал Короленко в декабре 1917 года. Этим скелетом души должна быть вера.... Или религиозная в прямом смысле, или «убежденная», но такая, за которую стоят «даже до смерти», которая не поддается софизмам ближайших практических соображений, которая говорит человеку свое «non possumus» – «не могу». И не потому не могу, что то или другое полезно или вредно практически, с точки зрения ближайшей пользы, а потому, что есть во мне нечто не гнущееся в эту сторону…. Нечто выше и сильнее этих ближайших соображений».

В представлении Короленко любая подлинная вера снимает, не подавляя, а «разрешая», все противоречия, встающие перед человеческим сознанием.
Он писал: *«Кто успел охватить умственным взглядом все жизненные противоречия, примирить их, свести в известную перспективу, – тот имеет веру. Весь вопрос в том – где эта точка зрения, все объединяющая. Какова она?».*
Почти дословно эта мысль повторена им в его статье «Две картины» (1887): *«Выдвинуть целиком все противоречия и найти разрешение – вот путь к целостности существования».*
Он пишет: *«Темнота суеверия не только в народе здешнем не исчезает, но, по замечанию моему, народ сей является склонным к легкому восприятию всякого ложного толкования и изуверства, духу христианства противного…»*

По его глубокому убеждению, к мнимой цельности ведет «опрощение» в духе толстовства. Интеллигентный человек в своем смятении часто приходит к преклонению перед «народной мудростью» и готов отказаться от того духовного багажа, которым он владеет.
Короленко пишет: *«Вся многообразная история*

«лишенные старой цельности, молодые души ищут другой, новой, стремятся сложиться по новому, еще только угадываемому типу».

Проблема цельности души человека в творчестве Короленко была ключевой. А сам писатель в среде русской интеллигенции считался самым цельным человеком.

В своем духовном развитии он не знал «остановки» на путях поиска Истины, и при этом не терял цельности своей натуры.

Проблема цельности личности особенно актуальной стала в России в конце 19 столетия, когда весьма болезненно начало ощущаться отсутствие единства и мира, как внутри одной души, так и в обществе. Фанатизм, с точки зрения Короленко, приводит лишь к кажущейся цельности. При этом он связывал понятие цельности (т.е. гармонии) прежде всего со сферой нравственных «убеждений».

Понятие цельности человеческой личности напрямую связано с традиционным значением христианского смысла в контексте темы «человек создан по образу и подобию Божию».

Только цельному человеку дано сохранить или восстановить помраченный образ Божий.

Для современников Короленко был привлекателен именно своим нравственным «здоровьем» и «порядком» своей души.

«Художник, публицист, общественный деятель – всюду творил он жизнь, как воплощение красоты и правды».

Короленко ни разу не изменил себе. *Натура синтетическая, он не знал разлада ни в своем внутреннем «я», ни в творчестве, ни в общественной деятельности. Все стороны его бытия были прочно слажены и скреплены единым духом здорового, трезвого идеализма…»*

По мнению некоторых критиков, такое состояние души писателя отразилось в его творчестве как верность на протяжении всей жизни одной «идее», – идее любви к личности, к людям, к вечному.

березовых колках и на душистых лугах вокруг лагеря: и валериана, и термопсис, и адонис, и трифоль, и мать-и-мачеха. Целая бригада доходяг, собранная Марией Леопольдовной, ходила за зону на сбор, затем сушила травы. Лекарств было мало – это было подспорьем для аптеки. Делались настойки, варились нужные декокты. А доходяги все лето имели легкую работу и чуть улучшенное питание. Мария Леопольдовна и для нас устраивала выходы за зону – якобы надо посмотреть, готов ли данный сорт лекарственного растения для сбора. 1 июля 1945 г. Мария Леопольдовна взяла на такую прогулку меня, желая отметить таким образом день моего рождения. Конвоир попался плохой, злой какой-то. Я приуныла. По деревне мы шли чинно: головы опущены, руки за спиной, конвоир с винтовкой рядом. Выйдя на просторы лугов, Мария Леопольдовна начала свою беседу с конвоиром, расспрашивала его о семье, о родных местах. Шли через колки – заросли низкорослых березок. Цвели желтые лилии, дикие пионы и ирисы. Дошли до реки. Пленительны названия сибирских рек – Мура, Бирюса, а эта была – Кия. Конвоир на глазах оттаивал. Сделали привал. Конвоир улегся поодаль в тени. Он уже совершенно был человеком. Я несмело спросила – могу ли я выкупаться. «Только осторожно, течение сильное», – сказал конвоир, уже засыпая. Меня, действительно, чуть не унесло. Этот незабываемый мой день рождения! Мы с Марией Леопольдовной лежали в густой некошеной траве, смотрели на сияющее безоблачное небо. Возвращались с целой охапкой лилий. Конвоир шел рядом с нами, как союзник и соучастник. Я думала: «В чем власть Марии Леопольдовны над людьми? Не только ведь доброта и ум. Наверное, еще сочувствие к людям, интерес и уважение к каждому, не придуманные, а искренние».

Такое запоминается на всю жизнь….

Т. Милютина вспоминает пасхальную ночь 1946 года. Она пишет: *«А пасхальная ночь 1946 года! Конвоиры явно тяготились возложенной на них обязанностью сидеть до часу ночи в бараке и следить, чтобы не было*

богослужения. Им хотелось спать, а может, тоже где-нибудь попраздновать. Женщины, по-возможности нарядные, хотели спеть пасхальные песнопения, похристосоваться друг с другом, почувствовать праздник. Никто не ложился спать, хотя давно был отбой. Обе стороны были настроены решительно. Спасла положение Мария Леопольдовна. Поговорила по-дружески с конвоиром, поручилась за порядок в бараке. Никакого отношения к религии она не имела, но уважала человека в человеке. Конвоир ушел, женщины запели, Мария Леопольдовна стояла у дверей барака на тот случай, если придет начальство. Но никто не помешал…»

Примечательно, что мемуаристка подчеркивает нерелигиозность Кривинской, но в данном случае она поступила как настоящая стихийная христианка.

Об освобождении Кривинской Милютина сообщает следующие факты: *«Мария Леопольдовна освободилась в мае 1946 г., по ходатайству Софьи Владимировны Короленко. Тоже – одна из непостижимостей нашей действительности: 5-летний срок Марии Леопольдовны закончился в 1942 г., но шла война, никого не отпускали. После победы отпускать пересидевших раскачались только к лету 1946 г. Благодаря ходатайству музея Короленко, вернувшегося в Полтаву из эвакуации, Мария Леопольдовна стала первой ласточкой…. Тут мы выскочили из засады, стали поздравлять. Барак всполошился. Стали целовать Марию Леопольдовну».*

И еще: *«Освободилась она не на отдых и радость, а на труд и страдания. Сразу же встала рядом с Софьей Владимировной, помогая ей разбирать архив Короленко и готовя к изданию книги. С 1954 года день и ночь находилась она возле тяжело больной Софьи Владимировны, которая умерла 16 июля 1957 года».*

Т. Милютина пишет о том, что Мария Леопольдовна поддерживала связь с ней и после своего освобождения. Она написала ряд писем, *«как всегда ласковые, полные заботы о находящихся в беде друзьях».*

Последняя открытка от нее датирована 13 января

Приложение 1. Короленко и вера

Во многих своих художественных произведениях Короленко обращался к теме поиска человеком веры, поскольку в начале XX века в России усилилось влияние различных сект, и потерявший веру народ становился легкой добычей сектантов. Однако это был не единственный мотив для собственных размышлений. Его отношение к духовным исканиям человека на протяжении всей жизни оставалось достаточно глубоким и уважительным. Интерес к вере обусловил его частые паломничества в святые места. Достаточно вспомнить неоднократные посещения Саровских святынь.

К теме сектантства писатель впервые обратился, находясь в якутской ссылке. Именно в Якутии возникли условия для тесного контакта В.Г. Короленко с сектантами.

Прошло много лет, прежде чем он пришел к убеждению, что религиозные вопросы им были только отодвинуты на время, но не решены. Возвращение от «нигилизма» прошлых лет к христианским традициям произошло, скорей всего, под влиянием идей народничества.

В своем рассказе «На Волге» Короленко предвосхищал самые смелые экуменические идеи. Он писал: *«Бог один у всех людей».*

Ряд его ранних произведений конца 1880 – начала 1890-х годов был непосредственно посвящен проблеме поиска веры или нового мировоззрения.

Это – повесть «С двух сторон», герой которой после трудных исканий приходит к мысли о том, что «разделения нет, и жизнь следует воспринимать «в целом». Это – и поэтические рассказы «Тени», «Парадокс» и др.

В незавершенном рассказе «Чужой мальчик» писатель остро ставит вопрос о «старой вере» и сектантстве.

В ранний период творчества Короленко увлечен построением нового образа человека. Он пишет: ...

дворе стоял декабрь 1921 года.

Начиная с 24 декабря, Короленко бредил и терял сознание. К утру он успокоился, узнал всех, улыбался, благодарил врачей. В 17 часов 25 декабря началась агония. В 22 часа наступила смерть. 16 врачей собрались у его постели.

Была морозная ночь. Три дня люди Полтавы прощались – от школьников и до инвалидов.

Это было всенародное горе и всенародные похороны.

По просьбе жены В. Г. Короленко представители власти не вмешивались в руководство похорон. Речей не произносили! Эта просьба была выполнена…

Начиналось посмертие писателя…

Еще несколько штрихов к портрету В.Г. Короленко

Отказ от помощи Полтавского губисполкома снабжать его продовольствием.

«Писатель должен быть независимым». Так он считал и этому следовал неукоснительно.

Он не принял помощи и от Литературного фонда, поскольку считал, что многие литераторы находятся еще в более худшем положении, чем он и его семья.

Отчисления от пайков (мука, крупа, соль), которые принесла ему делегация от рабочих, он принял со слезами….

В июле 1921 года тяжело больным был избран Председателем Всероссийского комитета помощи голодающим. Он не считал для себя возможным остаться в стороне от этого, хотя был уже очень болен и истощен.

В одном из последних писем в 1921 году Короленко написал: *«Я чувствую, что жизнь бесконечна, что она не нами началась и не нами кончится, что это именно бесконечность. Почувствовать эту бесконечность – это значит почувствовать религиозное отношение к жизни…. Да скроется тьма…»*

1969 года. А 6 февраля Т. Милютина получила открытку уже от сестры Марии Леопольдовны, написанную непохожим почерком. Вот текст этого печального документа: *«Уважаемая Тамара Павловна! Моя сестра Мария Леопольдовна скончалась 24. I. 1969 г., проболев меньше суток и не дожив три дня до 82 лет. Счастье, что она недолго промучилась от инфаркта. Она рада была получить от Вас письмо с адресом Урсулы и собиралась написать ей большое письмо, но не успела... Она всегда тепло вспоминала Вас и вашу мать. Всего вам доброго, будьте все здоровы и счастливы. Л. Кривинская».*

Т. Милютина попросила Любовь Леопольдовну написать точные биографические данные Марии Леопольдовны. И в письме от 17 января 1970 года она их получила. Это воистину драгоценный документ, оставленный Любовью Леопольдовной Кривинской, в котором она сообщила следующие сведения о своей сестре: *«Мария Леопольдовна Кривинская родилась в г. Полтаве 14 (27) января 1887 г. Училась в Полтавской Мариинской гимназии. В 1900 г., будучи в 5 классе, она познакомилась со своей одноклассницей С. В. Короленко (семья В. Г. Короленко переехала в 1900 г. на постоянное жительство в Полтаву), дружба с которой прошла через всю ее жизнь.*

Окончив гимназию в 1904 г., в том же году осенью уехала в Париж для поступления в Высшую русскую школу.

В 1905 г., ввиду болезни матери, вернулась в Россию. С осени 1905 по март 1906 г. провела с матерью в Южном Тироле.

Летом 1907 г. работала медсестрою на холере в Полтавской губ. (под Лубнами).

Осенью 1907 г. поступила на естественное отделение Высших женских курсов в Одессе.

В 1910 г. за участие в студенческих беспорядках (Толстовские дни) была исключена с курсов и выслана из Одессы под надзор полиции в Полтаву. Летом этого же года отправилась в двухмесячное путешествие в Палестину.

Осенью 1910 г. уехала в Петербург, где поступила на

Стебутовские высшие сельско-хозяйственные курсы.
Для получения права жительства в Петербурге одновременно со Стебутовскими курсами М.Л. поступила в фельдшерско-акушерскую школу Венгеровой в Петербурге, которую и закончила в 1915 г.
В январе 1911 г. прервала учение и уехала на голод в Самарскую губернию, где вместе с С.В. Короленко работала до июня 1911 года.
Во время первой мировой войны работала в Полтаве в лазарете, устроенном на общественных началах.
В 1915 г. ею была организована столовая для детей лиц, мобилизованных на войну. Столовая существовала в течение целого года.
В 1916 г. во время большого потока беженцев – евреев из западных областей – работала в еврейском комитете по оказанию помощи евреям – беженцам, заразилась возвратным тифом, долго и тяжело болела.
В начале 1917 г. уехала в Петроград, работала в Обществе охраны здоровья еврейского населения, а затем в начале революции недолго работала в финансовом отделе Смольного.
После Октябрьской революции работала в организованном в Петрограде обществе «Культура и свобода» в качестве секретаря до августа 1918 г.
Затем уехала в Полтаву, откуда выехала вместе с больной женой писателя Евдокией Семеновной Короленко в Крым, где и провела вместе с ней осень и зиму 1918–1919 г.
Вернувшись весной 1919 г. в Полтаву, приняла непосредственное участие в организации «Лиги спасения детей» (председатель В.Г. Короленко), работала в ней вместе с С.В. Короленко и была членом правления.
В 1924 г. за принадлежность к партии социал-демократов была арестована и выслана на 3 года в Краснококшайск Марийской области. (Это был первый ее арест – С.Ш.).
В 1928 г. после окончания ссылки, ввиду запрета проживания в центральных городах, уехала в Симферополь, где жила до 1930 г.

явилось подлинной трагедией. Это горе заметно подкосило силы писателя.
15 апреля 1921 года Владимир Короленко написал своему другу и врачу Осипу Аптекману: *«Чувствую, что этот удар сократит мне жизнь, – Я тоже сильно болен…»*
А еще через несколько дней в письме другу и коллеге по работе в журнале «Русское богатство» – Михаилу Сажину по поводу предложения выехать заграницу для лечения, Короленко высказался еще горше: *«Я привык считать себя независимым писателем, и мне разъезжать в казенных вагонах «на казенный счет» дело непривычное и совершенно чуждое. И особенно это чуждо мне теперь, после того, как дорогой мне человек убит коммунистической тюрьмой. Я не контрреволюционер и никогда им не буду. Но также не перейду на казенное содержание. Лучше умру…»*

***

События, факты, поступки, отдельные подробности – все воссоздает по-своему картину прошлого.

В начале ноября Короленко заболел воспалением легких. Вскоре он увидел вещий сон: будто его преданный друг еще с времен далекой юности – Василий Николаевич Григорьев и он в Большом театре слушают реквием Моцарта.
– Это по нас с тобой (сказал В.Г – С.Ш.).

С середины декабря его состояние резко ухудшилось. Толпы простых людей стояли вдоль улицы, где жил писатель в ожидании очередной сводки о его здоровье.
Врачи и медсестры Полтавы распределили между собой дневные и ночные дежурства. Извозчики бесплатно отвозили врачей и ездили за кислородными подушками.
На крыльце как-то незаметно появлялись пакеты с различными продуктами. На некоторых свертках были записки следующего содержания: *«Только поправляйтесь!»* или *«Нашему защитнику!», «Другу несчастных!».* К сараю кто-то приносил дрова, ведь на

14

25. 05. Племяннику В.Ю. Короленко:

«… Здоровьем похвалиться не могу. Сердце все хуже и хуже…. Только голова работает недурно…»

15

16 июля 1920 года, подводя итоги своей жизни, Короленко, писал С.Д. Протопопову: *«… Оглядываюсь назад. Пересматриваю старые записные книжки и нахожу в них много «фрагментов», задуманных когда-то работ, но по тем или иным причинам не доведенных до конца…. Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде мултанского дела или помощи голодающим. Но ничуть об этом не жалею. Во-первых, иначе не мог. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи. Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась без участия в жизни».*

Это стремление постоянно участвовать в жизни своим словом и является самой определяющей чертой облика Короленко**.**

Последняя запись в дневнике была сделана 31 августа 1921 года, т.е. за 4 месяца до смерти.

В преддверии финала жизни

1921 год оказался последним годом жизни писателя, и потому так важно проследить по документам, как же прошел этот год, и как он отражен в его письмах и дневниках.

21. 03. Из письма В.Н. Золотникому:

«Разруха идет все дальше и дальше и правительству остается бороться с нею не по существу, а только с ее обнаружениями. Это путь, который привел к гибели не одно правительство…. На это я смотрю с горем и печалью…»

16. 04. скончался от тифа, которым заразился в тюрьме, зять писателя – К.И. Ляхович. Для всей семьи это событие

В 1930 г. вернулась в Полтаву, затем переехала в Москву, где занималась переводами с французского и уроками.
1936 г. провела в Полтаве, где сильно болела.
В 1937 г. уехала в Москву, где 27 сентября 1937 года была вновь арестована.
Из Москвы отправлена в Ленинград, где против нее дал показания арестованный там Немерицкий, и получила приговор – 5 лет лагерей.
Фактически пробыла в лагерях 9 лет (Арлюке, Исхетиме, Баиме).
В 1946 г., по ходатайству С.В. Короленко, была освобождена и возвратилась в Полтаву. Здесь принимала деятельное участие в редакционной работе по изданию сочинений В.Г. Короленко, помогая С.В. Короленко.
В 1954 г. Софья Владимировна тяжело заболела, и М.Л. Кривинская полностью посвятила себя уходу за больной. После смерти С.В. Короленко в 1957 г. М.Л. продолжала работать над ее архивом и над изданием книг С.В. Короленко – «Десять лет в провинции» и «Книга об отце».
Умерла М.Л. Кривинская 24 января 1969 г.».

В конце своих мемуарных заметок Т. Милютина справедливо отмечает, что Мария Леопольдовна Кривинская**,** *«осуществляла в своей многострадальной жизни идеи В.Г. Короленко и стояла в общественной и редакционной работе рядом с дочерью Короленко».*

По глубокому убеждению Милютиной, М.Л. Кривинская и ее судьба достойны подробного жизнеописания и даже «серьезной монографии».

Увы, в реальной жизни этого не произошло, потому тем важнее воздать память еще одному другу семьи Короленко хотя бы в такой краткой документальной миниатюре.

В книге воспоминаний Н.Б. Богдановой «Мой отец – меньшевик», которую в 1994 году напечатал московский «Мемориал», сохранились важные свидетельства и о Марии Леопольдовне Кривинской.

Будучи еще ребенком, она запомнила фразу, которую ее отец как-то произнес в разговоре: *«Мария*

Леопольдовна очень неглупая женщина, но совсем не политик».

Мемуаристка вспоминает: *«Среди старшего поколения выделялись две женщины, о которых я уже упоминала – Мария Леопольдовна Кривинская и Валентина Васильевна Трофимова, обе примерно пятидесяти лет. И хотя люди этого возраста казались мне старыми, меня всякий раз восхищала красота Марии Леопольдовны, ее гордая и благородная осанка. Я часто к ней забегала. Она жила в маленьком домике в районе застройки почтовых служащих. Перед домом – палисадник, в котором Мария Леопольдовна выращивала замечательные цветы. Она нигде не служила, но подрабатывала уроками. У нее был несомненный педагогический дар, она и ко мне нашла сразу путь, незаметно и ненавязчиво меня воспитывая и сообщая полезные сведения из области естественных знаний и литературы. Как-то ее пригласили к одной трудной девочке лет десяти-одиннадцати, с причудами которой мать никак не могла справиться. Например, обидевшись на мать, она залезла в платяной шкаф и ножницами изрезала все материнские туалеты. Мария Леопольдовна сумела ее укротить, потом даже подружиться, и девочка настолько к ней привязалась, что провожала ее всякий раз со слезами».*

Эти впечатления делают картину былого вполне зримой и приближают к нам личность Марии Леопольдовны.

И еще одну важную подробность сообщает Н.Б. Богданова: *«Мария Леопольдовна очень тесно была связана с семьей Короленко, особенно со старшей дочерью Владимира Галактионовича, Софьей Владимировной, которая несколько раз приезжала в Симферополь и подолгу в нем оставалась. Тогда появлялись кипы бумаг, рукописей, гранок. Софья Владимировна, и как дочь, и как заведующая музеем Короленко в Полтаве, занималась изданием сочинений отца, разбором его бумаг, писем и т.д. Тут уж они обе зарывались в работу. Софья Владимировна – крупная*

том, что она начинает мыслить установленными шаблонами».

9

29. 04. Из письма И. Жуку:

«… главное дело – искренность и талант. Жизнь испытала большой сдвиг, который наложит печать и на литературу. Но писатель должен остаться, прежде всего человеком. Классовое его происхождение – дело второстепенное».

10

30. 04. Из письма С.Д. Протопопову:

«… у меня сильная усталость сердца… если прибавить, что Полтава около 10-ти раз переходила из рук в руки, что каждый раз приходится хлопотать о какой-нибудь стороне, что дело идет часто о жизнях, то легко понять, что сердцу успокоиться не на чем, и усталость все прогрессирует…»

11

6. 05. Из письма к А.Г. Горнфельду:

«… живем на вулкане… коммунизм возбуждает в населении общую вражду. Но все-таки торжествует на выборах. Этим много сказано…»

12

10. 05. Из письма Малютину:

«Чистое бедствие! Человек ведет себя, как стадо слепых животных, воющих и скалящих зубы друг на друга».

13

24. 05. Из письма к А.Г. Горнфельду

«Я все более и более укрепляюсь в мысли, что Россия должна сама изжить свои невзгоды и ошибки без посторонней опеки.

… Нужно будет большое усилие и напряжение. Чтобы признать свои ошибки и по возможности их поправить, но это – самое желательное…Возможно ли? – покажет будущее, которое я, быть может, уже не увижу. А любопытно очень!».

2

31. 01.

Из письма М. Подгаевскому:

«… мне суждено стоять в оппозиции ко всем до сих пор сменявшим друг друга властям».

3

11. 03.

Из письма к Яковенко:

«…здоровье мое ухудшилось. Усталость сердца усилилась, и я мало с кем вижусь…»

4

16. 03. Из письма к С.Д. Протопопову:

«… мы живем между двумя утопиями: с одной стороны – восстановление нелепостей и гнусностей прошлого, с другой – немедленное водворение социализма бюрократическими мерами».

5

28.03.

Из дневника:

«… опять свирепствует ЧК… теперь приговаривают к бессрочной каторге или в концлагерь…»

6

Из письма к И.П. Белоконскому:

«… безобразие, увы! С обеих сторон, а откуда придет не – безобразие, пока не видно…»

7

30. 03. к А.Г. Горнфельду:

«… жизнь всей страны парализована. Ждем весны и какой-нибудь новой перемены…. Без пробуждения собственного здравого смысла – ничего не будет! Хватит ли его в достаточном количестве?».

8

22.04. 1920. Из дневника:

«…проклятие всякой власти, опирающейся на насилие в

женщина с круглым, обычно усталым лицом, носившая так же, как Мария Леопольдовна, светлую блузку, заправленную в длинную и широкую темную юбку, всегда в делах, но находившая время даже для общения со мной. Я, например, из ее уст услышала рассказ о том, как они всей семьей жили в Киеве во время процесса Бейлиса».

А далее следует уже личное признание Н. Богдановой об отношении к Короленко: *«И до этого я любила Короленко, а после знакомства с Софьей Владимировной и Марией Леопольдовной полюбила еще больше. Последние публикации, особенно письма к Луначарскому, уже не оставляют сомнений в совершеннейшей исключительности его личности. У Сахарова и Короленко – прямая связь, это люди одного типа и одной пробы. И Софья Владимировна, и Мария Леопольдовна – из той же породы».*

Заметим, Богданова упоминает Андрея Дмитриевича Сахарова. Нельзя забывать, что автор принадлежала к совсем иному поколению и жила в другое время.

Не менее интересны ее воспоминания о том, как она бывала в гостях у старшей дочери писателя: *«После Симферополя я уже никогда не встречалась с Марией Леопольдовной, а у Софьи Владимировны бывала в 30-х годах в ее московской квартире на Зубовском бульваре».*

О пересечении разных судеб свидетельствуют следующие признания: *«С Марией Леопольдовной встретилась в 1942 году моя тетя Тамара совсем не в лучшей обстановке, а именно – в Мариинской пересыльной тюрьме. Целый месяц они пробыли вместе. Величественная старуха с белой головой, смуглым красивым лицом, царственной осанкой даже в условиях огромного барака с трехъярусными нарами смотрелась королевой – рассказывала Тамара. До этой встречи Мария Леопольдовна находилась в очень тяжких условиях лагеря, в котором добывалась известь, еле вышла оттуда живой. Когда Тамара с ней встретилась, шел уже пятый год ее мытарств. Из лагеря она все же вышла, думаю, в конце 40-х – начале 50-х годов, и умерла в Полтаве в 1972*

году».

По собственному признанию Н. Богдановой, *«знакомство с М.Л. Кривинской оставило глубокий след в ее душе, и сыграло немалую роль в ее становлении».*

***

В январе 1969 года, за девять дней до смерти, Мария Леопольдовна Кривинская написала Урсуле Вальтеровне (жене Негретова – С.Ш.) письмо:

15 января 1969 года. (Полтава).

«Дорогая Урсула!.. Мы были очень дружны с Вашей мамой, милым «доктором Беттей». Многое пережили вместе. Я помогла ей разыскать Вас и Ренату – куда мы только с ней не писали. Из Сибири я уехала раньше Вашей мамы; когда она поселилась в Эстонии, мы переписывались. Потом мама стала болеть, а мой друг Софья Владимировна Короленко тоже тяжело заболела, и переписка наша заглохла. И вот теперь, спустя столько лет, я, наконец, узнала о Вас…»

В своих воспоминаниях П.Н. Негретов уточняет: «Наш адрес Мария Леопольдовна получила от Т. П. Милютиной».

Примечателен завершающий эпизод в воспоминаниях П.Н. Негретова: *«В январе 1975 я привез с собой в Москву перепечатанные на машинке выписки из дневников Короленко и, не посоветовавшись с Храбровицким, отдал их в читающую публику. Храбровицкому я их не показал, рассудив, что дневники Короленко для него не новость. Я предполагал использовать их впоследствии для работы, но чем больше я вникал в мир Короленко, тем необъятней он для меня становился. Тогда я предложил Храбровицкому прокомментировать мои выписки и совместно их опубликовать. Александр Вениаминович удивился, что я раньше не сказал ему о них, он не ожидал, что они окажутся такими обширными. До него уже доходили слухи, что в Москве читают чьи-то выписки из дневников Короленко за 1917–1921 годы. Завершить работу над выписками Храбровицкий предложил мне самому. Я хотел*

попали под эту власть. И это опять опасно для вас самих. … говорят, предстоят расстрелы…. Берегитесь этого средства!

Виселицы не помогли Романовым, несмотря на 300-летние корни. В политической борьбе казни вообще недопустимы, а их было уже слишком много… Такого разгула казней, ничем не оправданных, я никогда себе не представлял…»

Этот документ вряд ли нуждается в комментариях. Он был опубликован в журнале «Вопросы истории» в 1990 году. Короленко бесстрашно указывал на *«страшную свалку, которой охвачена вся Россия, и от которой она погибает…»*

Больной и слабеющий, он не переставал упорно и настойчиво бороться за жизнь каждого человека. В.Г. Короленко испрашивал помилование осужденным перед всеми властями. Классовое положение подзащитных и их отношение к советскому строю – место в революционной борьбе – не интересовали Короленко.

По словам биографа Короленко Т. Богданович, в его дневниках можно увидать *«красноречивое однообразие» и «непрерывное хождение по мукам».*

Показательны его записи в дневнике и в письмах за 1920 год. Все они, так или иначе, отражают угасание подвижнической жизни писателя.

1

21. 01.

«Смотришь кругом – и не видишь, откуда придет спасение несчастной страны.

… явные неудачи в созидательной работе раздражают большевиков, и они роковым образом переходят к мерам подавления и насилия…. Они задавили печать и самоуправление…. Им приходится брести все глубже и глубже в заливающих их движение волнах насилия и себялюбия… воровство в их учреждениях страшное…»

хотя бы и косвенное – есть несомненное преступление. Власть доноса – власть не только подлая и безнравственная, но и опасная. (Отчеркивания в тексте – С.Ш.).

В 1919 году В.Г. Короленко напечатал в «Народной газете» в Ростове на Дону корреспонденцию «О большевиках», в которой он писал: *«... возмущает меня и ужасает и самый способ этих расстрелов: ночью, тайком, с издевательством, как собак. Пропало всякое уважение к жизни человеческой. Надо уважать жизнь человеческую».*

Во второй половине августа 1919 года появляются его «Пять писем из Полтавы» сначала в газете «Утро Юга» (Екатеринодар), а затем в сборнике «Перевал» (1919). В «Письмах из Полтавы» отражены события лета и осени 1919 года. В них Короленко высказывает свои представления о началах, на которых могла бы возродиться Россия.

***

20. 03. 1919 года Короленко написал Раковскому**:** *«... карать можно лишь за поступки. А не за мысли…. Это будет не борьба за идеи и за новый уклад жизни, а звериная свалка…. Приглядываясь к происходящему, я ниоткуда не вижу того, что мог бы признать настоящим, правильным, верным. Все картины несут односторонность, ослепление, жестокость. Пока среди людей растет только озверение и свирепость….*

И никто из вас, взаимно враждующих, этого не хочет как следует увидеть… всем только бы победить противника…. Мы может быть, близки к таким страшным бедствиям, о которых нынешнее положение далеко еще не дает полного понятия».

… Подлейшее из бытовых явлений – охочий донос – действует во все времена при бессудности и произволе. И те самые охочие люди, которые прежде доносили жандармам, часто теперь доносят чрезвычайкам… Но нет ничего опаснее, как очутиться во власти доноса.

А ваши администраторы уже в значительной степени

дополнить их и пошел в отдел рукописей, но на этот раз дневники мне не выдали. Это был 1978 год, и замзава сказала мне, что и в 1974 году дневники были выданы мне по ошибке («не будем теперь искать виновного»), а сейчас это невозможно. Снабдив выписки минимумом необходимых примечаний и написав к ним вступительную статью, я в январе 1979 отправил их в Москву, к Храбровицкому. Через два месяца, 12 марта, Александр Вениаминович мне сообщил, что «вопрос о публикации отпал, она уже напечатана без нашего с Вами ведома». Оказалось, что мои выписки, с которыми я провозился четыре года, в январе 1979 вышли в Париже во втором выпуске исторического сборника «Память», который был подготовлен в Москве еще в 1977 году. Предисловие и примечания к публикации были подписаны двумя именами, по-видимому, это псевдонимы. Нам не известны их настоящие имена, но уже сам факт их участия в этой публикации говорит о том, что это достойные люди».

Приложение 1. Л. Гейштор о М.Л. Кривинской. (В книге «Вблизи Короленко». Полтава, 2001. Глава: Дружба длиною в жизнь).

В книге многолетней сотрудницы музея в Полтаве Л. Гейштор немало страниц посвящено сестрам Кривинским, и в первую очередь, Марии Леопольдовне. Примечателен фрагмент воспоминаний М.Л. Кривинской о своей подруге – Соне Короленко, который цитирует Л. Гейштор: *«Друг ее жизни Мария Леопольдовна Кривинская написала в своих воспоминаниях: «Ушла из жизни не только дочь писателя, литературный работник, основатель музея, но чистый, бескорыстный, добрый человек, верный в дружбе, всегда готовый к помощи другим. Любила Родину, детей, природу, литературу и искусство»…»*

Л. Гейштор писала:

- Из всех детей самой яркой была Мария. Она родилась в Полтаве 14 (27) января 1887 года. В 1900 году познакомилась с дочерью В. Г. в Полтавской Мариинской

гимназии. Соня Короленко и Маня Кривинская стали самыми близкими подругами на всю жизнь.

- Окончила Маня гимназию в 1904 году и уехала в Париж для поступления в высшую школу, посещала лекции в Сорбонне.
- В 1905 году из-за болезни матери вернулась в Россию. Вскоре их мать умерла.
- Летом 1907 года Маня Кривинская работала медсестрой на эпидемии холеры в полтавской губернии (под Лубнами). Осенью она поступила на естественное отделение высших женских курсов в Одессе, но в 1910 году была исключена за участие в студенческих беспорядках. Ее выслали под надзор полиции в Полтаву. Летом того же года она отправилась на 2 месяца в Палестину.
- Осенью 1910 года поступила в Петербурге на сельскохозяйственные курсы. В январе 1911 года прервала учение и уехала «на голод» в Самарскую губернию вместе с С.В. Затем окончила фельдшерскую школу в Пб в 1915 году.
- Во время первой мировой войны работала в полтавском лазарете. В 1915 году ею была организована столовая для детей солдат, мобилизованных на войну, и столовая существовала почти год.
- В 1916 году работала в еврейском комитете по оказанию помощи евреям – беженцам, заразилась возвратным тифом, долго и тяжело болела.
- В начале 1917 года уехала в Пб. Работала в обществе охраны здоровья, а затем в Смольном, в финансовом отделе.
- После Октября – в обществе «Культура и свобода» в качестве секретаря общества.
- Зиму 1918–1919 года провела в Крыму с больной Евдокией Семеновной.
- Весной 1919 года вернулась в Полтаву. Работала в Лиге спасения детей вместе с С.В. Короленко.
- В 1924 году за принадлежность к партии социал-демократов (меньшевиков) была арестована и выслана в марийскую область. Туда к ней приезжала С. В Короленко

Считаю проявление красного террора признаком не силы, а слабости и страха. Глубоко убежден, что он приносит страшный вред той стороне, которая его применяет».

Публикация такого интервью в разгар гражданской войны, надо полагать, была делом невозможным и даже небезопасным.

18

2. 07.

«…Арестован Немировский за то, что освободил арестованных…»

19

10. 07. Запись диалога:

– Отец Короленко! Вы ведь читали что-нибудь о коммунизме?

– Вы еще не родились, когда я читал и знал о коммунизме…»

***

3 августа 1919 года Короленко отказался принять проезжавшего через Полтаву Л.Д. Троцкого.

… «большевизм упразднил само понятие общей свободы и правосудия. Он прямо объявил диктатуру одного класса, вернее даже не класса, а беднейшей его части с ее вожделениями…

… с большевизмом наша революция сходит на мрачное бездорожье, с которого нет выхода».

***

Помимо дневниковых записей, в журнале «Вопросы литературы» приведены отрывки из разных писем и очерков Короленко. Так, например, приведен отрывок из неизданного 32-го тома полного собрания сочинений писателя.

«нерадостно началась <u>новая страница местной истории</u>».

… За отсутствие героизма наказывать нельзя. На одном героизме нельзя построить широких объединений…

<u>«Власть или шайка</u>»: от определенного ответа на этот вопрос зависит многое… всякое содействие разбойникам,

… Он возражает что-то, и я тоже возражаю. Разговор принимает характер какого-то особого возбуждения… в конце я ставлю ребром вопрос:

– могу ли я ответить на вопросы, что расстрелов не предстоит?

– На ваши вопросы я отвечать не стану.

Встаю, прощаюсь и ухожу с тяжелым сердцем….

16

23. 06.

Короленко записывает в дневнике впечатления от разговора с председателем ЧК Долгополовым о провокации в деле Храневич:

– Товарищ Короленко… нет, простите. Я понимаю, что я вам не товарищ. Отец Короленко!

… самые простейшие понятия о следствии и правосудии отсутствуют у этих людей, поставленных игрою жестоких российских судеб, к делу следствия и правосудия…»

«… вчера Харьков взят… люди уезжали из Харькова при громе выстрелов… открывается опять новая страница нашей злополучной истории. Полтава переживает, быть может, еще один «переход власти»…»

17

26. 06.

В дневнике приведен отрывок интервью Короленко корреспонденту Роста:

«Основная ошибка советской власти – это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе. Отсюда огромная ошибка – классовая диктатура.

… я считаю, что расчет на мировую революцию ошибочен.

… Закрытие демократических самоуправлений, попытка все сделать декретами и предписаниями без содействия общественных сил вредит даже лучшим начинаниям этого рода. Например, в области народного просвещения, где, мне кажется, сделано немало хорошего.

вместе с Л.Л. Кривинской.

- В 1927 году было окончание ссылки. Уехала в Симферополь и жила там до 1930 года.
- В 1930 году вернулась в Полтаву, а затем переехала в Москву, где занималась переводами с французского.
- В 1936 году она в Полтаве и сильно болела.
- В 1937 году снова уехала в Москву, где и была арестована 27. 04. 1937 года. По приговору получила 5 лет ссылки.
- Покупками продуктов в Полтаве для семьи занималась Мария Леопольдовна, когда вернулась из ссылки….
- Потребность духовного общения с другим человеком удовлетворялась дружбой, прежде всего, с М.Л. Кривинской.
- Маня Кривинская была щедро одарена душевно, умна, энергична, красива…. Молодые люди отметили, что С.В. всегда было больше интересно общение с М.Л., чем с ними.
- У С.В. был очень хороший вкус, тонкое понимание красоты и любовь к природе. С детства проявлялась любовь к цветам, а потом к растениям вообще… радовалась каждому распустившемуся цветку. Цветок для нее был талисманом удачи….
- Очень любила народное искусство….
- Во время поездки ее в марийскую область к М.Л. Кривинской С.В. сфотографировалась….
- До самого конца М.Л. сохраняла притягательную силу своей незаурядной личности. Ей постоянно писали друзья – солагерники, приезжали к ней повидаться, приходили со своими бедами и заботами. М. Л. всех принимала, всех выслушивала, помогала, писала «прошения» в разные инстанции. Старые и слабые телом, но не сломленные духом люди хранили дружеское участие друг к другу.
- С годами наружность М.Л. Кривинской изменилась, но лицо и в старости было красивым своими «точеными», удивительно гармоничными чертами и

выразительными глазами…. Память у нее до конца была прекрасной, как и ясный ум, и хороший почерк.

- Кроме подготовки к изданию книг С.В Короленко, она писала воспоминания, которые потом были переданы музею.
- Почти не болела и умерла от инфаркта 24 января 1969 года в Полтаве. Захоронена на старом городском кладбище.
- Сестры Кривинские (Маня и Люба) 3 года ухаживали за С.В. Короленко, прикованной к постели и без сознания, до самого конца, и похоронили ее.
- Доски на могилу С.В. и Н.В. поставила М.Л. Она заказывала тексты и следила за выполнением работ. Мраморную доску с фотографией М.Л. Кривинской установила ее сестра Любовь.
- В доме Короленко не отрекались от друзей в беде, не оставляли без помощи и поддержки. Членов семьи Короленко тронуть не осмелились.

Приложение 2. О сестрах Кривинских

Основные сведения о них стали известны после выхода в свет книги сотрудницы музея им. Короленко в Полтаве Л. Гейштор.

Оставалось только упорядочить уже известные факты их биографий, и дополнить еще несколькими источниками.

1

О Любови Кривинской

Кривинская Любовь Леопольдовна родилась в 1887 году. Она была близким другом семьи Короленко.

Любовь Кривинская была многолетним научным сотрудником Полтавского государственного литературно-мемориального музея В.Г. Короленко, экскурсоводом и автором статьи «В.Г. Короленко в Хатках», которая была напечатана в Полтаве в 1961 году в «Научных записках Полтавского государственного литературно-

13

25. 05..

«… для русского теперь нет неприкосновенности своего очага, особенно, если он «буржуй». Нет ничего безобразнее этой оргии реквизиций. При том у нас в этом, как ни в чем нет меры.

… «уплотнение» тоже сомнительно: часто выдворяют целые большие семьи и вселяют небольшую семью советских служащих…»

14

10. 06.

«… когда я гулял вчера, ко мне подошла заплаканная девочка (просила за брата, которого арестовали)… Я ее успокаиваю: бессудных расстрелов не может быть. У меня есть обещание Раковского, прекратившего расстрелы в апреле.

… бедная девочка плакала не напрасно. Брат, мальчик 17 лет – единственный работник в семье. У матери – вдовы 7 человек детей… среди чрезвычайников заметно что-то вроде смущения и волнения».

15

14. 06.

«Тревога сгущается… мне показалось так странно, что эти люди, так близко стоящие к расстрелам и крови, могут еще думать о литературе, о стихах. У меня не было никакой охоты вести литературные разговоры среди таких впечатлений. Но я шел говорить о жизни людей…

… (чиновник) приготовляется слушать с тем же видом официального не расположения к моему вмешательству и неодобрения.

… последний смотрел на меня с удивлением, очевидно, мои речи были слишком непривычны в этом месте. Я сказал, почему я пришел, почему меня интересуют эти вопросы, как вышло, что с давних пор население привыкло обращаться ко мне в случаях тревоги и экстренных событий.

добровольцами и своими приверженцами. Они, не предупреждая население, сдали Одессу без боя.
… полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы – большевиков. Большевики – добровольцев. Но озверение проникло всюду…»
В.Г. Короленко посильно отстаивал людей от «озверения и жестокости новой власти».

10

13. 05.
«…События опережают мой дневник!.. Я записал не все, что хотелось записать, а уж горизонт меняется… Большевизм на Украине изжил себя. «Коммуния» встречает всюду ненависть… Деревня вся анти-большевистская…»

11

14. 05.
«…Вообще «гонение на веру» очень непопулярно всюду. Результаты обратные: церкви полны, исповедывавшихся перед пасхой небывало много. Сами священники подтянулись: явилась ревность к гонимой идее.
«… пробуждающееся сочувствие к «гонимой вере» – есть то самое чувство, которое когда-то воодушевляло и наше поколение, только в ином направлении. В некоторых селах население заставляет учителей опять вешать в школах иконы, вынесенные «по приказу начальства». Красноармейцы, проезжая мимо церквей часто крестятся… вообще – народ не так уж легко отрекается по декрету от своей веры».

12

24. 05.
«Отчет о заседании окружного ревтрибунала по делу полтавского ЧК.(взяточничество!)… отчет составлен бледно и сухо… все дело- позорное для Чрезвычайки, но впечатление какое-то неясное и путанное. Чувствуется гнусность…»

мемориального музея В.Г. Короленко».

В книге «Письма Вл. Короленко к П.С. Ивановской» несколько раз упоминается о «Любочке Кривинской» как о близком человеке. Приведу лишь несколько таких мест в письмах писателя:

20 сентября 1916 года.
«… Соня уже в Петрограде вместе с Маней. Уехали 15-го или 16-го. Люба получает хорошее место в «Капле молока». Молодца эта Любочка! Славная, дельная и знает, чего хочет. Из «Красного Креста» ее, еврейку, провожали с необыкновенной теплотой…»

3 октября 1916 года.
«Любочка Кривинская на днях собирается уезжать…»

21 ноября 1916 года.
«… Милая Любочка помогала при операции и осталась с ней ночевать и ходить за ней…. Речь идет об операции младшей дочери писателя Натальи, в уходе за которой самое деятельное участие принимала Любовь Кривинская. Она была очень привязана ко всем членам этой семьи, и они тоже платили ей любовью и благодарностью.

В книге Л. Гейштор «Вблизи Короленко» даются подробные характеристики сестрам Кривинским.

- *«Отец сестер Кривинских – Леопольд был преуспевающим адвокатом в Полтаве и членом харьковской коллегии адвокатов и занимался гражданским делами.*
Он был щедрым и делал солидные дары еврейской общине. Дважды был женат. Близнецы (Мария и Любовь – С.Ш.) *были моложе сводной сестры Анны на 10 лет…. Анна очень любила своих сводных сестер.*
- *Любовь Леопольдовна была арестована, и содержалась в подвале Красного дома (КГБ)…. Сохранились письма семьи Короленко, в которых они хлопотали об освобождении Л.Л. Кривинской.*
- *В годы войны Л. Л. Кривинская. целыми днями*

работала в больнице, а потом убирала квартиру и топила печку. Роза Александровна Рабинович работы не имела, а потому была главной добытчицей пропитания семьи.

- *В пятидесятые годы Любовь Леопольдовна была экскурсоводом музея Короленко и «добрым гением его дома».*
- *В 1953 году в Полтаве было построено здание библиотеки, в котором власти выделили квартиру для Софьи Владимировны и сестер Кривинских».*
- *В 1969 году Любовь Леопольдовна сообщала исследователю творчества писателя историку Павлу Негретову о том, что инициатором контактов Луначарского и Короленко был Ленин.*

Л.Л. Кривинская писала: *«Он надеялся, что Луначарскому удастся убедить Короленко прекратить критику советской власти».*

- *Любовь Леопольдовна – фельдшерица по образованию – в годы эвакуации устроилась на работу в одну из городских больниц.*
- *Она умерла через 10 лет после Марии. Свой век она доживала на попечении внучки Короленко – Софьи Константиновны Ляхович».*

Т. Милютина в своих воспоминаниях пишет, что Любовь Леопольдовна по своей душевной настроенности и деликатности была очень похожа на свою сестру. Читаем: *«Ни одного слова о себе, а ведь она оставалась слепнущая, совершенно одинокая, через несколько лет парализованная. В Полтаве некому было заботиться о ней, и ее увезли к себе в Москву единственные потомки Короленко, достойные потомки – внучка Короленко Софья Константиновна (урожденная Ляхович) и ее дочь. Там же она пролежала парализованная несколько лет и у них же умерла».*

Не менее интересны и значительны сохранившиеся записи самого П.Н. Негретова о его встречах с Л.Л. Кривинской. Он вспоминает: *«В 1972 я ездил в Полтаву, чтобы лично познакомиться с сестрой М.Л. Кривинской – Любовью Леопольдовной. Я навестил ее в больнице, – она слегла в том году и уже до самой смерти, последовавшей*

Чрезвычайки я не верю…. У вдовы страдальческое угнетенное лицо: осталось 7 детей….

Запись*: «картинка с натуры»* (слова В.Г. – С.Ш.).

…В повстанческом движении заметна ненависть к коммунизму и «юдофобство».

«Мы теперь под властью жидов». Они не видят, что масса еврейская разных классов сама стонет под давлением преследования реквизиций и произвола».

7

4. 04.

«В воскресение 30. 03. расстреляли 9 человек… был в «Чрезвычайке». Впечатление чрезвычайно тяжелое…»

Состоялась беседа Короленко с тов. Председателя «Чрезвычайки». Писатель записывает:

– Я постарался бы встать между расстреливающими и вашими товарищами… жестокости одной стороны не оправдывают, а только вызывают жестокости с другой… Все это, очевидно, не задевает сознания этого человека… этот молодой человек в «Чрезвычайке» искренне не понимает, что такое «гарантии правосудия» и почему они обязательны даже по отношению к «врагам народа»…. Слепые люди, сами закрывающие свои глаза и уши.

Сколько будет недосева из-за этого усердия чрезвычаек.

В его дневниках приведена масса имен и фамилий реальных людей, пострадавших и погибших безвинно.

8

17 – 19. 04.

Приводится копия приговора на бывшего городского голову при Раде С. Семенченко.

«… время было тревожное… мне пришлось хлопотать и, кроме того, участвовать в нескольких заседаниях по делам «Лиги спасения детей».

9

23. 04.

«…союзники довольно неблаговидно поступили с

2

17. 01.

«… месть только усиливает рост жестокости…»

И снова в дневниках большой разрыв в датах.

3

13. 03.

«Было так много событий и так много хлопот, что записывать было невозможно… мы под большевиками с половины января.

… мы пережили много кризисов при царской власти, но кое-как жили. Теперь не только закрыли журнал, но реквизировали бумагу для «коммунистической газеты» и квартиру, которую и принялись отапливать нашими книгами из склада.

Такого кризиса еще не бывало. Большевики вообще считают свободу печати «либеральным предрассудком». Вся независимая печать закрыта сплошь…

Свойства всякой охранки – неизбежно плодить безответственно глупые дела…»

4

22. 03.

«… темно со всех сторон. Страх перед новым переворотом может подсказать большевикам бесцельные, слепые жестокости…»

5

23. 03.

«В Полтаве начались смертные казни… заметно вообще при переменах власти стремление стушевать личные выступления…»

6

30. 03.

И снова В.Г. Короленко посещает «Чрезвычайку».

«… мне пришлось не раз при прежней власти заступаться за население в печати, организовывать защиту, и ко мне идут по старой памяти и по слухам… в благо

11 июля 1979 года в Москве, не вставала. За ней ухаживала внучка В. Г. Короленко – Софья Константиновна Ляхович».

Интересны подробности, которые он упоминает в связи с изучением архива писателя: *«Из Полтавы я поехал в Москву и в «Вопросах истории» попросил отношение в отдел рукописей Ленинской библиотеки, где хранится архив В.Г. Короленко. Но завотделом С.В. Житомирская разъяснила мне, что ходатайства из редакции журнала недостаточно, требуется еще допуск к спецхрану, которого у меня нет. В 1974 я второй раз ездил в Полтаву и в музее В.Г. Короленко получил еще одно ходатайство, с которым снова пришел к С.В. Житомирской. Сарра Владимировна иногда нарушала строгие правила спецхрана, за что, возможно, ее в декабре 1976 с этой должности сняли. Тогда, в 1974, она разрешила выдать мне дневники В.Г. Короленко за 1917–1921 годы, как подлинные рукописи, так и машинописный текст, подготовленный редакционной комиссией к изданию еще в 1928 году. Пока Сарра Владимировна не передумала, я ходил в отдел рукописей и сидел там по десять часов в день, делая себе только перерыв на обед. Из 309 листов большого формата машинописного текста я выписал себе в общую тетрадь 80 страниц выписок, опуская те места, которые уже были приведены в «Книги об отце» С.В. Короленко…»*

Тогда же П.Н. Негретов познакомился с А.В. Храбровицким. Об этом он пишет: *«Однажды, когда я сидел в читальном зале отдела рукописей, я услышал над собой голос: «Вы изучаете Короленко?». Я поднял голову и увидел стоявшего рядом с моим столиком мужчину внушительной комплекции. Так я познакомился с Александром Вениаминовичем Храбровицким».*

***

Сохранились записи Л.Л. Кривинской «Из воспоминаний о В. Г. Короленко»:

«Редакторская работа заставляла Владимира Галактионовича часто ездить в Петербург. 1912 год был

для него очень тяжёлым. Большую часть его он провёл в столице в усиленной работе по журналу. Два сотрудника журнал «Русское Богатство» (Пешехонов и Мякотин) отбывали по приговору суда годичное заключение в крепости, а тяжело больной Анненский уехал заграницу лечиться, и через три недели после возвращения оттуда скоропостижно скончался. Смерть эта была тяжёлой утратой для Короленко, горячо любившего своего друга».

***

В 1996 году Элеонора Блажко вспоминала: *«Собственно говоря,* она (имеется в виду Софья Владимировна – С.Ш.) *не одна была хранительницей дома В. Короленко. Их было трое – пожилых, интеллигентных, как-то по-особому чутких и доброжелательных женщин – Софья Владимировна и две ее подруги – Мария Леопольдовна и Любовь Леопольдовна Кривинские. Чем-то похожие на преподавательниц женских гимназий, они, не имея специального образования, стали литературоведами – короленковедами в лучшем смысле этого слова».*

И еще: *«Все трое они посвятили ему свои жизни. В их быту, их поступках все шло не только от устоев дома Короленко, но и от его высоких принципов служения добру и справедливости, любви к людям, особенно к бедным, неблагополучным. И меня они опекали как «бедного студента» – время было трудное, не прошло и семи лет после окончания войны. И еще как полусироту. Знали, что не так давно я похоронила маму».*

2

Об Анне Кривинской

Анна Леопольдовна была старшей и сводной сестрой близнецов сестер Марии и Любови.

Одно время жила в ПБ., работала в редакциях разных журналов, бывала и заграницей.

Она живо интересовалась вопросами философии,

14

2. 08. 1918 года.

«*Почтовые отношения между Российской и Украинской державой восстановлены. Только нельзя пересылать печатных произведений в бандеролях и газет: украинская держава ограждается от «русской культуры*».

***

14. 08. Короленко вместе с дочерью Натальей выехал в Киев хлопотать об освобождении зятя – Константина Ляховича, т. к. тот находился в концлагере под Брест-Литовском. Они добились его освобождения.

Далее следует разрыв в датах – с августа по 26 ноября**.**

15

26. 11.

«Лживые обещания и уверения. Это очевидно. Система немецкого управления…»

Записи, датированные декабрем 1918 года, также либо не сохранились, либо не были представлены в современной публикации.

В журнале «Вопросы литературы» в октябрьском номере за 1990 год от имени редакции появилась запись: *«Мы вынуждены прервать публикацию Дневников из-за опоздания выпуска номеров за 1990 год. Продолжение предполагает редакция опубликовать в 1992 году. Полностью тексты Дневников и письма В.Г. Короленко к Луначарскому и Раковскому, статьи 1917–1921 выйдут в ближайшее время отдельной книгой».*

Наступил 1919 год.

Приведу отдельные отрывки из дневника, помеченного 1919 годом.

1

14. 01.

«Обращение: «Родному господину Короленко»: «Умоляю вас спасти меня от расстрела. Поспешите. Дни жизни моей сочтены» (А. Чижевская).

11

28. 03

«Большевики послали карательный отряд. Захватили волостное правление, взяли все деньги, арестовали всех членов волостного земства и этих восемь арестованных привезли в город…»

Короленко активно вмешался, добиваясь их освобождения.

…«когда мы вошли в вагон-тюрьму, Золотарев вздохнул и сказал: – когда-то мечтал стать Короленко, а стал маленьким солдатом».

12

5 мая 1918 года.

«Самое плохое в этом – поддержка переворота немцами, без которых он, очевидно, совершиться не мог, а значит – может ли устоять? Немцы в глазах большинства народа остаются врагами.

Нашу внутреннюю болезнь – большевизм всякого, в том числе и земельный, – нам надо пережить внутренне, иначе – он только будет вогнан внутрь плохими средствами».

13

4. 07. 1918 года.

«*…О Володарском говорят, что он был нехороший человек и демагог в худшем значении слова. Но если это действительно террор, то лекарства не лучше болезни… Вместо разумного сопротивления и борьбы действительных сил – пошли убийства из-за угла и дикие репрессии. Никого этим запугать нельзя, а для интеллигенции – роль самая неподходящая… Прислужничество перед массами, которые как раз не хотят признать лучшего, что может внести интеллигенция, – так прислужничество худшим: убийствами из-за угла. И без того массы к этому склонны. Потакать этой склонности – не значит достойно служить народу».*

социологии и культуры. Следует напомнить, что в 1915 году А.Л. Кривинская уже выступала в печати.

Так, в журнале «Русская мысль» она напечатала обширное исследование на тему «Женщины в жизни Ницше».

По свидетельству Л. Гейштор:

- *Посетителям юбилейной выставки о Короленко* (в 1928 году – С.Ш.) *особенно нравились экскурсии Анны Леопольдовны*
- *Анна Леопольдовна жила в семье Короленко и работала с утра и до позднего вечера без каких-либо выходных. В благодарность за этот труд, любя и уважая А.Л., С.В. взяла на себя обязательства заботиться о ней до конца ее жизни, что и выполнила.*
- *Анна Леопольдовна была инвалидом и с трудом передвигалась от кровати до письменного стола…. Память у нее была замечательная…. Разум и душевные качества поражали людей, общавшихся с ней.*
- *По инвалидности и по возрасту А.Л. Кривинская могла работать только за письменным столом. На ней лежала обязанность по деловой переписке С.В. Короленко.*
- *Анна Леопольдовна умерла 3 октября 1944 года в Свердловске. «В тихий солнечный день ранней осенью мы похоронили Анну Леопольдовну».*

***

В 30-е годы в московском издательстве появились 3 тома избранных писем В.Г.: «Письма из тюрем и ссылок». «Записные книжки». «История моего современника».

Помимо этого, вышел однотомник произведений В.Г. Короленко. Львиная доля в подготовке этих книг лежала на Анне Леопольдовне. Благодаря А.Л. Кривинской, которая имела большой опыт работы в петербургских изданиях, подготовка к печати книг Короленко была выполнена на высоком профессиональном уровне с исключительной добросовестностью и точностью. С.В. Короленко очень ценила ее знания и стиль работы.

П.Н. Негретову не много было известно о сборнике

«Письма из тюрем и ссылок», и потому он обратился за уточнениями к А.В. Храбровицкому, который 5 августа 1979 года ответил ему, ссылаясь на имеющееся у него запрещенное издание «Писем из тюрем и ссылок» В.Г. Короленко (Горький, 1935):

«Именной указатель к этому изданию был составлен А.Л. Кривинской и Н.В. Короленко–Ляхович, не опубликован по причинам, по которым в том же 1935 году были закрыты Общество и издательство политкаторжан, прекращен журнал «Каторга и ссылка»; об идеологических (политических) причинах этого сообщала жившая в Горьком А.Д. Гриневицкая в одном из писем к Наталье Владимировне (письмо в ГБЛ). Копия указателя есть у меня».

П.Н. Негретов приводит фрагмент письма А.В. Храбровицкого от 25 июня 1978 года, в котором Анне Кривинской дана характеристика, как высокому специалисту. Признание А.В. Храбровицкого примечательно и очень интересно:

«… С «Кромщинского дела» началось в 1942 году в Пензе мое изучение Короленко и мои писания о нем. В 1948 году я издал в Пензе отдельной брошюрой «В успокоенной деревне» с предисловием Софьи Владимировны Короленко (написанным Анной Леопольдовной Кривинской, которую я глубоко чту как основоположника и основного труженика короленковедения)».

В 1966 году в сборнике «Jlітературна Полтавщина» о ней была напечатана биографическая справка.

***

Завершая свои воспоминания о сестрах Кривинских, Л. Гейштор писала: *«Внешне они были чем-то похожи на интеллигентных, чутких и доброжелательных преподавательниц дореволюционных женских гимназий, хотя и не имели специального образования. Со временем они, без преувеличения, стали профессиональными литературоведами. Все трое посвятили свою жизнь Владимиру Галактионовичу Короленко.*

оружия у меня нет, решил уйти…. Самойленко счел меня опасным.

… собрался съезд «хлеборобов-собственников», т. е. мелких землевладельцев… отслужили молебен и провозгласили «гетманом» ген. Скоропадского… Скоропадский взял на себя спасение «рідної України».

… дурацкая «социализация земли» должна привести к реакции. Вопрос о том, где эта реакция остановится. Декоративная «гетманщина» может подкупить интеллигенцию.

9

23. 07.

«30 мая я получил анонимную ругательную открытку: «Ты либо большой плут, старина, либо неисправимый социальный дурак! Третьего не дано! Было бы большой и несомненной пользой, если бы таких, как ты, одержимых, просто-напросто вешали без утопических рассуждений» (из Киева).

Финал этой дневниковой записи: *«Чиновники изливают свои чувства ругательными анонимами: это показывает, какие чувства они питают к независимой и особенно социальной печати и как они готовы свести свои счеты, раз у них будет власть».*

Представляет определенный интерес запись писателя о личности Раковского: *«… Его также жаль: исхудал, облысел, глаза усталые, жалкие, горящие…. Но необходимо было указать на скверную фальшь его позиции. Не очень умный человек – он запутался… он не сумел удержаться на прежней позиции и вмешался не в свое дело…»*

10

25. 03.

«За ночь ограблено 6 магазинов. Днем разгромы продолжаются».

Каждая запись – это летопись очевидца.

«Зверем сделали меня, звери-убийцы на убийство толкнули».
Верьте, Владимир Галактионович, что мы понимаем всю тяжесть вашего справедливого обвинения».
«Но автор верит, что и я пойму тот ужас безнаказанный, те муки безотчетные, которые свободолюбцев и идеалистов сделали убийцами и дикими мстителями». Письмо производит впечатление искренности.
… Несомненно, большевистские подстрекательства первые породили зверства дикой толпы над «буржуазией». Но зверства, хотя бы и ответные, – все-таки зверства».

***

Статья Короленко «Грех и стыд» появилась 2. 04. 1918 года в газете «Свободная мысль».

6

5. 04.

… пришла женщина молодая, взволнованна на глазах слезы: – вам нужно поскорее скрыться. Приговорены к смерти 12 человек, в том числе и вы….
… мы вас любим. Хорошие люди нужны. Уезжайте куда-нибудь поскорее… я попросил ее достать список остальных обреченных и принести мне…
… я вернулся и продолжал работать, хотя не скажу, чтобы сообщение не произвело на меня никакого впечатления…

7

6. 04.

… опять из нового источника: «вот когда б удалось… злодейство большевистской банды делает зверем Шаповалова…

8

26. 04.

… сегодня молоденький офицер-украинец в сопровождении пехотинцев явился ко мне с предписанием коменданта (укр. с-р!!) Самойленка произвести обыск для отобрания оружия. Офицер конфузился и на мое заявление, что

…Их поведение в быту, их поступки определялись не только устоями дома Короленко, но и его высокими принципами служения добру и справедливости, его отношением к людям, особенно к бедным, неблагополучным».

С.В.Короленко, Л.Л.Кривинская и М.Л.Кривинская. 30-е годы

С.В.Короленко и А.Л.Кривинская. Полтава. 1928 г.

Глава 4

Этюд о крестнице В.Г. Короленко

Осенью 2007 года, завершая работу над книгой о Марии Вениаминовне Юдиной и разбирая ряд источников, не вошедших в книгу дополнений, я в который раз перечитывала воспоминания дочерей священника Феодора Андреева, стараясь не упустить ни одного штриха к ее мозаичному портрету. И как-то совсем неожиданно мое внимание привлек следующий отрывок: *«… маленькая, кругленькая, хорошенькая Леля с живыми черными глазами (Елена Михайловна Сосновская, дочь народовольца и крестница В.Г. Короленко) была ученицей и подругой Марии Вениаминовны. Кажется, она единственная называла М.В. «Машкой». Леля была очень одаренным человеком».* Далее следовало уточнение: *«Не менее способная к живописи, чем к музыке, она училась у художника Павла Кузнецова и работала с ним в Средней Азии. В описываемый период Леля занималась биологией. Мы, будучи у них в гостях, с упоением рассматривали в микроскоп срезы препарированных лягушек. У нас она встретилась с И.М. Андреевским и впоследствии стала его второй женой. Все ее таланты ушли на воспитание дочери – будущего талантливого филолога и незаурядного человека».*

И еще одна подробность, которая относится уже к периоду отечественной войны: *«Героическими усилиями Марии Вениаминовны удалось вывести Лелю с дочкой из осажденного города в Москву. Вся история их отношений состояла из периодов ссор и примирений».*

Так неожиданно возникла необходимость поиска сведений о бывшей крестнице Короленко.

застигнутые еще на вокзале, обстреливают город. Зачем? Эта стрельба совершенно бессмысленная… жителей переранили немало. В этом – весь большевизм. Все не-большевистское – враги. Весь остальной народ для них ничто.

… в доме Янович была квартира, занятая, очевидно, красногвардейцами – грабителями. На них нагрянули, захватили, побоями вынудили указать место, где зарыто награбленное, и потом расстреляли…. Избивать перед казнью могут только истинные звери.

4

31. 03.

… среди гайдамаков рядовых, оказывается, много русских и украинцев – офицеров. Тут уж не программы. Большевистский идиотизм погнал их в эти ряды из простого чувства самосохранения. Многие у нас плакали, – говорит тот же офицер, – узнав о заключении мира и союза с немцами…

По поводу посещения его Раковским Короленко даже приводит прямую речь состоявшегося диалога:

5

3. 04.

«Номер расходится нарасхват и производит впечатление. Какой-то офицер-украинец принес в редакцию «Ответ»…. Автор говорит о том, как «в наши квартиры врывались серо-шинельные банды Красной армии, как на наших глазах убивали и истязали наших младших братьев только за то, что были они украинцами или за то, что трудом усидчивым и долгом, годами учения и научений было достигнуто когда-то офицерское звание».

… «Не мы, – говорит он далее, – бросали в Севастополе в бурное море сотни трупов офицеров; не мы устраивали кронштадтские застенки; не мы поставили в Харькове на запасных путях «вагоны смерти», куда без счета и без приговора бросали темной ночью чьи-то тела… автор признает, что это «грех и стыд».

Одессе.
А в 1920 году – в Москве в книгоиздательстве «Задруга».

Новое сочинение создавалось писателем вот в какой атмосфере и политической обстановке:

«В Полтаве, вероятно, как и всюду не общество людей, а какое-то стадо….

…масса, пожалуй, не прочь от большевизма, но против данного бытового явления (погрома, грабежей).

…Большевик – это наглый «начальник», повелевающий, обыскивающий, реквизирующий, часто грабящий и расстреливающий без суда и формальностей.

…В Пб. все голодают. Но стоит быть близким к большевикам, чтобы не терпеть ни в чем недостатка: они питаются от реквизиции».

Кстати о Раковском: я писал по поводу легкомысленных бурцевских обвинений его в немецком шпионаже и это, конечно, неправда. Но, я, пожалуй, не стал бы выступать с этой защитой, если бы мог предвидеть, что этот же Раковский станет публично целоваться с Муравьевым, хвастающим публично, как он беспощадно расстреливал противников советской власти, громил в Киеве лучшие здания и церкви…

Большевики решили оставить Полтаву без боя… хотят, будто бы, взорвать аптеки, склады и банки…

Пришел доброжелатель предупредить, будто большевики составили список заложников, которых увезут с собой при отступлении, в том числе – меня».

2

24. 03.

Был Раковский. Человек, несомненно, честный и энергичный, но… Я писал о нем в «Русских ведомостях» (17. 06. и 12. 08. 1917). Раковский стал ярым большевиком и в Одессе публично в собрании целовался с Муравьевым…

3

30. 03.

…немцы и гайдамаки вступили в город…. Пролетают ядра и рвутся под городом. Это большевики,

1

Об отце Е.М. Сосновской

Фамилия Сосновской мне что-то напоминала, нужно было только напрячь память. И вот в памяти всплыло: Михаил Сосновский был эсером, человеком удивительного бесстрашия. В литературе о деятелях, причастных к революции, было напечатано его открытое письмо к В.И. Ленину. Ознакомившись однажды с текстом этого документа, запоминаешь его навсегда. Он заслуживает того, чтобы привести его полностью:

4 января 1921 года.

«Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину).

Уважаемый товарищ!

Много писем, несомненно, теперь идут к Вам со всей России – и мое среди них для Вас, вероятно, будет иметь не большее значение, чем и другие.... Но право свое на обращение к Вам я основываю на своем революционном прошлом, на близости с братом Вашим, Александром Ильичем, с которым в одном кружке мы вели дело покушения на Александра III.<...> Александра Ильича вспоминаю как светлого, всю душу отдающего тому, во что веровал, чистого духом и телом юношу.... Черты упорной настойчивости и твердости – вероятно, общее у Вас с ним наследие семьи...<...> Предчувствие близкой крупной роли рабочего движения в нашем кружке имело в нем, быть может, самого яркого представителя. И в программу было внесено соответствующее указание.

В 1887 году, в эпоху упадка духа, так дорога была всем нам надежда на поднимающий голову рабочий класс. Он вырос, и вместе с интеллигенцией, и под ее руководством, победил старый строй. Кто побежден – Россия знает. Возврата нет. Кто победитель – вопрос громадного значения.... Народ ли победил или – его именем властвует и пытается творить новое будущее одна интеллигенция, фракция, секта ее? Я утверждаю последнее: народ опять ничтожен, безгласен, подавлен.

Власть узурпирована. Властвует секта, властвует догма – научно уже подорванная, противоречащая сама себе в своей идеологии. Догма убила социализм. Его обаяние – в полноте раскрытия личности, ее расцвете. Отныне же он навсегда связан с нероновскими методами подавления свободы личности, ее мысли, ее прав примата над государственностью. <...> Ради победы секта бросила в массы пролетариата заведомо неосуществимые лозунги («мир и хлеб», «долой войну», «все – ваше», «долой интеллигенцию» и т.д.). Она вызвала того духа, овладеть которым уже не может и сама. Этот дух – жадное стремление к беспредельному удовлетворению всех запросов материального существования (духовные еще массам непонятны), – дух крайнего и глубокого индивидуализма – извращение задачи подъема личности. Это противоречило и догме, но было сделано ради победы. Вы сильны. Власть ваша велика. Борьба с вами оружием бесплодна, потому что с лозунгами оружием бороться нельзя. <...> Но какой же «народ» осуществит этот новый строй? Тот, в котором вы стремитесь совершенно подавить личность, свободу? Народ – ничтожество? Святая Инквизиция, просвещенные деспоты, Аракчеев – были сильнее вас. У них не было «разрухи». Но все они добились только развращения, унижения, духовной смерти своих «пасомых».

Жизнь шире узости догмы – и побеждает ее. Какой ценой, что будут стоить русскому народу ваши опыты – это вопрос для России страшный.... Развращение ведь идет на оба фронта – и посмотрите, какая продажность, сколько растрат!.. Но есть и худшее: дешевизна для «догмы» человеческой личности – жизнь становится ничтожеством в глазах всей «власти» – расстрелы циничнейшим образом превращаются в хладнокровные, ужасающие массой и обстановкой убийства, власть на наших глазах превращается в организацию бандитов. <...> Сколько же еще жертв нужно вам для полноты опыта? Неужели их еще было мало? Довольно же! Пора вернуть народу его державные права, пора научиться уважать его. Пора вернуть ему его

- Маятник власти.
- Власть или шайка.
- Власть доноса.

17

В декабре 1917 года Короленко записал: *«У души должен быть свой скелет, не дающий ей гнуться при всяком давлении, придающий ей устойчивость и силу в действии и противодействии. Этим скелетом души должна быть вера…. Или религиозная в прямом смысле, или «убежденная», но такая, за которую стоят «даже до смерти», которая не поддается софизмам ближайших практических соображений, которая говорит человеку свое «non possumus» – «не могу». И не потому не могу, что то или другое полезно или вредно практически, с точки зрения ближайшей пользы, а потому, что есть во мне нечто не гнущееся в эту сторону…. Нечто выше и сильнее этих ближайших соображений».*

Когда вчитываешься в дневниковые записи писателя, датированные 1917 годом, то не покидает ощущение скрытой сопричастности, и одновременно чувство острой боли за людей, которым пришлось пережить ужас происходивших событий.

Не менее важны записи дневника 1918 года. Первая запись датирована мартом.

1

19. 03.

«…стоило прийти немцам, и русские поезда пошли, как следует… и этому народу, не умеющему пустить поезда, внушил, что он способен пустить всю европейскую жизнь по социалистическим рельсам. Идиотство кровавое и безумное.

… эти дни был занят писанием «Истории современника»…»

В это время Короленко напряженно работал над второй частью своих воспоминаний, начатых в 1909 году. Отдельное издание малым тиражом вышло в 1919 году в

увлечения, а только из малодушия и без увлечения… русская душа – какая-то бесскелетная!».

После 37 лет эмиграции 31. 03. 1917 года Г. В. Плеханов вернулся в Петроград. Он выступил с призывом к классовому миру. Октябрьскую революцию он решительно не принял. Вскоре Плеханов был арестован. Короленко отправил телеграмму, в которой выражал решительный протест против этого насилия и надругательства над личностью. Текст был напечатан в газете «Слово в цепях» 22. 11. 1917 года. Такое действенное заступничество писателя за Плеханова – еще один выразительный штрих к портрету Короленко – человека. В его поступках – активное неприятие торжествующих насильников и отсюда – повседневное, абсолютное бесстрашие в словах.

Большевики хотели взять Короленко заложником, но не смогли, затем был налет грабителей и бесконечные обыски. Одновременно с этим он получал немало анонимных подметных писем, но ничто не могло устрашить его или сломить. Пока были физические силы, он продолжал посещать тюрьмы, и был постоянным ходоком в ЧК и контрразведку, а также к городским властям. Все его поступки были направлены на то, чтобы спасать любого человека, кто обращался к нему за помощью. Количество обращений ходоков к нему было огромным, а в письмах к нему обращались чаще всего так: *«Родному господину Короленко»* или «*Отец Короленко».*

Поражает мужественная гражданская позиция Короленко, когда он бесстрашно заявлял: *«В благо от Чрезвычаек не верю! Считаю проявление красного террора признаком не силы, а слабости и страха».*

Вслушаемся в названия его статей, написанных только в 1917 году:

- Прежде и теперь.
- Побольше честности.
- Грех и стыд!
- Суд и закон!
- Максимализм и государственность.

право на самоопределение. <...> Не отказывайте же русскому народу в Учредительном Собрании – только оно успокоит его, будет для него авторитетом. Не отказывайте и русской интеллигенции в праве работать для народа – свободно мыслить, говорить, печатать, объединяться для того, чтобы совместно найти исход из того тупика, в который попала Россия. Вместе с несколькими товарищами я сижу, как «заложник», арестованный за принадлежность к партии С.Р., во вшивой дыре, отравленный руганью, издевательствами «победителей» и перспективой расстрела, когда потребуется. <...>Мих. Сосновский. Ташкент. Арестный Дом. 4/I 1921».

Архивы долго хранили молчание, но, к счастью, они сохранили некоторые важные свидетельства о том времени, о главных действующих лицах в истории. Я не собираюсь комментировать текст, который и так говорит сам за себя. Это неизвестное ранее обращение к Ленину было случайно обнаружено в Центральном архиве ФСБ одним из его сотрудников. Оно было опубликовано в «Новой газете» лишь в… 2003 году кандидатом исторических наук Я. В. Леонтьевым, преподавателем московского университета. (30 января – 2 февраля 2003 г. № 7). Примечательно броское название этой публикации: «ВЛАСТЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОРГАНИЗАЦИЮ БАНДИТОВ»: Письмо Ленину от соратника его казненного брата».

***

Интересны краткие сведения об авторе этого документа. Автором письма к Ленину был главный библиотекарь Ташкентского университета Михаил Иванович Сосновский (1863–1925). Одно время он был близок к кругу Александра Ульянова. Отбыв длительную ссылку в Колымском округе, народоволец Михаил Сосновский вернулся на родину.

Многолетняя сотрудница музея Короленко в Полтаве Л. Гейштор вспоминала о том, что именно Сосновский уговорил переехать семью писателя в

Полтаву. Она писала: *«В это время как раз приехал хороший знакомый из Полтавы Михаил Иванович Сосновский и изложил доводы в пользу этого города: климат, природные условия, спокойствие, расположение между 2-мя большими городами – Киевом и Харьковом и, наконец, Полтавой…»*

В одном из писем к жене Короленко просил: *«… Сосновскому передай мой привет и благодарность за все хлопоты…»* Эта просьба была связана с конкретными обстоятельствами переезда семьи в Полтаву в 1900 году.

М.И. Сосновский многолетне состоял в дружеских отношениях с В.Г. Короленко. Они были земляками и в Полтаве жили по соседству. Установлено, что одно время Сосновский даже жил у брата писателя – Юлиана Галактионовича Короленко.

В Полтаве его избирали гласным городской думы и товарищем (т.е. заместителем) городского головы.

***

В наиболее полном современном издании «Истории моего современника» (М., 1965.) в примечаниях приведены новые, достаточно интересные подробности: *«В очерке М.И. Сосновского о детских годах В.Г. Короленко, составленном из рассказов близких писателя, говорится*: *«Старший брат Юлиан издавал в пансионе ученический журнал в виде отдельных листков, посвященных пансионским злобам. Юлиан писал стихи. Владимир Галактионович рисовал карикатуры»* **(см. Южная Россия. Николаев. 1903. № 199, 5 авг. С. 2).**

Так стал известен факт того, что при жизни писателя М.И. Сосновский опубликовал о нем очерк. Немаловажно и время публикации М. Сосновского: в 1903 году Короленко отмечал свое 50-летие.

К сожалению, такого издания, как «Южная Россия», где была напечатана работа М.И. Сосновского, найти пока не удается, но вот своеобразное отражение этой публикации обнаружилось на страницах журнала «Мир Божий» (1903. № 9). Анонимный автор поместил заметку «На родине. К биографии В.Г. Короленко»,

ослепленных людей определяет ее бессилие для социальных реформ…»

14

28. 11.

«… в Полтаве продолжаются гнусности…

Под Белгородом в харьковской губернии идет форменное кровопролитное сражение. Об этом сообщает уже официальный орган харьковского губернского комиссариата «Нова громада»: кровопролитие в самом сердце России» (ЮК от 26. 11)».

Далее В. Короленко подробно цитирует харьковскую газету «Южный край».

15

29. 11.

«Три раза врывались с обыском к Плеханову. Положение больного ухудшилось. Пошла горлом кровь…»

16

5. 12.

… самое страшное, что есть в нашей революции – наша психология – психология всех русских людей – это организм без костяка, мягкотелый и неустойчивый. Русский народ якобы религиозен. Но теперь религии нигде не чувствуется. Ничто «не грех»! Это в народе – то же и в интеллигенции…. Это и есть страшное: у нас нет веры, устойчивой, крепкой, светящей свыше временных неудач и успехов.

Для нас «нет греха» в участии в любой преуспевающей в данное время лжи…

И оттого наша интеллигенция вместо того, чтобы мужественно и до к о н ц а (знак Короленко) сказать правду «владыке народу», когда он явно заблуждается и дает увлечь себя на путь лжи и бесчестия – прикрывает отступление сравнениями и софизмами и изменяет истине…. И сколько таких не убежденных глубоко, но практически пресмыкающих к большевизму в рядах той революционной интеллигенции, которая в массе способствует теперь гибели России, без глубокой веры и

предстоит немало потрудиться. Это обстоятельство будет настойчиво толкать читателя на путь исторических сопоставлений. Неизбежно встанут вопросы: в каком отношении современная общественная мысль и социальная практика, по сравнению с 1917 годом, ушли вперёд, в каком остались на тех же рубежах и, наконец, в каком плане они претерпели попятное движение, возвращаясь к мифам, догмам и стереотипам давних лет. Метод обращения к прошлому с целью более глубокого уяснения проблем настоящего давно уже взят на вооружение человечеством. История свидетельствует: социальные силы тех стран, которые извлекли из опыта российского 1917 года наиболее важные уроки, выиграли в процессе модернизации своих общественных структур.

И нам пора конструктивно отреагировать на приобретения и издержки своего героического, трагического и противоречивого прошлого, не поддаваясь запальчивости и нетерпимости, толкающими к конфронтации. И важно сделать из этого надлежащие выводы, помня предостережения великого русского историка В.О. Ключевского: «история... наказывает за незнание уроков»…»

Короленко завешает свою мысль словами: *«Не пристало и нам находиться в положении нерадивых школьников, не желающих считаться с реалиями исторического опыта своей страны».*

13

20. 11.

«…Большевистское безумие ведет Россию к неизвестным авантюрам… это безумие большинства активно-революционной демократии…. Как-то даже замирает естественное чувство жалости: жаль этих опивающихся и сгорающих скотов, а, в сущности, конечно, должно быть жаль…. Доморощенная митинговая внешняя политика… даже в умеренном «Народном слове» – пламенные статьи против большевиков…

Отсутствие людей, неразборчивость в них – это проклятие нашей революции, которая в глазах всех не

которая, в сущности, была пересказом статьи Сосновского с небольшим анализом его публикации. Приведу из этого текста основные фрагменты:

- *«В «Южной России» находим очерк о детских годах В.Г. Короленко, прочитанный в Полтаве М.И. Сосновским на «Короленковском вечере» 15. 07. Очерк этот представляет только попытку собрать некоторые материалы для разработки их будущими биографами талантливого писателя. Очерк составлен по рассказам ближайших родственников В.Г.*
- *В.Г. Короленко рос в большой детской компании своей семьи. Его очень увлекала товарищеская жизнь детей своей семьи и соседей, что так ярко обрисовано самим Короленко в его рассказе «В дурном обществе»…. Отец его любил медицинские книги и по ним составлял разные системы лечения членов семьи. Мальчики были одеты всегда хорошо, но всегда были босые. Это была отцовская система закаливания здоровья.*
- *… очень слабо характеризуется в очерке Сосновского и пансионский быт.*

… наказывали и за шалости, и за то, что дети говорили по-польски или по-русски, а не на обязательном французском…

- *Проявлять чувство боли считалось позором.*
- *…коснувшись влияния духа товарищества и братства в школе на взаимные отношения детей дома, в семье, г. Сосновский заметил, что отношения эти приняли характер воинского мужества и рыцарства.*
- *…понимания событий у детей не было. В.Г. вспоминает только, что он испытывал чувство жалости к гонимым полякам и к жившим в их дворе больным и раненным русским солдатам.*
- *… свобода развивала в детях мужество и предприимчивость…*
- *Старший брат Короленко Юлиан издавал в пансионе ученический журнал, в виде отдельных листков, посвященный пансионским злобам. Юлиан писал стихотворения. Владимир рисовал карикатуры.*

• *…хотелось ему быть хорошим адвокатом, чтобы защищать всех слабых…. Внутренний мир Короленко быстро принимал определенную окраску. Необходимость же поддерживать семью также все больше давала себя знать.*

• *… Дорисовывая портрет В.Г. Короленко уже взрослым, М.И. Сосновский дальнейших событий его жизни коснулся как бы вскользь».*

Из этой публикации стали известны многие важные подробности и забытые факты из жизни братьев Короленко.

***

Член Правления полтавской общественной библиотеки М. Коломенкина, которая жила в Полтаве в первое десятилетие XX века, вспоминала на страницах журнала «Голос минувшего» (1914. № 7) о том, как в 1903 году в городе широко праздновался юбилей писателя. В ее воспоминаниях, в частности, встречаются такие подробности: *«Вечером того же дня в небольшом садике М.И. Сосновского, приютившемся в Воскресенском переулке над высоким обрывом спуска, ведущего к вокзалу, под сплошным навесом деревьев был поставлен большой стол, вокруг которого собрался кружок знакомых В. Г., чтобы вместе с ним прослушать полученные приветствия. В этих заметках невозможно передать, конечно, даже и слабой тени того впечатления, которое получалось тогда, при чтении этих приветствий, всех подряд.*

… впечатление производила именно вся совокупность их, это нарастание чувства, которое, как поднимающаяся волна, захватывала вас, т. е. именно то, чего передать здесь невозможно. В тот вечер в садике Сосновского успели прочитать только небольшую часть приветствий, хотя читали до глубокой ночи».

Коломенкина называет почему-то публикацию М. Сосновского о писателе, напечатанную в журнале «Мир Божий». Однако фронтальный просмотр этого журнала такой публикации не выявил…. Очевидно, вкралась неточность: мемуаристка имела в виду отклик на эту

мрачные жестокости. Арестованных после сдачи оружия юнкеров вели в крепость, но по дороге останавливали, ставили у стены и расстреливали и кидали в воду. Это, к сожалению, точные рассказы очевидцев. С арестованными обращаются с варварской жестокостью. У Плеханова (больного) три раза провели обыск.

…Теперь его положение опасно совершенным в лице Плеханова над истинными друзьями народа, не забывшими, что сила революции в возвышенном стремлении человечности, разума и свободы, а не в разнуздании животных инстинктов вражды, произвола, насилия. Животное побеждает порой человека в человеке, но такая победа не прочна. Бывают в борьбе случайные положения, когда, по словам поэта Якубовича: «не тот, кто повержен во прах, побежден. Не тот, кто разит – победитель!».

С зловещей печатью Каина на челе нельзя оставаться вождями народа.

Плод этой победы: убивающее партию негодование всего человечного в стране».

Короленко как бы размышляет вслух*: «Мне теперь часто приходит в голову следующее сравнение: из одного и того же углерода получается в лаборатории природы самоцветный кристалл алмаза и аморфный черный уголь. Почему? Химики говорят, что в частицах алмаза атомы расположены иначе, чем в угле. Люди такие же частицы. Одними учреждениями их не заменишь. В социальной лаборатории должна еще долго происходить их перегруппировка. Народ неграмотный, забитый, не привыкший к первичным социальным организациям: сколько не предписывай ему сверху – не кристаллизуется в алмаз. Останется ли он и после революции аморфным угольным порошком, который ветер анархии или реакции будет еще долго взметать по произволу стихии, – вот роковой вопрос нашего времени».*

Продолжая записывать свои размышления, он приходит к обобщению: *«Наше время, при всей его специфике, сродни 1917 году, в том числе и по масштабности происходящих в стране перемен, над уяснением смысла которых ещё*

Общество распадается на элементы без общественной связи.

Я как-то написал статью «Побольше честности!». Да, прежде всего, нам недостает простой элементарно-гражданской честности. И это определяет многое в нашей революции».

И далее: *«…недостает простой элементарной гражданской честности. И это определяет многое в нашей революции…»*

Эту мысль В.Г. Короленко более конкретно развил в статьях под выразительными названиями «Прежде и теперь» и «Побольше честности!».

Свидетельства писателя о происходящих событиях настолько яркие и ёмкие, что трудно ограничиться краткими извлечениями из его записей.

11

6. 11.

«При мне в Лондоне оратор Армии спасения говорил, что он верит в существование дьявола. Больше: он знает, что дьявол есть, как знает, что есть волк и лисица. (Июль 1893. Проездом в Америку. Эпизод изображен в очерке Короленко «В борьбе с дьяволом»)… и этот солдат с усталыми печальными и несколько враждебными глазами знает тоже своего дьявола, как лисицу или волка. Он верит, он убежден в измене… Можно ли поверить, что теперь после революции этого дьявола уже нет? Он тут же. И это он, именно он изменяет Отечеству… Демон большевизма так легко плетет свои сети».

12

13. 11.

«Трагедия России идет своей дорогой. Большевики победили и в Москве, и в Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников. Ленин прямо заявил: «Мы обещали, что в случае победы закроем буржуазные газеты, и мы это исполнили». Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные

публикацию анонимного автора, о которой речь шла выше….

К сожалению, материалов обо всех обстоятельствах дружбы В.Г. Короленко и М.И. Сосновского, равно как и свидетельств того, что писатель был крестным отцом дочери Сосновского, не удается найти. Однако сам этот факт весьма красноречив и, безусловно, свидетельствует об их близких отношениях.

На официальном сайте материалов, посвященных истории «Народной Воли», приведены сведения о Сосновском, как деятеле революционного движения, которые несколько расширяют наше представление об этой личности: *«Сосновский Михаил Иванович (1863–1925), народник-террорист. Сын чиновника, уроженец Полтавской губ. Его арестовали в 1878 году, но вскоре он был освобожден.*

В 1882 году он – студент Киевского, а в 1883 году – Петербургского физико-математического факультета университета. Участник террористической группы А. Ульянова, Осипанова, Шевырева. Отбыв длительную ссылку в Колымском округе, вернулся в Полтаву. Здесь его избрали гласным городской думы и товарищем полтавского городского головы. Перебравшись в Ташкент, после революции, Сосновский избирается председателем Туркестанского краевого комитета партии эсеров. Работал главным библиотекарем Ташкентского университета».

Почему в годы революции он попал в Ташкент, остается до конца не ясным. Установлено, что в 20-е годы он был выпущен из чекистских застенков и умер в 1925 году, но на свободе.

2

О муже Елены Михайловны Сосновской

Удалось установить даты жизни Сосновской Елены Михайловны (1903–1979). Она окончила Высшие литературные курсы, серьезно занималась музыкой и

литературой. В доме дочерей священника Ф. Андреева она встретилась с И.М. Андреевским и впоследствии стала его второй женой. По свидетельству друзей, *«все ее таланты ушли на воспитание дочери – будущего талантливого филолога и незаурядного человека».*

Представляет интерес и неординарная личность мужа Елены Михайловны Сосновской, хотя совместная их жизнь, в силу сложившихся обстоятельств, оказалась недолгой.

Иван Михайлович Андреевский (*псевдоним – И.М. Андреев*) родился 14 марта 1894 года в Петербурге. Перед революцией он был известным российским богословом, литературоведом, церковным историком и врачом-психиатром.

Весной 1928 года был арестован в Ленинграде за организацию нелегальных религиозно-философских кружков среди молодежи.

***

Позже Д.С. Лихачев вспоминал: *«Вплоть до конца 1927 года город кипел различными философскими кружками, студенческими обществами, журфиксами у тех или иных известных людей. Собирались – и в университете, и в Географическом обществе, и на дому. Относительно свободно обсуждались различные философские, исторические и литературоведческие проблемы. Литературоведы разделились на представителей формальной школы («формалистов») и на тех, кто продолжал традиционные методы изучения литературы. Диспуты происходили и в частных кружках, и на официальной территории – в Ленинградском университете, и в Институте истории искусств («Зубовском») на Исаакиевской площади, но больше всего – в зале Тенишевского училища. Были кружки и в нашей (Лентовской) школе. У нашего школьного преподавателя И.М. Андреевского с самого начала 20-х годов собирался кружок, носивший, как я уже сказал, название Хельфернак («Художественно-литературная, философская и научная академия»).*

комитета» и в «Полтавский день». В «Вестнике» статья появилась. «День» вышел в виде белого листа с надписью поперек: «Редакция «Полтавского дня» протестует против воскрешения предварительной политической цензуры». Оказывается, ночью явился член «Совета революции» большевик Городецкий (полуграмотный портной-закрой-щик) с каким-то студентом и потребовали предъявить им оттиск газеты. Когда им дали – Городецкий зачеркнул известие о постановлении Центрального комитета социалистов-революционеров – за временное правительство. В это время студент указал на мою статью: «Смотрите: статья Короленко». Городецкий посмотрел и говорит: – Ну и что ж! Вы думаете, у меня дрогнет рука? – и зачеркнул статью.

«Совет» постановил закрыть газету и реквизировать типографию. Затем большевики привезли ночью отряд саперов, настроенных большевистски. Если бы здесь в Полтаве, было 3-4 решительных представителя власти, стоило бы только сказать слово – и все кончилось бы мирно. Но все охвачено каким-то параличом, и большевизм расползается как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдается во власть диктаторов».

10

4 ноября.

«Я получил письмо от железнодорожного служащего из Бендер: каждый день, отправляясь на службу, он прощается с семьей, как на смерть. Насилия и грабежи со стороны... опять-таки солдат. Близ станции – виноградники. При остановке с поездов солдаты кидались туда и для скорости рвали виноград с плетьми! Автор письма пишет с отчаянием, что же ему думать о такой «свободе»?

Это – анархия. Общественных задерживательных центров нет. Где хорошие люди – солдаты – они защитят от притеснения железнодорожника, где плохие, там никто их не удержит от насилия над теми же железнодорожниками, честно исполняющими свой долг.

почтовые служащие единогласно отказались этому подчиниться. Известия, приходившие среди дня, говорят о ликвидации восстания. Фронт единодушно высказался за Временное правительство и посылает отряды в столицу. Все остальные социалистические и несоциалистические партии тоже. Железнодорожники стали на сторону "совета" и решили не пропускать этих войск, но едва ли помешают. В вечерних телеграммах, которые стали известны, сообщается, что и в Петрограде части гарнизона уже раскаялись. Жалкое малодушное стадо, действительно человеческая пыль, взметаемая любым ветром! Характерно, что в «революционный совет» в Петрограде избран, между прочим, Дзевалтовский, которого в Киеве солдатская масса внушительным давлением на суд освободила от приговора за несомненно изменнические действия на фронте, а у нас – жалкая его копия Криворотченко, который был арестован как дезертир за уклонение».

9

3 ноября.

«Полтава повторяет Петроград: попытка «захватить власть». Но силы нет. Другие социалистические партии в ночном совещании призвали делегатов от войсковых частей и прямым опросом выяснили, что за выступление ни одна не стоит. Но... Совет рабочих и солдатских депутатов все-таки выделил из себя «совета революции», заявившего притязание подчинить своему контролю почту и телеграф, и пославшему своих эмиссаров к губернскому комиссару. Губернский комиссар сбежал в Киев. Остался его помощник Николаев. Когда к нему явился эмиссар, дезертир Криворотченко, – тот отказался с ним работать. Почта тоже не признала новой власти, но все-таки «совет революции» существует, выпустил свое воззвание («призыв к спокойствию», смысл выжидательный) и установил цензуру!

Вчера я написал статью «Опять цензура» и отдал ее одновременно в две газеты: «Вестник областного

Расцвет Хельфернака приходился примерно на 1921– 1925 гг., когда в двух тесных комнатках Ивана Михайловича Андреевского на мансардном этаже дома по Церковной улице № 12 (ныне улица Блохина) каждую среду собирались и маститые ученые, и школьники, и студенты».

И еще*: «Во время заседаний пускалась по рядам громадная книга, в которой расписывались присутствующие, и где на страницах сверху своеобразным «готическим» почерком Ивана Михайловича Андреевского была обозначена тема доклада, фамилия докладчика и дата».*

Д.С. Лихачев уточнял: *«Доклады были самые разнообразные – на литературные, философские и богословские темы. Обсуждения бывали оживленными. Комнатки Андреевского никогда не бывали пустыми. У Ивана Михайловича была огромная и тщательно подобранная библиотека. (Книги тогда были исключительно дешевы: их могли менять на хлеб, соль, муку, ими даже торговали на вес!). Каждый мог брать из библиотеки Ивана Михайловича любую книгу, даже в его отсутствие, но обязывался наткнуть расписку в ее получении на специальный крючок и не держать книгу дольше определенного срока. Благодаря этой библиотеке, я смог еще школьником познакомиться с самой разнообразной философской литературой: и если и не прочесть книгу, то хотя бы подержать ее в руках, запомнить содержание и внешний облик, просто узнать о ее существовании, что тоже было важно».*

Дочери отца Феодора уточняют: *«Тогда же в Царском Селе состоялось знакомство с о. Феодором Андреевым психиатра и филолога Ивана Михайловича Андреевского. Он горячо привязался к отцу и стал постоянным нашим гостем».*

И затем они дают характеристику личности Андреевского*: «Это была яркая, но противоречивая личность. И жизнь он прожил яркую и долгую. Нам запомнились его постоянные споры с Николаем Александровичем по религиозным, философским и литературным вопросам.*

Они были различны как «лед и пламень». У Ивана Михайловича была одна особенность. Он мог что-нибудь придумать, сфантазировать, а потом легко и искренно в это поверить. Так, уже будучи после войны в Америке, он распространял легенду, будто бы в Ленинграде в 20 – 30-х годах существовала «Катакомбная церковь». Конечно, в пору гонений богослужения и даже таинства совершались и во внецерковных условиях, например, в лагерях, но организации «катакомбная церковь» тогда не существовало».

В 1928–1930 годы Иван Андреевский вместе с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым находился в заключении на Соловках, где общался со многими епископами и священниками.

В это же время там находился и родной племянник Короленко – Владимир Юлианович, с которым Лихачев особенно подружился.

В июле 1930 года Иван Андреевский был этапирован в Москву, где его привлекли к следствию по делу «Всесоюзного Центра Истинно Православной Церкви», получил новый срок, который отбывал в Белбалтлаге.

В середине 1930-х годов освобождён без права проживания в крупных городах. Работал психиатром в Новгороде и других городах (в частности, был главным врачом в областном интернате для дефектных детей им. Ушинского, главным психиатром в Новгородской областной больнице). Принимал деятельное участие в жизни Катакомбной церкви, тайно вел семинар по изучению богословия. Последний раз арестовывался в марте 1938 года. Во время Великой Отечественной войны находился на оккупированной немцами территории.

В 1944 году эмигрировал в Германию, а в 1950 году переехал в Америку, участвовал в издании антисоветской газеты «За Родину». Известно, что И. Андреевский преподавал в Джорданвилле – в духовно-учебном заведении Русской православной церкви за границей в Свято-Троицкой духовной семинарии. Он был профессором нравственного богословия и русской

постановлено не сдаваться и передать себя защите народа и армии, о чем послана телеграмма ставке.

Ставка ответила о посылке отряда. Пусть армия и народ ответят на безответственную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии.

Таким образом, в столице уже льется кровь. У нас в Полтаве совет рабочих и солдатских депутатов давно стал большевистским и сделал попытку тоже захватить власть. Бедняге Ляховичу опять пришлось провести тревожную ночь. Все говорят, он действовал энергично и прямо. Он потребовал от большевиков категорического ответа – чего вы хотите? Если захвата власти по примеру петроградских большевиков – скажите это. Тогда – война.

Гласный городской думы Ляхович говорит о действиях меньшинства революционной демократии, проводившего политику раздробленная, преступную политику разрушения единства демократии, оратор называет большевиков – преступной кучкой заговорщиков.

«Мы должны вынести свое мнение относительно этого выступления и осудить его, как опирающееся на дезорганизованные массы», – сказал Ляхович. Если большевики продержатся у власти хотя бы 2 недели, то перед всей страной станет ясным положение, жалкое и бессмысленное, в которое себя поставит новая власть. Городское самоуправление должно сказать, что его отношение к этому заговору только отрицательное, и постараться предотвратить вооруженное столкновение. Полтавские большевики должны выяснить свою позицию. Я требую ответа, считают ли полтавские большевики, что необходимо захватить власть в свои руки, и надеюсь, что он будет отрицательным. Тогда лишь мы сможем предупредить бессмысленное пролитие крови, – заявил он.

Перед этим голосом человека, знающего твердо, чего он хочет, жалкие полтавские большевики растерялись. Они лепетали что-то маловразумительное. Правда, резолюция «совета» была все-таки двусмысленная. Между прочим, попробовали захватить почту и телеграф и даже на время ввели цензуру. Но

поставленный в безысходный нравственный тупик, сходит с ума или накладывает на себя руки. Человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного настоящего. Отрава безверия страшней, чем мы думаем. Ее надо уничтожать всеми доступными нам силами. Надо вернуть ценность человеческой жизни и человеческой личности».

... «В горнило политической борьбы брошено все, чем до сих пор дорожил и мог гордиться человек. И ничто не осталось не оклеветанным, не оскверненным, не обруганным».

... все кончилось бы мирно, но все охвачено параличом, и большевизм распознается, как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдается во власть самозваных диктаторов».

8

29 октября.

«Узнали точно, что в Петрограде большевистский мятеж. Давно уже большевистский совет рабочих и солдатских депутатов образовал военно-революционный комитет и потребовал, чтобы штаб Петроградского военного округа подчинился его контролю. Правительство потребовало роспуска комитета. Большевики призвали гарнизон к вооруженному выступлению. 25 октября в 11 часов из Петрограда была отправлена телеграмма Временного правительства всем комиссарам. Вот что в ней говорится: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи ему всей власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве. Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а посему

литературы. Известны его труды о Катакомбной церкви, которые являются одним из немногих источников по её истории, написанных участником событий. Умер 30 декабря 1976 года в Нью-Йорке.

Судя по всему, пути супругов разошлись накануне войны. И если бы не действенная помощь Марии Вениаминовны Юдиной, то Елена Михайловна, оставшись одна с маленьким ребенком, погибла бы в блокадном Ленинграде.

Так обозначилась удивительная, скрытая до поры до времени связь имен: от Марии Юдиной – к Короленко, отразившаяся в реальной судьбе еще одного яркого творческого человека.

3

О дочери Елены Михайловны Сосновской

В газете «Татьянин день», которую издает московский университет, была напечатана удивительная статья члена Союза писателей России Лидии Егоровой о Марии Ивановне Андреевской. Автор лично знала ее и помнила. Ее статья это дань памяти М.И. Андреевской.

Вот основные фрагменты из этой публикации:

- Мария Ивановна была выпускницей МГУ и глубоко верующим человеком, причем из тех, кто никогда не скрывал своих убеждений.
- Как и у многих истинных талантов, трагическая судьба: блокадное младенчество и суровое послевоенное детство, неразделенная любовь, долгое умирание от тяжелой неизлечимой болезни, ранняя смерть.
- В этом году ей исполнилось бы 67 лет, но вот уже 18 лет, как ее нет….
- Мария Ивановна была удивительно талантлива. Четыре книги прозы (романы), четыре книги стихов, публицистика.
- В Антологию русской поэзии «Строфы века», составленную Евгением Евтушенко, вошло одно стихотворение М.И. Андреевской «Дождь не поможет нам оплакивать друг друга».

- Родилась Мария Ивановна Андреевская 19 декабря 1936 года в Ленинграде.
- Отец – Иван Михайлович Андреевский – профессор, философ, богослов. Он был вынужден уехать и остаться на чужбине. Умер в 1976 году, похоронен в США на монастырском кладбище в Джорданвилле….
- Отец Елены Михайловны был литератором и дружил с В.Г. Короленко. Короленко был крестным отцом Елены Михайловны.
- Мария Ивановна рассказывала о дедушке, что он был у Л.Н. Толстого, разговаривал с ним о правде жизни. В дневнике писателя сохранилась запись (привожу по памяти): «Был Сосновский. Весьма интересный человек».
- Войну четырехлетняя Маша встретила в Ленинграде. Двухлетняя сестренка Леля (Елена) и жившая с ними подруга матери Шура (Александра Никитична Макарова, филолог, иранистка) умерли от голода.
- В наш прагматический век я была потрясена, когда на поминках Марии Ивановны ее подруга обратилась ко всем присутствующим, что она душеприказчица Маши, и, если Маша кому-то что-либо обещала, но не успела исполнить, то она сделает за нее. Это было удивительно. И слово-то какое точное и забытое – «душеприказчица», и порыв-то какой – довыполнить несделанное покойной. Сегодняшние наследники, в общей массе, даже не задумываются о принятии на себя каких-либо обязательств. Главное – наследство получить. Друзей Мария Ивановна выбирала настоящих, честных, как и она сама.
- Помню, она позвонила в марте 1985 года, незадолго до смерти, и попросила помочь составить завещание. Даже зная о ее болезни, я невольно вздрогнула: «Но ведь рано еще!» (А было все как раз вовремя!). «У меня нет наследников по закону, значит, надо распорядиться так, чтобы все досталось в те руки, какие я хочу», – сказала она. Была добросовестна даже в предсмертных приготовлениях.
- Умерла она 25 июня. Ее похоронили на Николо-Архангельском кладбище, рядом с матерью.

«сделали измену». Солдаты хотят защищать отечество. Начальство изменяет, «снюхались с немцем».

Это довольно низкая тактика большевиков. Большевистская агитация, с одной стороны, разрушает боеспособность, агитирует против наступления и затем пользуется чувствами, которые в армии вызывают наши позорные поражения, и объясняет неудачи изменой «буржуев-офицеров». Ловко, но подло. В горнило политической борьбы брошено все, чем до сих пор дорожил и мог гордиться человек. И ничто не осталось не оклеветанным, не осквернённым, не обруганным. Партия на партию, класс на класс, человек на человека выливают все худшее, что может подсказать непримиримая вражда, что может выдумать и измыслить недружелюбие, зависть, месть.

Нет в России ни одного большого, уважаемого имени, которого бы сейчас кто-нибудь не пытался осквернить, унизить, обесчестить, ужалить отравленной стрелой позора и самого тягостного подозрения в измене, предательстве, подлости, лживости, криводушии.

Даже в среде самой демократии ругательски ругают всех и вся: и Керенского, и Ленина, Чернова, Либера, Дана, Троцкого, Плеханова, Церетели, Иорданского…. Ругают с ненавистью, с жестокой злобностью, с остервенением, не останавливаясь в обвинениях, самых ужасных для честного человека. И все это с легкостью необыкновенной. Нет ничего теперь легче, чем бросить в человека камень.

Внезапно, как-то катастрофически бесследно угасла повсюду вера в честность, порядочность, искренность, в прямоту. У человека к человеку не стало любви, не стало уважения. Забыты, обесценены и растоптаны все прежние заслуги перед обществом, перед литературой, перед родиной. Люди превращают друг друга в механически говорящих манекенов. Жизнь переходит в какой-то страшный театр марионеток.

Жить так нельзя – это невыносимо ни для каких сил. Отдельный человек, утративший веру во все и во всех, не воспринимающий окружающего мира душой,

сих пор удержались от общей свалки. Авось, и дальше удастся».

6

22. 08.

Из письма к М.Ф. Николевой:

«Чего я жду? Трудно сказать что-нибудь о ближайшем будущем: туманная туча закрывает дали. Как всегда, я верю в жизнь, но думаю, что вблизи времена тяжелые и трудные. Надо их как-нибудь пережить…. И что бы ни наступило, все-таки это уже будет новое. Той установившейся, прочной гнусности, которая называется теперь старым режимом – уже не будет…»

После перерыва записи продолжаются в октябре.

7

26 октября.

«Костя Ляхович вернулся сегодня в 9 часов утра. Всю ночь провел в Полтавском совете рабочих и солдатских депутатов и в переговорах с юнкерским училищем. Юнкера раздобыли 20 пачек патронов и везли с вокзала себе в училище. Солдаты остановили автомобиль и отняли патроны. Это было ночью. Юнкера предъявили ультиматум: если к 3 ночи не отдадут патронов, они идут на совет с орудием. Кое-как удалось достигнуть компромисса и предотвратить столкновение. Полтава рисковала проснуться в огне междоусобия. Вечером заседание Думы (публичное) в музыкальном училище. Будут рассуждать о положении. Теперь идет кризис повсюду: большевики требуют передачи власти советам. Другие, более умеренные партии – за временное правительство.

В городском саду стоит часовой у цейхгауза. Стоят они часов по 10-ти подряд. Скучают, охотно вступают в разговоры. Я подошел. Молодой парень, бледный, довольно изнуренный. Был уже 2 года на фронте, у Тернополя участвовал и в наступлении. Говорит, что если бы удержались наши, – были бы уже во Львове. Пришлось отступить. – Почему?

Солдаты не захотели наступать? – Нет. Офицеры

В этой публикации примечателен эпизод, который, казалось бы, уже и был известен ранее, но теперь он получил новое звучание:

- *«М.В. Юдина забила тревогу: в осажденном Ленинграде умирает крестница В.Г. Короленко. Но крестные тогда не признавались. Писатель С.Я. Маршак хлопотал, чтобы спасти «племянницу» В.Г. Короленко с дочкой. Уже тогда маленькая Маша проявила характер. Они собирались уезжать. В самолет можно было взять только самое необходимое. Елена Михайловна собирала сверток. Маша упорно пыталась вложить в него любимые игрушки, но мама возражала. Тогда Маша прижала любимцев к себе, и никто не смог их отнять. Так она и вошла в самолет. Эту черту верности и ответственности перед всем и вся она пронесла через всю жизнь».*

***

В книге М. Юдиной «Обреченная абстракции, символике и бесплотной музыке. Переписка. (1946–1955 год)» (М.. 2008) приведен текст одного письма Елены Михайловны Сосновской в адрес Юдиной. Датирован он началом 1953 года. Фрагменты этого письма заслуживают внимания, особенно те места, где упоминается о ее дочери Машеньке:

«У Машеньки та же зимняя карусель, и если б не ее способность «планировать» и «укомплектовывать», она погреблась бы давно под ворохом своей разнообразной деятельности…» И еще: «Пустыню, которая образовалась в сердце, надо перейти. Сознание «оставленности» (помните?) – последнее испытание и самое, по-видимому, страшное. У меня есть Друг – Машенька, но в ней я растворяюсь целиком и не ощущаю себя «отдельностью». Она для меня великий и незаслуженный дар и не потому, что она моя дочь, а потому что она Человек…»

Е.М. Сосновская многое пережила в своей жизни, но ей удалось сохранить трепетные, дружеские отношения с дочерью.

В этом же письме она доверительно писала

Юдиной: *«Я выдавливаю из себя жизнь, чтобы дать ее ей, но жизненных и духовных сил осталось очень мало. Я не собиралась изрекать все эти сентенции, когда взялась за карандаш, но я потеряла способность ощущать «стиль». Итак, дорогой друг, горячо Вас обнимаю, целую и верю, что Вы «восстанете как Феникс» и я еще порадуюсь Вашей силе и красоте».*

В примечаниях к этому письму о Елене Михайловне Сосновской приведен ряд новых подробностей ее биографии: «Елена Михайловна Сосновская (1903–1979) – близкий друг М.В. Юдиной. Человек разнообразных дарований – художница, музыкант, брала уроки у М.В. Юдиной, ученый». Она многолетне работала в палеонтологическом музее».

Примечательны краткие подробности об их дочери Маше: *«Мария Ивановна Андреевская (1936–1985) – филолог. С М. В. Юдиной была очень дружна, как и ее мать».*

Весной 1959 года в письме к своему давнему и преданному другу В.С. Люблинскому Юдина вспоминала: *«С «детской проблемой» – Вы мало связаны, а я – постоянно: сперва Аня – Маша Андреевы, затем Надя, потом Маша Андреевская…»*

Юдина любила и опекала ее в детстве, как многих других детей своих близких друзей, и до конца дней своих была к ним привязана.

Жизнь Марии Ивановны Андреевской пришлась на те годы, когда в стране насаждалось безбожие. Ее твердое отношение к вере проявилось с детства. Какая-то часть людей уже не знала, что есть Бог, и жила в неведении. Многие знали о существовании Господа, но отказывались от Него. И лишь небольшая категория людей продолжала верить в Бога и жить по-Божьи.

Мария Ивановна была из верующей семьи и верила сама. Поэтому она не вступала ни в пионеры, ни в комсомол. Принципиально. И когда другие как-то отговаривались, что-то придумывали, чтоб не вступать, Маша открыто говорила, что она не может, потому что верующая. Когда ей предлагали аспирантуру или вступить

года, довольно обширна, но чаще всего очевидцы описывают события, происходившие в Петрограде и Москве. Тем важней свидетельства, оставленные Владимиром Галактионовичем, который в то время находился в Полтаве. Он сразу и безоговорочно осудил захват власти большевиками.

Вот наиболее интересные записи 1917 года.

1

25. 01.

«События бегут быстро… продолжается министерская чехарда…»

2

26. 01.

«Украина осталась для меня в виде воспоминаний детства и прошлого…(«Лес шумит» и «Судный день»)».

3

3. 03.

«Приезжали из Пг-да и Харькова, сообщили, что 1 марта в Петрограде – переворот…

…в Полтаве – ни энтузиазма, ни подъема. Ожидание. Похоже, что это не революция, а попытка переворота»…

4

9. 03.

«…С этих пор события побежали с такой быстротой, что ни обсуждать, ни даже просто записывать их некогда…

… Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского…»

5

15. 06.

Из письма к А.С. Малышевой:

«Что сказать о всем происходящем? Пыль поднялась до самого, можно сказать, неба и ничего не разглядишь. До

- Письма к Луначарскому. Париж, 1922.
- Современные записки.
- Очерк «Земли! Земли!» – там же, 1922–1923.
- Письма Горькому. Летопись революции. Кн. 1. Пг. – Берлин – М., 1923.
- Выдержки из дневников (1917–1920) появились в 1977 году – В сб. Память. Париж. Вып. 2.
- Книга Короленко в годы революции и гражданской войны. Биографическая хроника. Сост. Негретов П. и Бенсон. США. 1985.

Рассмотрим появление в отечественной печати дневников писателя в хронологической последовательности. Только в 1990 году в «Вопросах литературы» появилась первая полная публикация дневников писателя за 1917 год, хотя его архив от семьи писателя поступил еще в 1938 году. Но сами дневники, как сообщается во вступительной статье к этой публикации, были переданы в 1952 году. **(ОР ГБЛ, ф. 135. р. 1).**

Во вступительной статье к этой публикации отмечается, что дневники 1917 года начинаются с 4. 1., но имеют разрыв в датах – с апреля по октябрь. А затем с октября по декабрь.

В отстаивании жизненных интересов многих людей он был неутомим: *«я шел говорить о жизни людей» – спасти их от «озверения и жестокостей новой власти».* Короленко писал: *«С давних пор население привыкло обращаться ко мне в случаях тревоги и экстренных событий…»*

В каждой его фразе звучит бесстрашие, спокойствие и непоколебимое внутреннее достоинство. Эти качества в те годы проявлялись и в простых реалиях его жизни.

Короленко фиксирует в дневнике факты запугивания его, угрозы и анонимные записки и предупреждения об аресте, причем как с одной враждующей стороны, так и с другой. Он достаточно трезво и с долей иронии относился к этим запугиваниям, равно как и к оценке ситуации вокруг него.

Литература, посвященная событиям октября 1917

в партию, она категорически отказалась, говоря, что это несовместимо с ее убеждениями, и она не может изучать историю партии. И в этом тоже проявлялся характер, его твердость, основательность, чистота.

Среднюю и высшую школы Мария Андреевская закончила с отличием. Защищалась по теме: «Нравственно-философская проблематика романа «Братья Карамазовы».

Что же еще могла выбрать душа, ревнующая о Боге!

Потом работала в музее Пушкина, а также в философской редакции издательства «Советская энциклопедия», в реставрационных мастерских имени И.Э. Грабаря, в НИИ культуры.

Филолог Андреевская много читала, не смущалась любой литературы, очевидно, позволяла себе это как профессиональную необходимость или не принимала как грех. Была очень придирчива к жизни, своим и чужим поступкам и даже мыслям. Не боялась быть честной. Не боялась выступить на собрании и сказать свое мнение, даже если оно отличалось от других.

Одиннадцать лет она боролась со своим страшным недугом, строго соблюдая предписания врачей, зная, что болезнь неизлечима. Была щепетильна и соблюдала даже то, что казалось трудно исполнимым. За ней ухаживали друзья. Жить с таким осознанием ужасно, а она при этом продолжала работать. Писала, приводила в порядок свои дела. Умерла в 48 лет, дописав свой последний роман.

В 1993 году в музее А. С. Пушкина прошел вечер, посвященный памяти Марии Ивановны. Звучали ее стихи и в различных клубах Москвы на вечерах духовной поэзии.

После её смерти в альманаха «Поэзия» за 1986 год (выпуск 44) была опубликована подборка ее стихов с предисловием С.С. Аверинцева, а в 1992 году вышел сборник *Стихотворения и поэма*. Она написала также ряд искусствоведческих и литературоведческих статей и два романа.

В «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1971. Т. 6) была помещена ее статья под названием

«Пушкинские места». Известна также и ее посмертная публикация в журнале «Литературное обозрение» (1991. № 5) о «Мастере и Маргарите».

Сокурсник по университету, доктор филологических наук С.С. Аверинцев высоко ценил ее как творческую личность. Он говорил, что Мария *«принадлежала к такой категории людей, которых, казалось бы, уже и не могло быть, а они по странному стечению обстоятельств все-таки существовали»*.

и выразительную форму. Отдельные мысли звучат почти как афоризмы.

Вслушаемся в некоторые из них. До чего же они звучат современно, глубоко и проникновенно.

Но если в дневнике за 1917 год содержится больше описательного элемента, то в дневнике за 1918 год его суждения в оценке текущих явлений жизни становятся жестче и непреклонней.

Без сомнения, дневники Короленко представляют собой важные свидетельства о прошлом, значение которых трудно переоценить.

В.Г. Короленко включал в свои дневники:

- Фрагменты писем к нему самых разных корреспондентов, практически из всех социальных слоев общества.
- Газетные статьи и сообщения хроники (фрагменты).
- Собственные рассуждения по тем или иным проблемам.

Он вносил в дневник, по его собственным словам, так называемые «картинки с натуры», а также фиксировал факты появления его публицистических выступлений.

Стоит обратить внимание даже на названия его публикаций, которые очень выразительны и могут служить прекрасным дополнением к творческому портрету Короленко.

Некоторые его суждения звучат как своеобразное духовное завещание, направленное к современникам и потомкам.

Во время последней болезни он сказал своим близким: *«Издадите дневники. Думаю много будет в них любопытного»*.

Жена и старшая дочь подготовили 6 томов дневников для ПСС. В 1925–1928 годах были изданы т. 1 – 5 (1904–1916), но уже подготовленный к печати т. 6 (1917-1921) напечатан не был.

За рубежом освоение послереволюционной части архива В.Г. Короленко началось сразу же после его смерти:

Галактионовича, запечатленное в разных документах последнего периода его жизни и творчества, совпавшего с революцией и гражданской войной, стало достоянием общественности. Это, прежде всего его дневники и частично эпистолярное наследие. В этих документах звучит голос ушедшего времени. Долгое время публицистика Короленко печаталась очень избирательно. Картина отношения Короленко к разным властям в период гражданской войны в его дневниках и письмах отражена очень ярко…. Дневники Короленко сохранили черты русской общественной летописи за несколько десятков лет.

В.Г. Короленко служил, да и продолжает служить *нравственным ориентиром* не только для своих современников, но и для нас – его потомков.

Читая его дневники, мы как бы приобщаемся к апокалиптическим событиям первой половины XX столетия, и это приобщение весьма поучительно.

В.Г. Короленко был не только участником и свидетелем революции и гражданской войны, но и воином в отстаивании незыблемых основ свободы любой человеческой личности.

Основным рефреном многих его записей является, пожалуй, одна фраза – *«глубоко возмущен насилием…»*

Да, безусловно, он был борцом, но его оружием было слово, бесстрашное и беспощадно правдивое.

Короленко в своих записях тех лет предстает отнюдь не бесстрастным летописцем переживаемых событий…. В его дневниках отражена и широкая палитра общественной жизни, и какие-то частные случаи и события, и даже фрагменты писем в его адрес (ведь для многих современников он был непререкаемым авторитетом и совестью нации). Звучат их голоса, звучит ушедшее время, как бы на миг повернутое вспять.

Сам Короленко в своих дневниковых записях раскрывается удивительно полно и с разных сторон. В нем проявляются и свойства психолога, и черты социолога, и мудреца, наделенного острым умом. Его выводы и прозрения чаще всего облечены в предельно лаконичную

Глава 5

Друг Короленко Я.К. Имшенецкий

10 мая 1938 года в дневнике В.И. Вернадского появилась запись: *«…Из Полтавы сообщают, что там сплошные аресты и террор среди старых людей. Арестован Я.К. Имшенецкий – старый земец и кадет. Ему за 80 лет, стал очень богомолен. Друг Короленко. «Молился и писал мемуары». Не за мемуары ли он и арестован? Раньше был арестован его сын А.Я. Имшенецкий. Оба очень хорошие люди. Я.К. – оригинальный и умный человек…»*

Приглашение к поиску

Эта запись – словно приглашение к путешествию в прошлые годы, страшные, но незабываемые…. Она была опубликована в марте 1991 года сначала в журнале «Дружба народов», и возникла буквально из небытия. В ней содержится так много важного для понимания времени. Буквально в каждой строке, а их не так уж и много, содержатся такие подробности, которые интересны не только сами по себе. Возникают вопросы и желание найти новые документы.

Эта дневниковая запись, как своеобразная веха и свидетельство в одно и то же время. Она позволяет предположить хотя бы ориентировочно дату насильственного ухода из жизни одного из друзей Короленко – Я. К. Имшенецкого

Как сказал Вернадский, Я.К. Имшенецкий – *«старый земец и кадет»*, а это уже немало**.** Это – вектор поиска сведений материалов по истории земского движения в России в начале XX века.

Даты его жизни говорят о том, что он принадлежал к тому же поколению, что и сам Вернадский.

И еще: Имшенецкий *был другом* Короленко!

Имшенецкий был одним из первых, кто в 1922 году написал о Короленко к первой годовщине со дня его смерти.

Мне предстояло разыскать эту публикацию и вернуться к давнему и забытому тексту….

Арест Имшенецкого в 1938 году объясняет, почему его имя и его воспоминания не появились в книге «В.Г. Короленко в воспоминаниях современников» (М., 1962). Вообще удивительное издание: в него не вошло много свидетельств о Короленко….

Вернусь снова к записи Вернадского: *«Молился и писал мемуары».* Можно ли узнать их дальнейшую судьбу? Вопрос задан, но будет ли найден ответ…. И еще волнует строка: *«стал очень богомолен…»* Оставлю комментарий к этой строке на будущее….

Особенно важно было бы разыскать архивные материалы о мемуарных записях Якова Имшенецкого, о которых упоминает Владимир Иванович Вернадский.

Имшенецкому было что рассказать: ведь он – участник и свидетель «страшных лет России».

Прежде нужно выяснить: единично ли было упоминание об Имшенецком в дневниках Вернадского. Для этого изучались тексты опубликованных дневниковых записей за другие годы. Это было делом кропотливым и не легким, т. к. к публикации дневников Вернадского (к тому же далеко не всех!) приступили только с начала 90-х годов прошлого столетия.

года. В 1903 году – июнь».

Этот дневник подобен «зеркалу», в котором отразились настроения в России перед первой революцией. В нем встречаются слова о «самодержавной беспомощности» и усилении сыска.

Дневник включает также записи о 2-х демонстрациях – в 1901 году в Харькове (19. 02) и в Петербурге (4. 03). Он пишет о вспышке аграрных волнений в Полтаве и харьковской губернии, о массовых арестах и еврейских погромах. Короленко скрупулезно отмечает основной ход происходивших событий. Он показывает зарождение симптомов будущей революции.

В этом томе частично отразились и житейские события его семьи. В 1900 семья переехала в Полтаву. В 1903 году умерла его мать, которая долго и тяжело болела (30. 04).

В июле 1903 года российской общественностью широко отмечался 50-летний юбилей писателя. В свой день рождения он совершил пешеходную экскурсию по деревням и монастырям саратовской губернии и был на торжестве в Сарове, посвященном Серафиму Саровскому.

14 ноября 1903 года в Петербурге состоялось торжественное юбилейное заседание.

Он записал в дневнике: *«Я подчинился, понимая хорошо, что дело тут не в точной оценке моей личной деятельности, а в том, что русское общество выражает свои симпатии русскому слову и литературе…. Мысль переходит в слово. Слово же ищет также и своего выражения, которое называется делом. Мысль, слово и дело – это три ступени, по которым двигается история».*

В посмертное собрание сочинений включены дневниковые записи только до 1903 года. Страницы, охватывающие период с 1904 года до последних лет жизни писателя, до сих пор лежат в фонде В. Короленко в отделе рукописей бывшей государственной библиотеки им. В.И. Ленина и выдаются исследователям, увы, исключительно по особому разрешению.

Только начиная с 1990 года, слово Владимира

вопросов, которые мы мнили разрешить еще так недавно...

…странное щемящее предчувствие будущего, не скажу, чтоб угнетающее или пугающее, но торжественное и значительное, с примесью грусти...

Хочется верить, что их жизнь будет продолжением лучших ожиданий нашей, хотя так часто теперь история отцов и детей повторяется навыворот».

Этот отрывок из дневника был помещен в харьковском издании «О голоде», посвященном памяти Короленко и изданном в 1922 году. Ранее он не публиковался.

***

В 1927 году был напечатан третий том, в который вошел дневник писателя с 1895 по 1898 год. В него вошли записи о мултанском деле. В. Г. Короленко выступил с докладом в антропологическом обществе в качестве защитника.

В 1896 году не было в его жизни ни досуга, ни надлежащего спокойствия.

Когда процесс был выигран, пришла телеграмма о смерти дочери, после чего у Владимира Галактионовича началось тяжелое и мучительное нервное заболевание.

13 октября 1896 года он записал в дневнике: *«Мне кажется, что я за это время потерял несколько лет жизни…»* Обозначилась, по его собственным словам, *«резкая грань в жизни».*

22 апреля 1897 Короленко выехал заграницу на лечение. Нездоровье объясняет отсутствие дневниковых записей за этот период, и только с 1898 года дневниковые записи возобновились.

В его ранних дневниках часто встречаются выписки из книг, но со временем количество выписок сокращается и даже несколько изменяется их характер.

В 1928 году вышел четвертый том дневников писателя, в который были включены записи с 1898 по 1903 год. Во вступлении «От редакционной комиссии» отмечалось: «Настоящий том включает записи с 1898 по 1903 год включительно. Вошло 5 тетрадей! В 1900 году дневник не велся. В 1902 году – только первая половина

Впервые тексты ранних дневников В.И. Вернадского времен революции и гражданской войны появились в Киеве лишь в 1994 году. Обратим внимание на некоторые записи, помеченные 1917–1918 годами. Они передают атмосферу тех грозных лет…. Оказалось, об Имшенецком есть упоминания в дневниках ученого и за эти ранние годы.

1

3. 11. 1917 года. Петроград.

...кажется, целая вечность прошла после последних записей. Невозможное становится возможным, и развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной былинкой…. Обыватель ждет немца как избавителя….

2

6. 11. 1917 года.

... утром ЦК. Долгие споры о выходе наших из Комитета спасения…. За социализм, как идейное мировоззрение, но и как по возможности вместе. Набоков, Васильев, Имшенецкий резко подчеркнули вероятие реакции и того, что нам придется идти с социалистами против правой реакции… обедал Имшенецкий. Настроение у всех тревожное, но растет государственное негодование….

Таким образом, краткие встречи Владимира Ивановича Вернадского с Имшенецким в эти тревожные дни переломного времени были довольно частыми. А познакомиться они могли значительно раньше – ведь оба были членами конституционно-демокра-тической партии. Да и встречи их в 1917 году были деловыми, связанными с принадлежностью к одной партии.

3

14. 11. 1917 года.

«…всюду и все время разговор об одном и том же. Тревожное и тяжелое настроение…»

Эта лаконичная запись достаточно верно передают атмосферу того времени, а частое упоминаемое слово

«тревожное» – тревожное время или тревожное настроение – характеризует те дни достаточно выразительно. Именно в то время и происходили встречи Вернадского с Имшенецким. Вскоре оба попали в Полтаву. Для Имшенецкого это был родной город, в котором он прожил большую часть своей жизни.

Они встретились там как старые друзья. Это произошло в начале 1918 года. В то время их контакты были особенно интенсивными, но все же не выходили за рамки сугубо деловых. Вернадский немногословен, и на то было немало причин. Он записывает в дневник самые памятные и важные события. Частота упоминаний имени Имшенецкого характеризует динамику их встреч.

4

17. 2. 1918 года. Полтава.

«… Вечером 15-го у Имшенецкого обычное заседание – подымался вопрос о самоохране в связи с ожидаемыми погромами при уходе большевиков. Затем мною был поднят вопрос о необходимости церковной организации для защиты церкви и для подъема национального духа…. Здесь находится возможность внеклассового общения на почве подъема глубочайших человеческих переживаний. Вместо того духа социальной мести, розни, стремления к грабежу, насилию, наживе, которое практически вытекло и вытекает из социалистических, в частности, большевистских внушений, в массе подымается чувство общности, мысль об общечеловеческих основах жизни, духовное единство и любовь…. Религиозный подъем есть один из величайших элементов очищения».

Вернадский пишет: *«… как странно сейчас, в каких-то отделенных временем образах вспоминать это прошлое, среду, в которой жил, и из которой сейчас почти никого нет в живых. Это не воспоминания, а воссоздание прошлого, в котором, наверно, есть черты и элементы, в нем не бывшие».*

Эта запись примечательна по многим причинам. К ее анализу я еще вернусь.

монашеской иерархии. Несколько этих фраз из дневника потом войдет в его рассказ «Птицы небесные».

Отдельный, особый раздел представляет раздел «Мои дети», в котором содержатся меткие наблюдения над развитием детей. Встречаются и размышления автора над важными жизненными проблемами.

Самая ранняя запись датирована 27 августа 1881 года. Ежедневные записи велись им с 1881 по 1884 год.

В мае 1879 году В.Г. Короленко вместе с братом Иллариoном был арестован. Затем последовала их высылка в Глазов Вятской губернии.

Короленко органически не мог замыкаться только в своем внутреннем мире, и потому так интересен его ранний дневник, проникнутый активностью, движением, борьбой и дающий обильный фактический материал каждому, особенно историку русской общественной мысли России.

Короленко как художник и писатель-психолог выступал в своих записях, прежде всего, как документалист…

Дневник 1893–1895 годов составляет второй том, который вышел в 1926 году, напечатанный в Полтаве в издательстве «Більшовик Полтавщини».

Отличительной особенностью второго тома являются путевые впечатления от его поездки в Америку в 1893 году на 3 месяца.

Часть этих записей была напечатана еще при жизни, а часть впервые появилась в полном посмертном собрании его сочинений (т. 17 и 18).

Настоящий дневник содержал элементы чисто личного характера (осенью 1893 года умерла его дочь). У писателя вновь появилась потребность осмыслить вечную проблему жизни и смерти.

30. 05. 1893 года он записал:

«... все мы, довольные и счастливые, роковым образом коллективно виновны перед всеми несчастными... рядом плачут на ветру и в темноте неповинные дети... не этому ли поколению, теперь ещё дремлющему в своем детском неведении, придется вынести всю тяжесть

Глава 7

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

(По страницам дневников и писем В.Г. Короленко)

В отделе редких изданий и рукописей харьковской научной библиотеки им. В.Г. Короленко сохраняется экземпляр первого тома полного посмертного собрания сочинений писателя, который был напечатан в 1925 году в Харькове Государственным издательством Украины.

Книга вышла тиражом в 3000 экземпляров и быстро превратилась в библиографическую редкость. Редакционная комиссия сообщала, что том печатается по решению Совета народных комиссаров. В него вошли дневниковые записи писателя с 1881 по 1893 год.

По мнению редакционной комиссии, в этих дневниковых записях *«отливаются все живые документы человеческой личности».* Дневник Короленко отражает также его литературные интересы и фиксирует какие-то вопросы художественного творчества, которые занимали его в то или иное время.

В дневнике писателя нашли отражение многие вопросы, касающиеся внутренней жизни человека и не только:

- Хроника личной жизни.
- Внутренняя работа и динамика развития сильного творческого духа.
- Жизнь других людей, его современников.
- Окружающий мир.
- История внутреннего роста автора.
- Динамика общественного сознания.
- Черты русской общественной летописи.

На страницах дневника встречаются размышления Короленко на религиозные и философские темы. Помимо этого, встречаются отрывочные записи о монастырях и

5

18 (31. 03.) 1918 года Вернадский записал: *«… все так сложно и в разговоре с Имшенецким, к которому обращалась бы партийная молодежь, которой дороги интересы России, я мог бы только высказать за и против, но сделать заключений не мог. Тут должен решать каждый сам… главное, ужасны и бессильны органы местного самоуправления и умственно ничтожны социалисты Полтавы».*

Вернадский продолжал: *«… работал над живым веществом… вчерне весь состав книги кончен. Но это только черновой набросок, который потребует огромного труда. Я знаю, что я даю здесь много новых концепций и нового понимания природы, но сумею ли сделать это понятным современникам. И ужасно ярко чувствую недостаточность собственного знания даже в области, уже доступной человечеству».*

Некоторые разногласия Вернадского с Имшенецким по вопросу самоопределения Украины, который в то время стоял особенно остро, не повлияли на их дружеские отношения.

6

Прошло меньше месяца, и в дневнике Вернадского вновь упоминается фамилия Имшенецкого.

12. 04. 1918 года.

«С Имшенецким и Бельговским обсуждали обращение и платформу украинской партии народной свободы. С ними интересный разговор об украинском языке и украинском вопросе. Оба себя считают украинцами, но считают, что культура духовная общая… я в этом во многом с ними согласен, но считаю, что их отношение к украинскому языку недостаточное».

Так стал известным новый факт биографии Имшенецкого – его участие в украинской партии народной свободы. По всему видно, это был деятельный человек, который не хотел, да и не мог оставаться в стороне от происходящих

событий. Скупые сведения, но и они дарят новые штрихи к портрету друга Короленко.

7

Не менее интересна следующая запись Вернадского:

5. (18. 4.) 1918 года.

«... пошел гулять в запущенный городской сад. По дороге встретил Вл. Гал. Короленко. Городские школьники, которые здесь копали грядки, очень приветливо ему кланялись, очевидно, зная, кто он такой….

... Я отличаюсь от своих политических единомышленников тем, что считаю возрождение украинского языка очень большим положительным явлением. Недавно у меня был разговор об этом с Я.К. Имшенецким, Л.И. Бельговским, Л.Г. Ефимовичем, и мне очень стала ясна их точка зрения, с которой, однако, вполне я согласиться не могу. Оставаясь украинцами, они принимают русский язык, как ирландцы английский, и русскую культуру как родную, но в то же время, ясно чувствуют и свою обособленность, и свое, т. е. украинское значение в создании и русского языка, и русской культуры».

Очень примечательная запись, естественно и органично соединяющая два имени – Имшенецкого и Короленко….

8

Весной 1918 года их встречи были особенно частыми.

9. (22. 04.) 1918 года.

«… работал над живым веществом, мысль идет все глубже и одновременно усиливаются и сомнения, и чувство незнания.

Вчера вечером у Имшенецкого собрание комитета. Сейчас, несомненно, во многом меняется настроение, и ужас содеянного, а равно предательство Рады, становится все более ясным».

По-разному подходили братья и к сложной теме «Природа и Человек». В.Г. Короленко провидел, что вскоре может наступить время, когда *«оскорбленная и возмущенная творимым человеком злом, природа восстанет и пойдет войной против него».*

В.И. Вернадский же, напротив, в контексте будущей и весьма отдаленной перспективы, предсказывал наступление эры гармонии между Природой и человеком, их «*взаимного плодотворного сотрудничества*».

В наши дни мы можем сказать, что мрачный прогноз Короленко подтвердился и продолжает подтверждаться каждый день.

Предвидение Вернадского, обращенное в отдаленное будущее, пока остается весьма проблематичным и, скорее, романтическим.

В их кратком личном общении многое остается за гранью прошлых дней…. Но можно смело утверждать, что во внутренней жизни ученого незримое присутствие Короленко было постоянным, несмотря на то, что лишь изредка прорывалось наружу какой-то строкой в его дневнике.

всецело проникнута идеями отвлеченного, во многом романтического гуманизма. Обогащенная личным опытом прожитых лет, она определяла и направляла поведение братьев и в последние годы жизни.

Для Короленко и Вернадского была типичной активная правозащитная деятельность. К сожалению, в конце жизни у каждого она проявлялась, главным образом, в частных обращениях (просьбах, протестах) в вышестоящие советские «инстанции».

Их представления об «идеале будущего развития России» в целом совпадали. У Короленко они носили несколько размытый, романтически-мечтательный характер, что соответствовало его поэтической натуре.

Он писал в ранний период творчества:

«Человек создан для счастья, как птица для полета…. Исчезнет насилие, народы сойдутся на праздник братства, и никогда уже не потечет кровь человека от руки человека, а на Земле воцарятся радость и мир».

В последующие годы Короленко сумел преодолеть многие народнические иллюзии молодости. В годы революции, он в значительной степени *«вину за поразившие общество болезни* – «бандитизм и террор», возлагал на сами народные массы, которые долгое время явно идеализировал.

Вернадский, напротив, увидел в народных массах, прежде всего, стремление к образованию, науке и культуре и видел в этом важнейшую динамику в общем движении человечества к ноосфере.

У Вернадского – ученого, его идеал принимал достаточно конкретные и четкие формы, что нашло отражение в ныне широко известном его учении о ноосфере.

Поразительно их отношение к таким феноменам в общественной жизни, как коммунизм и советская власть.

До конца жизни Короленко оставался непримиримым противником и того, и другого, сохраняя и подтверждая неоднократно свое критическое отношение к существующим реалиям.

Вернадский, в силу ряда объективных жизненных причин, перешел на позицию сотрудничества с советской властью.

Эти записи отражают общую направленность интересов Вернадского в эти памятные и трудные дни.

9

Для понимания настроенности Вернадского интересна следующая его дневниковая запись:

18. 04. (1. 05) 1918 года.

*«… как далеко **это** первое мая от того, которое было в прошлом году! Когда мы все участвовали в первом мае, надеясь, но, не веря, что есть что-то твердое, возрождающее в совершавшемся вокруг нас бедламе. Мы хотели верить в русскую революцию, в мировое демократическое движение. Теперь мы верить в нее не можем, а у меня все более и более поднимается презрение!»* (знаки Вернадского).

И завершает запись следующее его признание:

«… чем более я вчитываюсь в давно мне чуждую биологическую литературу и еще более вдумываюсь в природу, тем более и ярко, и сильно чувствую условность и мелочность обычных построений общественного и политического убеждения и необходимость и в этой области той же искренности, глубины и беспощадности мысли, какую всегда считал и считаю в научной области, научном искании…

в общественной и политической жизни примешивались чуждые истине привычки, боязнь углубления, огорчения близких, выводов, которые были бы мне самому тяжелы своим противоречием с тем, с чем я сжился. Здесь я не был свободен в своих исканиях и в моих выводах. Иногда мне казалось это правильным, т. к. здесь добиться истины в сложном клубке событий иногда трудно до неимоверности.

А теперь? Когда жизнь разбивает старые убеждения и выявляет ошибочность жизненной деятельности! Не должен ли я смело, беспощадно и откровенно идти по пути полной переоценки своих убеждений и убеждений близких?..»

В этой записи состояние переживаемого духовного кризиса выражено предельно откровенно**.**

Стремительно сменялись события одно за другим. И вот новая запись.

10

7 мая 1918 года.

«Выехал в Киев…. Еду на съезд к-д. с Бельговским и А. Имшенецким. Полтавский комитет по моей инициативе пересмотрел вопрос о посылке депутатов на съезд и выбрал нас. Я. К. Имшенецкий, который должен был поехать, по моему мнению, остался, по решению большинства комитета, т.к. выборы в городские головы 8 мая и надеется, что продет С. Г. Семенченко. В комитете были большие дебаты в связи с решением поддерживать правительство, в которое вошел Василенко. Очень трудное и тяжелое положение».

В этой записи упоминается сын Якова Имшенецкого, с которым Вернадскому также приходилось общаться. Завершает эту запись следующее сообщение: *«… был вчера у Короленок. В.Г. спал. Разговор с Авдотьей Семеновной, Софией Владимировной, бабушкой. Невольно приходится касаться тяжелых вопросов – переработки идеалов жизни. Они переживают тоже многое тяжелое в связи с переоценкой ценностей и реальности».*

11

8 мая1918 года.

«А.Я. Имшенецкий рассказывал о разговоре с Товкачем – украинский «сенатор», полтавский адвокат приехал из Киева…»

Как видим, сын, так же, как и отец, в то время активно занимался общественной деятельностью. А.Я. Имшенецкий тоже принадлежал к партии кадетов, и очевидно, это сыграло свою печальную роль в его аресте.

Имеет место ряд общих совпадений в биографиях Имшенецких – общественных деятелей, с биографиями и Дмитрия Ивановича Шаховского, и Владимира Ивановича Вернадского. Все они в течение многих лет знали друг друга и довольно часто общались. Подтверждением этого

судеб разных представителей рода Короленко, но неизменно духовной и достаточно крепкой.

Вернадский считал публицистику важнейшим средством открытого выражения активной общественной позиции, просвещения и убеждения людей. Отдельно он выделял публицистику как одну из форм пропаганды знаний.

Он не всегда верно понимал гражданскую позицию Короленко – публициста, страстный голос которого был направлен против насилия и беспредела, против разгула самых низменных проявлений и временного торжества той или иной власти.

Осознание катастрофы, к которой двигалась Россия, активный поиск путей и средств ее предотвращения, стали для братьев тем, что и определило в известной степени характер их общих гражданских ориентаций.

Соответственно это нашло отражение, прежде всего, в сочинениях Короленко, написанных в период 1917–1920 годов – в очерках «Война, отечество и человечество», «Падение царской власти», и, наконец, в нашумевших «Письмах к А.В. Луначарскому».

В «Письмах к Луначарскому» писатель затрагивал проблему террора как такового, независимо от его «цвета». В революционное время жизнь человеческая совершенно обесценилась, и Короленко рассматривал террор как недопустимое насилие по отношению к человеку.

Владимир Галактионович остро чувствовал личную ответственность за «общественную неправду», и недаром о нем современники говорили: *«совесть эпохи*», «*солнце России», «светлый духом».*

У В.И. Вернадского его позиция отразилась в письмах и дневниках, и затем – в его фундаментальных работах последних лет жизни: «Несколько слов о ноосфере» и «Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки».

На всем жизненном пути их гражданская позиция как общественных деятелей, начиная со времен юности, была

В 1872 году она окончила Петербургскую консерваторию и затем вышла замуж за Иону Александровича Бирюкова – классного воспитателя Петербургского коммерческого училища. Она была крестной матерью сестры Владимира Ивановича – Ольги Вернадской.

4 октября 1940 года Вернадский записал: *«В связи с выяснением («биологическим») родословной моих детей и моей, проверял семьи, из которых слагались: Старицкие, Зарудные, Константиновичи, Короленко, Куликовские, Гамалеи, Красницкие, Капцевичи, Горляковичи, Рудниковичи, Лазаревы, Арендты, Вернацкие.*

Странное впечатление. Все украинцы (есть 2-3 случая, когда мать неизвестна по фамилии и имени) с XVII по XX век. Только два нерусских – Лазаревы у Константиновичей (XVII век – греки, купчиха) и Арендты у Старицких (XIX век). Ни одного великоросса. Только в XX веке у моих детей, например, Георгия – но Нина (жена Георгия, урожд. Ильинская) не может иметь детей, и наполовину украинка. Для Танечки (дочери Н. В. Вернадской-Толль) это уже не так: (Н. П.) Толль внес великорусскую (и может быть, татарскую) и шведскую в корне кровь Толлей, вероятно, и немецкую, и западноевропейскую.

Другое явление, которое резко бросается (в глаза) в истории рода – это последствия введения «дворянства» в Украину, и Комиссия 1784 (года): тогда западные люди стали скупщиками крепостных людей. В семьях Вернацких это было сделано моим прадедом священником. Отец никогда не мог примириться с тем, что моя бабушка Е. Я. Вернадская купила крепостных крестьян. Просматривал «Родословник» Модзалевского».

Владимир Иванович постоянно интересовался своей родословной. Он мечтал в дальнейшем провести соответствующие генеалогические разыскания, но возраст, напряженная научная деятельность и события второй мировой войны помешали осуществиться его мечте.

Как следует из ряда документов, духовная связь Владимира Ивановича Вернадского и Владимира Галактионовича Короленко была не только генетической и многоступенчатой, которая прослеживается на примере

может служить одна фраза из письма Вернадского к историку права, общественному и политическому деятелю Н.П. Василенко (1866–1935).

4 (17). IV. 1918 года Вернадский написал Василенко из Полтавы в Киев: *«Дорогой Николай Прокофьевич! Давным-давно от Вас нет известий – а между тем, было бы очень важно знать, что сейчас делается и предпринимается в Киеве.*

Имшенецкий хотел написать Вам или Григоровичу-Барскому – не знаю, написал ли, т.к. он частью завален работой, частью находится в несколько угнетенном состоянии. Я Вам писал перед самым занятием Киева немцами, и не знаю, дошло ли к Вам мое это письмо. Мы здесь сидим, отрезанные от России и, в сущности, всего мира. Ни с Харьковом, ни с Киевом до сих пор сообщение не наладилось».

Упоминание о том, что Имшенецкий находится *«в угнетенном состоянии»* свидетельствует об их довольно близких отношениях.

Несколько слов о Василенко, к которому были направлены строки этого доверительного письма.

Еще с начала 1890 года Н.П. Василенко работал в Киеве одновременно педагогом и журналистом. Одно время был сотрудником журнала «Киевская Старина». С 1908 года был редактором газеты «Киевские отклики». В 1918 году кратковременно был назначен министром народного просвещения. С 1920 года – он член Украинской Академии Наук. Основным его трудом были «Материалы по истории украинского права», напечатанные в 1929 году.

Григорович-Барский Дмитрий Николаевич – адвокат, член ЦК кадетской партии, входил в состав защиты по делу Бейлиса. С 1919 года в эмиграции.

Интересно, что в примечаниях к этому письму Вернадского следует комментарий об Имшенецком: *«Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858 – ?) – полтавский земский деятель, кадет»*. Как видим, дата смерти отсутствует.

В фондах харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко сохранилось издание: Имшенецкий Я.К. Мелкий кредит и его значение в народном хозяйстве. – Полтава: тип. Д.Н. Подземского, 1913. – 23 с. (Б-ка журнала «Хуторянин»).

Обращает на себя внимание, что брошюра эта была напечатана в серии «Библиотека журнала «Хуторянин», на страницах которого неоднократно появлялись его статьи.

В 1906 году в Полтаве, в издательстве Шиндлера вышла брошюра под названием: Имшенецкий Я.К. «Предстоящие выборы в Государственную Думу».

Всего 16 страниц, тем не менее, это важный исторический документ, который не потерялся со временем.

Существование этой брошюры еще раз подтверждает тот факт, что автор имел непосредственное отношение к деятельности Государственной Думы. Поэтому вполне закономерно было обратиться к историческим энциклопедиям и словарям.

В 1916 году в Петрограде в частном издательстве «Огни» был издан сборник под названием «К 10-летию Первой Государственной Думы (27 апреля 1906 – 27 апреля 1916». (Пг. Изд-во Огни. 1916. Сборник статей перводумцев).

Среди авторов – видных деятелей Государственной Думы – значится и Я.К. Имшенецкий. В сборнике он поместил краткий очерк воспоминаний под названием «В тюрьме». Приведу несколько отрывков из этой весьма интересной публикации:

- *«… к суме и тюрьме приводят у нас довольно часто такие пути, которые, казалось бы, должны были вести совсем в другом направлении. Пришли к этому и мы, первые русские народные представители, идя по пути выполнения возложенной на нас народом огромной исторической обязанности, стремясь осуществить те народные ожидания, которые налагали на нас огромную ответственность.*
- *…я хорошо помню и теперь то глубокое волнение, какое я переживал в тот день, когда меня выбрали в*

В. Г. Короленко (I–IV тома изданы семьей в Харькове). Издано ужасно и, по-видимому, семья ожидала лучшего их распространения. Вероятно, связано не с сознательным торможением, а с плохой работой. До какой степени мало изменилась эта сторона жизни – гнет вместо жандармов – ГПУ… сейчас во множестве – те же приемы и те же типы. Особенно это чувствуется здесь в Ленинграде, как и в Старом Петербурге короленковского времени. Здесь старое переплелось с новым и живым, и важным, и его гноит. Мне хочется набросать о Короленко».

В примечаниях к этой записи находим следующие уточнения: «Короленко В.Г. Полное посмертное собрание сочинений. Харьков: Госиздат Украины, 1922–1924. Издание завершено не было. «История моего современника» составила первые пять томов. Впоследствии эта книга В.Г. Короленко неоднократно переиздавалась. Намерение В.И. Вернадского написать о брате, к сожалению, не было реализовано».

Установлено, что в середине 30-х годов Вернадский посильно материально помогал испытывавшей нужду дочери писателя – Софье Владимировне.

Запись, сделанная Вернадским уже в 1940 году впечатляет своей скороговоркой и незавершенностью:

«Читал еще раз – последнее издание «Записок современника» Короленко – об Евграфе Максимовиче, Елене Никтополеоновне Бирюковой и так далее – мои воспоминания ранней юности».

Вернадский имеет в виду книгу воспоминаний В.Г. Короленко «История моего современника», которая была включена в собрание сочинений писателя (1922–1929), а затем публиковалась отдельными томами в издательствах «Academia» (1930–1931) и Гослитиздатом в (1935–1938**).**

Слово Короленко о родных занимало особое место в сознании Вернадского-читателя.

Евграф Максимович Короленко (1810–1880) был двоюродным дядей В.И. Вернадского**,** а Бирюкова (урожд. Короленко) Елена Никтополеоновна (ок. 1846 – ?), приходилась дальней родственницей В.И. Вернадскому, но была двоюродной сестрой В.Г. Короленко.

Авдотьей Семеновной, Софией Владимировной, бабушкой. Невольно приходится касаться тяжелых вопросов – переработки идеалов жизни…»

Беседы в кругу родных писателя, безусловно, отвлекали Вернадского от невеселых мыслей и переживаний. Но так ли существенны были эти «переработки идеалов жизни» в духовном мире каждого из них?

13 сентября 1919 года в его дневнике появилась новая запись, связанная с творческой жизнью писателя, но особенно примечателен ее контекст. Вернадский записал: *«… среди зоологических украинских и великорусских инстинктов хочется уйти во что-то такое вечное, которое стоит выше этого, и с чем я соприкасаюсь в той творческой научной работе, которой живу эти месяцы…. Ходят по рукам напечатанные на машинке «Письма из Полтавы» В.Г. Короленко, которые не могут быть нигде напечатаны, критикующие деятельность Добровольной армии – в связи с казнью офицеров большевиков, случаями грабежа, преследованием украинского языка».*

В «Письмах из Полтавы», которые создавались летом и осенью 1919 года, Короленко резко критиковал политику Деникина.

В своем дневнике 20 сентября 1919 года Вернадский как бы делится собственным восприятием прочитанного и последовавшими за этим размышлениями на ту же тему.

«Прочел письма «Из Полтавы» В. Г. Короленко. Несомненно, очень тяжелые факты злоупотребления властью он описывает, но сейчас не это дело печати: так или иначе «ДА» – единственная сила, могущая вывести Россию из тупика и болота, куда завела ее бездарная старая власть и еще более бездарная и циничная социалистическая. Этого Короленко не чувствует. Для него большевизм и «ДА» – явления одного порядка». (Под «ДА» подразумевается действующая Армия Деникина – С.Ш.).

В январе 1935 года Вернадский внес в дневник: «*Несколько времени тому назад прочел все воспоминания*

Полтаве членом первой всероссийской Государственной Думы.

- *Ощущение принятой на себя огромной ответственности, неуверенность в своих силах, сознание того, что борьба общественности со старым режимом еще далеко не окончена и исход ее еще не предрешен, направляли воображение не на одни только светлые перспективы. Помню, как мое настроение после окончания выборов оказалось под влиянием всех этих нахлынувших мыслей, не совсем совпадающих с тем, какое было широко разлито кругом.*
- *… Я понял, что в тот день избранием нам доверены были самые дорогие надежды, самые заветные желания народа, что от своих избранников население ждало, прежде всего, готовности выполнять принятые ими на себя обязанности до конца, каковы бы ни были условия работы, и каков бы ни был этот конец. Под влиянием этих мыслей настроение как-то быстро выпрямилось, и все сомнения покрылись определенным уже раньше принятым решением.*
- *Назначенное по так называемому Выборгскому процессу 3-х месячное заключение, к которому присуждены были 18 декабря 1907 года 156 бывших членов первой государственной Думы за подписание составленного после роспуска Думы воззвания «Народу от народных представителей», я отбывал в Петербурге.*
- *8 мая 1908 года бывшие депутаты в составе 20-ти человек прибыли на выборгскую сторону к воротам одиночной тюрьмы, так называемых «Крестов»… по отношению к нам в тюрьме применяли режим строгий, но без излишних придирок.*
- *… жизнь в тюрьме у меня наладилась довольно быстро, настроение духа почти все время оставалось бодрым, и я довольно систематически работал.*
- *… чтобы дать более ясное представление о характере тюремных настроений, переживаний и всей жизни, я приведу некоторые записи из моего дневника, который я вел в тюрьме».*

В этой публикации мое внимание обратил на себя отрывок

из записи в дневнике Имшенецкого:

15 мая.
«Сегодня получил от Владимира Галактионовича его книжку «Отошедшие».

22 мая.
«Сегодня получил много писем: из Полтавы, Чернигова, Сосницы и Москвы. Особенного в этих письмах ничего нет, но наплыв даже обычных известий извне и приветствий вызвал некоторое волнение…»

31 мая.
Вчера и сегодня лето. Вчера зацвела желтая акация. Сегодня едва – едва начинают распускаться цветочные почки сирени. Завтра праздник Святого Духа…только один снял свой тюремный колпак и перекрестился. Очевидно, в этой среде «вечерний звон» не наводит тех дум, того настроения, как будит он в деревне.
… я спрашивал у надзирателя, нельзя ли пойти в церковь. Говорит, что уголовные ходят свободно, а политическим нельзя. Надо подавать прошение начальнику тюрьмы… прошение можно подавать только по воскресениям.

5 июня.
Жизнь идет однообразно, а каково же тем, которые сидят не три месяца, а годы, и часто не знают, когда и чем кончится это сидение?
Сколько молодых сил здесь затрачивается зря, тогда как они так необходимы стране и могли бы сделать так много полезного. Получил второе письмо от Владимира Галактионовича, в котором есть скрытый упрек, что не ответил на первое письмо.
Он, очевидно, не знает, что права мои по посылке писем чрезвычайно ограничены: могу послать одно письмо в течение первого месяц заключения, два в течение второго и по одному письму каждое воскресение на третий месяц.
Напрасно он шлет укор, хотя я и не отвечаю, но другого

Владимир Иванович Вернадский придавал огромное значение такой форме общественного сознания, какой являлась в России религиозная форма.

Уже в 1923 году он записал: *«Я считаю себя глубоко религиозным человеком…. Могу очень глубоко понимать значение, силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии, для меня ясно, не только в том утешении в тяжестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее, как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят, и эти человеческие переживания не касаются тех сторон, которые составляют ее удел. А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Бог – понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого».*

Не следует забывать, что быть религиозным еще не значит быть церковным человеком. Ученый был глубоко убежден, что религия и всякие научные построения могут вполне сосуществовать.

5 апреля 1918 года произошла их новая встреча. В дневнике Вернадский зафиксировал следующий, казалось бы, мелкий штрих к биографии писателя**:** *«… по дороге встретил Вл. Галакт. Короленко. Городские школьники, которые здесь копали грядки, очень приветливо ему кланялись, очевидно, зная, кто он такой».*

По тому, как Вернадский обратил внимание на такую, казалось бы, мелкую деталь, чувствуется, что она была ему по душе.

2 мая 1918 года Вернадский записал два важных события его внутренней жизни, внешне мало связанных между собой: *«… у меня эти дни опять тоска по Нюточке Короленко – тоска странная, т.к. по существу, я считаю смерть естественной и неизбежной… и особенно теперь – когда смерть в самых разнообразных и тяжелых проявлениях кругом. Междоусобицы и общественная анархия. Царство насилия и господство преступников сделало из преждевременной смерти обыденное явление»….*

И далее: *«… был вчера у Короленок. В.Г. спал, разговор с*

сознают иррациональной стороны религии. Для меня эти вопросы сейчас стоят очень остро. Если бы я был безразличен в религиозном настроении или принимал основы христианства, я вошел бы в свободную православную церковь. Но для меня основы его неприемлемы. А вместе с тем я считаю православие (свободную церковь) и христианство меньшим врагом культуры, чем заменяющий религию социализм в той форме, в какой он охватывает массы».

12 марта 1918 года Вернадский записал в дневнике, словно продолжил ранее начатую беседу: *«… забывается одно – в религии одно из важнейших – глубокое переживание, связанное, так или иначе, с человеческим (более узкой формы религии) или космическим соборным чувством. Это может быть даже единожды в жизни – как единожды есть молодость, эпоха творчества или развитие сил. И, однако, без общей религиозной жизни и единичные переживания распыляются».*

Следует отметить, что религиозный подъем в России в 1918 году был вызван, прежде всего, устремлениями верующих разрешить в условиях строительства демократической республики, давно назревшие правовые вопросы места и роли церкви в государстве, принципов организации самой церкви, свободы вероисповедания.

В это время в среде интеллигенции получили широкое распространение взгляды ведущих представителей религиозно-философских обществ и организаций, и в первую очередь, отца Сергия Булгакова и священника Павла Флоренского.

Воинствующий атеизм радикальных революционеров встречал у населения естественное чувство сопротивления.

В защиту религиозного чувства верующих и церкви от первых разрушительных посягательств темной толпы, сознательно подогреваемой революционерами, выступали и члены конституционно-демократической партии (кадеты), к которой принадлежали и Вернадский – старший, и Вернадский – младший.

такого внимательного читателя писем, как я, сейчас он не имеет.

Здесь каждое письмо, даже открытка с коротким приветствием внимательно перечитывается, во всяком случае, не менее двух раз.

8 июня.

Только сидя в тюрьме, познаешь истинную долготу суток.

12 июня.

Наслаждаюсь чтением огромной книжищи «Очерк истории украинского народа» профессора Мих. Грушевского…. Прекрасная книжка, очень красиво и увлекательно написана…. Читаю с бесспорным увлечением. На родных полях и равнинах поистине встают живые образы прошлого, которые и трогают, и волнуют, и возмущают. Историку удалось наполнить жизнью и движением ту ушедшую от нас темную даль времен, те бесконечно длинные переливы прошедшей жизни, на последних волнах которых по воле судеб очутились мы, и которые так же властно влекут нас к себе, как и переливы будущего.

20 июня.

Разбираю заметки на полях книг тюремной библиотеки… авторы их обнаруживают очень много фантастической веры в «свои» догмы…. Признание за существующим «буржуазным» государством каких бы то ни было заслуг не допускается…. Полемика между представителями разных толков возникает постоянно и по самым неожиданным поводам, и ведется всегда в формах крайней напряженности.

3 июля.

В настроении здешних жильцов, если судить о нем по заметкам на полях книг, много нервности и еще больше нетерпимости. Особой нетерпимостью отличаются заметки, окрашенные настроением нездорового национализма.

6 августа.

Нас выпустили… с этим выходом из тюрьмы окончилась самая важная, самая значительная полоса моей жизни. Возложенное на меня в апреля 1906 года поручение я выполнил, как мне повелевали моя совесть и мой разум. Я всегда помнил о принятой мною на себя ответственности и шел без уклонения по тому пути, на какой указывал своим избирателям, как на правильный. Путь этот, в конце концов, привел меня, как и многих мох товарищей по первой Думе, к тюрьме. По той ли дороге мы пошли, по которой следовало, об этом пусть судит история. Мы же сделали то, что сделали.

Эти записи передают не только атмосферу заточения и общую настроенность автора, но и свидетельствуют о его постоянном духовном союзе с Короленко. Сам характер этих записей говорит об их добрых отношениях.

Из этой публикации частично виден и облик Якова Имшенецкого, как человека предельно честного и ответственного. Не менее интересна даже простая хронология и фактография его ареста и временного заточения.

Зная, что Имшенецкий жил в Полтаве, закономерно обратиться к такому справочному изданию, как «Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины 18 века» (Издательство Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912).

В этом издании приводится подробная биографическая справка об Имшенецком:

«Имшенецкий Яков Кондратьевич. Родился 21 марта 1858 года в селе Бобе Сосницкого уезда Черниговской губернии.

В 1885 году окончил Новороссийский университет.

В 1887 году поступил статистиком в Полтавской губернии земскую управу, принимал участие в основном статистическом описании губернии и в разработке данных этого описания.

В 1893 году – податной инспектор Миргородского уезда, в 1897 г. – полтавского уезда.

В 1902 году – начальник отделения полтавской казенной

катастрофические в истории и России, и всего человечества. Жизнь братьев завершалась в исторические эпохи, содержание которых определяли прежде всего *войны*: межгосударственные и гражданские, завоевательные и освободительные, локальные и мировые. Последние выдвинули на передний план в качестве главной, никогда ранее еще не возникавшей, угрозу *самоуничтожения* человечества, что многократно подчеркивалось, как Короленко, так и Вернадским.

Из дневников Вернадского о Короленко

Они встретились в трудные дни 1918 года в Полтаве. Обоих занимали вопросы не только текущих событий, но и вопросы, связанные с жизнью человеческого духа и верой.

8 марта 1918 года Вернадский записал в дневнике: *«… мне кажется, что волостное земство слишком дорого обойдется населению и принесет, в конце концов, только вред, вследствие невежества и аморализма русского народа…. Вчера был у Короленко. Прочел письмо Георгия (Вернадского) о его религиозных настроениях и религиозном подъеме в Перми. Письмо производит сильное впечатление. В.Г. наиболее терпимо относится – он верит в силу религии, но считает, что должна создаваться новая религия, которая в своих обобщениях и космогониях пойдет дальше научных обобщений. В церкви, в частности православной, он видит много темного и думает, что это движение может привести к изуверству, к возвращению старого…. Наиболее ярко и определенно Прасковья Семеновна Ивановская – старый русский 70-ти десятник: для нее религия человечества – социализм. Социализм, признавая его моральное возможное крушение из-за русской революции, считает необходимой стадией и С.В. Короленко (дочь В.Г). Этим путем может выработаться более совершенная религия в будущем. Она признает, что социализм как религия более узка – но видит в ней любовь, братство и т. д.».*

Затем Вернадский признается: *«Они совершенно не*

Глава 6

ДВА ВЛАДИМИРА

В.И. Вернадский В.Г. Короленко

Сначала немного о родословии. В дневниковых набросках Владимира Ивановича Вернадского читаем: *«Прадед В.Г. Короленко был и моим прадедом, т. к. его дед Афанасий Яковлевич и моя бабушка Екатерина Яковлевна Короленко, по мужу Вернадская, были родные брат и сестра».*

Яков Короленко имел детей:

сына Афанасия – (дед В.Г.) (1787–1857). Его Владимир Галактионович. застал еще в живых. Дед Короленко по отцовской линии – Афанасий Яковлевич был управляющим радзивиловской таможней, о чем сообщается в «Летописи жизни и творчества писателя», дочь Екатерину (по мужу Вернадская).

В.Г. Короленко (1853–1921) и В.И. Вернадский (1863–1945) были троюродными братьями. К концу жизни каждый из них прошел свой непростой духовный путь исканий и свершений.

Это были годы, по-своему переломные,

палаты.

В 1906 году – член первой государственной Думы.

После роспуска Думы – фактический редактор «Смоленского вестника».

С февраля 1909 года – товарищ управления полтавского общества взаимного кредита.

С 1887 года принимает участие в литературе; печатал статьи по общественным и экономическим вопросам в «Русских ведомостях», «Киевских откликах», «Южных записках». Принимал деятельное участие в редакторских комитетах «Хуторянина» и «Полтавщины».

Его работы, кроме газетных и статей:

1. *К вопросу о порядках крестьянского землевладения в полтавской губ.*
2. *К вопросу об основаниях оценки земель, применительно к условиям полтавской губернии.*
3. *Хуторянин и его читатели.*
4. *Что такое интеллигенция. – Вестник знания. 1904.*
5. *Выборный мировой суд. – Московский ежегодник. 1907.*
6. *Л. Андреев о жизни человека.*
7. *Интенсификация в крестьянском хозяйстве. – Русское богатство. 1908, и др.».*

Названия основных публикаций Я.К. Имшенецкого позволяют продолжить историко-библиогра-фический поиск.

В 1993 году в Москве вышел современный биографический словарь: «Политические деятели России в 1917 году». Именно в этом издании и были помещены наиболее полные биографические сведения, которые оказались очень интересными, значительно дополняющими запись Вернадского: «Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858-?). Родился в *семье священника.* Окончил семинарию, учился в Московском университете (в 1881 исключен за участие в волнениях студентов), а также в Киевском университете, затем окончил Новороссийский университет (Одесса) в 1885 году.

С 1887 занимался статистикой, в 1893–1906 годы был на государственной службе.

Специалист по экономическим и аграрным вопросам, сотрудничал в столичных и провинциальных газетах. Был близок к «Союзу Освобождения».

В кадетскую партию вступил в год её организации (1905), избран в состав ЦК на 6-м съезде партии (1916): лидер полтавских кадетов.

Вошёл в состав редакций газеты «Народная Свобода» – Думский Листок» и журнала «Вестник Партии Народной Свободы».

Член 1-й Государственной Думы (от Полтавской губернии), выступал на её заседаниях по аграрным вопросам. Подписал Выборгское воззвание, призывавшее население к гражданскому неповиновению; осужден на 3 мес. и лишён права занимать общественные и государственные посты.

После Февральской революции 1917 года выступил 16 марта в Полтаве на собрании, устроенном отделением Партии Народной Свободы, и изложил основные пункты программы партии. Был гласным полтавской Городской Думы.

На 8-м съезде партии 11 мая сделал доклад по национальному вопросу:

«Лозунг – «Автономия Украины» смутно воспринимается широкими слоями населения, но они инстинктивно чувствуют, что у них есть какие-то более широкие национальные требования, и они уже не мирятся на том, чтобы им было разрешено читать книги на украинском языке. Но наряду с этим, также определенно выявилось и другое: при всех положениях, при всех постановках вопроса прямо, определенно, решительно и даже со страстностью, народ всегда заявляет, что ни о каком отделении от России не может быть и речи. С этим сознанием общности народной надо считаться, дорожить им, и, в этих целях, надо указать украинскому народу путь к осуществлению его национальных требований.... Опасность разъединения и распада государства по отношению к Украине нереальна, потому что разделить

революционной бури прошел, что напряженность борьбы и связанных с нею жестокостей идет на убыль.

Но все же еще не конец, еще предстоит нашей родине пережить много суровых дней, и отсутствие Владимира Галактионовича чувствуется, как не заживающая рана на нашем общественном теле. Владимира Галактионовича нет среди нас, он ушел за грани этой жизни. Но и оттуда он будет помогать осуществлению того дела, которому он отдал свои последние силы. Если не громко сказанные слова, то это будут делать оставшиеся действенными заветы жизни великого художника и великого гуманиста».

борьбы.

Целесообразно ли было растрачивать силы на борьбу с тем, что неизбежно и неустранимо? И не были ли поэтому усилия Владимира Галактионовича безрезультатными, как думали некоторые?

Жестокость в борьбе неизбежна, но сила и степень, до которой она подымается, определяется, между прочим, и тем противодействием, какое оказывает *общественная среда проявлениям этой жестокости.*

Участие Владимира Галактионовича в этом «противодействии» имело, прежде всего, моральное значение: он открыто и громко настаивал на том, что с требованиями правды и справедливости должны считаться при всяких условиях, он поддерживал у окружающих веру в то, что жестокость не есть что-то безусловно неустранимое, что с этой жестокостью должно и можно бороться, что на нас лежит нравственная обязанность вести эту борьбу.

Но кроме моральных, усилия его имели и огромные реальные результаты: многие обязаны ему жизнью, многие смягчением наказания, многие тем, что удары на них падали с меньшей жестокостью и большей осмотрительностью. Но еще больше было таких, которые, благодаря Владимиру Галактионовичу, совсем не попадали под удары взаимного раздражения борющихся.

Активное участие такой крупной моральной величины, как В.Г. Короленко в «противодействии», несомненно, придавало ему огромную силу и значение; без участия Владимира Галактионовича результаты противодействия, бесспорно, были бы слабее, река жестокости разлилась бы с большей силою, и жертв ее было бы гораздо больше.

Понятно, поэтому то чувство жути и чисто физического страха, которое некоторые выражали по поводу смерти Владимира Галактионовича: в нем из нашей жизни ушел один из устоев гуманности и человечности, и стало более страшно жить.

Можно надеяться, к счастью, что девятый вал

территорию Украины от России никаким образом нельзя, чтобы на Украине не осталось ни одного русского, и наоборот». Этот текст был напечатан в «Вестнике Партии Народной Свободы».

Читаем дальше: «Вместе с другими делегатами-украинцами Имшенецкий возражал против проекта резолюции по национальному вопросу, который предусматривал предоставление в вопросах хозяйства, культурной жизни губернии или области самоуправления, но при контроле со стороны общегосударственных властей, вплоть до отмены постановлений. И вопрос был отложен до созыва Учредительного Собрания.

На съезде избран вновь в Центральный Комитет. 9 июля 1917 года Имшенецкий выступил на 1-м общем собрании партии в Екатеринославе и указал, что нахождение партии на крайнем правом фланге – явление временное и «не должно приводить в смущение», и что партия вскоре займёт место в центре, которое она занимала ранее. На 9-м съезде партии избран кандидатом на выборы в Учредительное Собрание от Полтавской и *Черниговской губерний.* Выдвинут в кандидаты в Учредительное Собрание и от полтавского отделения партии (по списку № 3 *под первым номером*). В августе 1917 года вошёл в новый состав Городской Думы и в её финансовую комиссию. Член Предпарламента. *Октябрьские события в Петрограде встретил крайне негативно.* 12 ноября 1917 года на заседании полтавской Городской думы был оглашен Универсал украинской Центральной Рады об объявлении Украинской Народной Республики. Имшенецкий выступил с речью, в которой поддержал намерение Центральной Рады бороться с анархией и гражданской войной, её попытки «наладить жизнь, устроить порядок при посредстве местных органов» в условиях, когда «центральной власти государства» «совершенно нет». По мнению Имшенецкого: «... и Рада, и Секретариат приступили к этому делу не с той государственностью и осторожностью, не с тем сознанием ответственности, какое естественно было предъявить к этому случаю, а с чисто большевистской демагогией.

Вводить коренные изменения государственного строя в крае, пользуясь разрухой, почти накануне открытия Учредительного Собрания, это ни в коем случае не значит укреплять власть. Упразднение росчерком пера права собственности на землю, введение 8-часового рабочего дня, преобразование суда, и всё это с чисто ленинской решительностью и легкомыслием, может только обострить гражданскую войну и разруху. Обещание заставить союзников и врагов немедленно начать переговоры о мире звучит совершенно по-большевистски и является чистой демагогией. И пока Рада будет идти этим явно большевистским путём, она не может дать Украине ни мира, ни земли, ни порядка».

Предложенная им резолюция была отклонена».

Автор этой статьи М.Е. Голостенов заключает: *«Дальнейшая его судьба неизвестна».*

Отсутствие даты смерти Имшенецкого кажется непонятным, тем более, что в аннотированном указателе книг и публикаций в журналах «История дореволюционной России» (М., 1982. Т. 3. Ч. 4. С. 67), где называются две его публикации, указаны обе даты его жизни: (1858–1938), что находится в полном соответствии с дневниковой записью Вернадского.

В этом современном справочном издании «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах». (Т. 5. Ч. 2. Доп. к т. 1–5. Ч. 1. М., 1989) приведены следующие краткие сведения: *«Я.К. Имшенецкий (1858–1938) – статистик, общественный деятель, депутат Первой Государственной Думы».*

Таким образом, дата его смерти установлена окончательно. Он пал еще одной жертвой сталинского режима и погиб в ГУЛАГЕ!

Вновь обратимся к тексту дневника Вернадского, датированного печальным 1938 годом, а вернее, к примечаниям к записи об аресте Имшенецких.

«Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858 – ?) – экономист, начальник отдела Казенной палаты в Полтаве, председатель местного комитета конституционно –

Естественно, что отношение его к тому и другому не могло быть во всех отношениях одинаковым. Но пристрастие Владимира Галактионовича, если в данном случае можно говорить о пристрастии, могло сказываться и, может быть, действительно проявлялось в его политических выступлениях. В той же работе, которую можно считать главным делом его в течение революционного периода, в его борьбе с проявлениями жестокости, этого пристрастия и следа не было.

Для Владимира Галактионовича политический противник, вследствие одного этого, никогда не был врагом; ни об убеждениях, ни о вере, ни об общественных симпатиях не спрашивал Владимир Галактионович тех, кому нужна была его помощь. И революционеры, и консерваторы, и красноармейцы, и офицеры прежней армии, и рабочие, и предприниматели – все шли к Владимиру Галактионовичу за помощью; и на все обращения он откликался с отзывчивостью и горячим сочувствием.

Все, кто попадали под страшные удары происходившей борьбы, на кого эта борьба обрушивалась в формах холодной жестокости и нараставшего взаимного озлобления, для Владимира Галактионовича были, прежде всего, людьми, человеками, с которыми обращались бесчеловечно.

Я помню, с каким раздражением и недоумением Владимир Галактионович говорил по поводу замечания одного должностного лица о том, как может Владимир Галактионович хлопотать о С–ме, когда С–а известный консерватор. Для Владимира Галактионовича С – ма был, прежде всего, человек, захваченный беспощадными зубьями колеса революционной борьбы.

И Владимир Галактионович не мог понять, как можно, наклеив на человека этикетку «консерватор», за нею не видеть живого человека. Так активный деятель революции не мог понять Короленка, а Короленко не мог понять этого революционного деятеля. Владимир Галактионович все силы свои в последние годы отдал служению человечности и борьбе с эксцессами жестокости, неизбежной в условиях революционной

требованиями той правды, которую он нес на своем жизненном знамени.

В начале революции Владимира Галактионовича привлекли в качестве третейского судьи для решения спора между типографскими рабочими и хозяевами типографий. Владимир Галактионович как то раньше определял свое отношение к такого рода спорам таким образом, что при возможности помочь в этом столкновении интересов надо помогать более слабой стороне; а так как более слабой стороной всегда были рабочие, то он считал своею обязанностью становиться на их сторону. Но в данном случае он был призван не в качестве заступника, а в качестве судьи, в положении же судьи он всегда считал первою обязанностью беспристрастие, и в своем решении мог исходить только из требований справедливости. Я не помню подробностей этого суда. Но легко понять, в каком трудном положении оказался Владимир Галактионович, поставленный среди борющихся сил, среди борьбы, в конкретных условиях которой никто не хотел считаться ни с требованиями беспристрастия, ни с требованиями справедливости.

Даже вопрос о том, какая из сторон в данном случае является более слабою, оказался в новых условиях далеко не таким простым, каким он представлялся прежде. Естественно, что из этого суда ничего не вышло, он не мог удовлетворить ни рабочих, ни хозяев, ни самого Владимира Галактионовича.

Отдавая свои симпатии и помощь более слабому, Владимир Галактионович всегда оставался на почве строгой справедливости…. Тем не менее, его в последнее время нередко обвиняли в пристрастии, ставили ему в вину, будто бы он к большевикам относился более снисходительно, чем к деникинцам. Весьма возможно, что в этом была известная доля правды: деникинщина в известной мере была для Владимира Галактионовича осколком той власти, с которой он всю жизнь боролся; большевизм все же являлся отпрыском того общественного течения, в рядах которого Владимир Галактионович всю жизнь работал.

демократической партии, с 1916 – член ЦК, член комиссии по выборам в Государственную Думу от кадетов.

Весной 1918 принимал участие в попытке создать украинскую к.-д. партию (член комиссии по уставу и программе).

В ноябре 1919 вышел из состава партии вследствие идейных разногласий.

После 1920 работал в кооперации. ***Судьбу после ареста в 1938 выяснить не удалось****».*

И еще: «Имшенецкий Александр Яковлевич (1887–1967) – юрист, выпускник юридического факультета *Московского университета, служил помощником присяжного поверенного в Полтаве. По ложному обвинению осужден и сослан в 1938, реабилитирован в 1959».*

Хотелось завершить этот этюд не на печальной ноте, и потому я выбрала другое направление уже, казалось бы, завершающегося поиска: а как имя Имшенецкого отражено в литературе о Короленко?

В книге «Письма В. Г. Короленко к П. С. Ивановской» **(**М., 1930) упоминается о том, что Я.К. Имшенецкий писал Короленко в сентябре 1915 года, когда тот отдыхал у младшего брата. В примечаниях к этим письмам есть уточнение: *«Имшенецкий Яков Кондратович (р. 1858), полтавский общественный деятель, близкий к семье В. Г. человек».*

В книге П.И. Негретова «В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1921)» **(**М., 1990**),** вышедшей под редакцией А.В. Храбровицкого, приведены чрезвычайно важные материалы, лишь частично дополняющие этот сюжет. Воспроизведу наиболее интересные из этих документов:

- **7 января 1921 года.** Письмо к дочери о разгроме их дачи в Шишаках Полтавской губернии. Приписка Е.С. Короленко: *«В.Г. очень слаб. Ходит плохо и говорит тяжело и тоже плохо, хотя свое работает хорошо. Пишет «Историю моего современника»…»* (ЦГАОР ф. 1137. В.И. Вернадский. Оп. 1, ед. хр. 508).

- **20 мая 1921 года.** Я.К. Имшенецкий пишет из Полтавы земскому деятелю И.П. Белоконскому: *«Владимир Галактионович постепенно уходит заживо из жизни. Сознание у него, насколько можно видеть, совершенно ясное, но средства общения с окружающей жизнью очень слабы: слышит плохо, но все же слышит, и ему можно без особого затруднения сообщить все. Но речь и передвижения очень затруднены. При его общительном характере это его очень гнетет. Смерть его зятя, Ляховича, очень ухудшила его состояние».*

- **21 мая 1921 года.** Из письма Короленко к П.В. Мокиевскому:
«Уже хлопоты о «смертниках» (бытовое явление) доставляли много волнений, а теперь… одно время я не выходил из Чрезвычайки. Представьте себя, как на нервного человека должна действовать необходимость сообщать женам о том, что мужья уже расстреляны раньше, чем возбуждены хлопоты и тому подобные прелести. А мне это приходилось нередко. На днях (около месяца назад) мне пришлось испытать эти прелести в своей семье. Мой зять (меньшевик) был арестован, в тюрьме заразился и 17 марта (апреля) мы его похоронили. Можете представить, как это должно было подействовать на меня. Человек был превосходный, и мы все его очень любили…»

- **13 августа 1921 года** Короленко пишет общественному деятелю и члену редколлегии издательства «Задруга» С.Д. Протопову: *«Здоровье мое довольно плохо, а тут меня выбрали почетным председателем Комитета помощи голодающим. Силы мои уже не прежние, но делаю, что могу, хотя стараюсь не утомляться…. Обратился и к местным статистическим силам. Здесь есть люди очень серьезные, в том числе бывший сотрудник Ник. Фед. Анненского – Аронский и еще Як. К. Имшенецкий, с которыми и предстоит мне сегодня поработать».*

Последняя фраза свидетельствует о многом, и

Галактионовича. Этому правилу он приносил в жертву всегда, и неуклонно и интересы своей художественной работы, и интересы личного благополучия, и интересы своего здоровья.
Служение человечности силою громко высказанной правды и вера в торжество правды были во всей жизни Владимира Галактионовича до самых последних дней.

Революция всегда и неизбежно сопровождается суровой и беспощадной борьбой; чем глубже и шире развертываются в стране революционные события, тем напряженнее и ожесточеннее проходит борьба интересов разных групп населения, интересов, выступающих в этой борьбе с полною откровенностью и мало считающихся с требованиями правды.
В революционных условиях борются не право с правом, а сила с силой, и сила побеждающая обычно не считается ни с правом, ни с справедливостью, а свою победу утверждает на беспощадном приведении своего противника в состояние полного бессилия. Иначе, конечно, и быть не может. Естественно поэтому, что в условиях революционной борьбы Владимиру Галактионовичу пришлась столкнуться не с эпидемией, а с лавиной жестокости. И он мужественно и самоотверженно вступил в борьбу с этой лавиной.
После приезда Владимира Галактионовича из-за границы еще до революции я как-то спросил его, как он относится к происходящим у нас событиям. Он ответил, что, пробыв два года заграницей, он все еще не может овладеть пестрой сменой быстро нараставших тогда событий.
Мне кажется, что ему так и не удалось до конца жизни примирить свой разум, поставить его в возможность спокойного и художественно-ясного, столь характерного для него прежде понимания текущих событий общественной жизни.
И этот духовный разлад определялся, конечно, не трудностью понимания того, что происходило кругом, а резким несоответствием происходившего со всем душевным укладом Владимира Галактионовича и с

прежде всего о том, что общение Короленко с Имшенецким было постоянным. А вот, над чем именно им предстояло поработать, остается неизвестным….

Софья Владимировна Короленко в «Книге об отце» (Ижевск. Изд-во Удмуртия. 1968.) упоминает об Имшенецком, но главное, указывает на то, что это был *близкий* знакомый писателя и всей семьи в целом.

В главе «Переезд в Полтаву» читаем: *«В августе 1900 года мы с матерью приехали в Полтаву, где М.И. Сосновский нашел нам квартиру в доме П.П. Старицкого на Александровской улице. Теперь этого небольшого домика с крутым крыльцом, выходившим на две улицы, уже нет… отец приехал позже, 11 сентября.*

Круг знакомых нашей семьи составляли, главным образом, бывшие ссыльные, из которых иные встречались с Короленко еще во время его ссылки.

Это был круг, по характеристике отца «третьего элемента» – работников статистики, земских учреждений, с-х. Общества: М.И. Сосновский, А.Э. Смиренко, Л.Г. Левенталь, Н.В. Аронский, А.И. Белинская, Я.К. Имшенецкий, К.К. Лисовская».

В примечаниях, помимо прочего, приведены и даты жизни Имшенецкого: *«Имшенецкий Я.К. (1858–1938) – близкий знакомый семьи Короленко в Полтаве».*

Скупые, но в то же время значительные подробности о друге Короленко я обнаружила в современном издании многолетней сотрудницы музея им. В.Г. Короленко Л.К. Гейштор: «Вблизи Короленко». (Полтава, 2001).

Читаем: *«С мая 1923 года в работе редакционной комиссии постоянно принимали участие, кроме Евдокии Семеновны и Софии Владимировны (представителей), следующие члены комиссии: редактор – консультант А.Е Грузинский, лит. работник А.Л. Кривинская, А.Я. Имшенецкий, литературный критик А.Б. Дерман (Москва), литературный работник Т.А. Богданович (Ленинград). Они жили в Полтаве или при надобности приезжали сюда. Комиссия начала с выработки общего плана построения собрания сочинений и распределения*

организованных противо – погромных выступлений железнодорожных рабочих. Без этой поддержки, надо думать, предотвратить погром вряд ли было бы возможно.

Особенно трудное и напряженное положение было в 20-х числах ноября. Одно время мы уже теряли надежду, силы слабели, и казалось, что дальше сдерживать эту надвигавшуюся лавину дикости невозможно. Был пасмурный, сырой ноябрьский день; унылые и усталые мы толкались в толпе по грязным тротуарам. И вдруг что-то произошло, по толпе, словно пробежала какая то искра, и почувствовалось, что в настроении толпы произошел перелом. Суровость на лицах сглаживалась, глаза смотрели с большим доверием на окружающих; на недавно еще враждебных лицах появились приветливые улыбки. Как, отчего это произошло, уловить было трудно, но ясно стало, что погрому не бывать. Толпа потребовала «ораторов», потребовала Короленко.

Мы немедленно очутились на балконе городского театра, усталость куда то исчезла, начались речи. Владимир Галактионович в этот момент был дома, за ним пошли. Когда через несколько минут Владимир Галактионович появился на балконе театра, огромная толпа, заполнявшая площадь перед театром (тогда еще не было здесь бульваров), встретила его дружными и радостными, долго не смолкавшими приветствиями.

Владимир Галактионович стоял под градом этих приветствий, как символ победы человечности и света над духовною темнотой и озлобленностью.

Одним из мотивов, побудивших Владимира Галактионовича напечатать письмо к Филонову по поводу сорочинских событий того же 1905 года, была, как он пишет, надежда, что громко сказанная правда способна еще остановить разливающуюся все шире «эпидемию жестокости».

Вот эта именно вера в силу громко сказанной правды в деле борьбы с жестокостью и бесчеловечностью и была основным и направляющим правилом жизни Владимира

материала по томам. План был оригинален, впоследствии его изучали специалисты».

Так стало известно, что сын Имшенецкого входил в состав редакционной комиссии по увековечиванию памяти писателя и изданию его полного собрания сочинений. Значит и А.Я. Имшенецкого можно отнести к числу близких людей семьи Короленко.

Л.К. Гейштор в своей книге приводит чрезвычайно интересный документ – перечень лиц, которые отправлялись как члены семьи писателя в эвакуацию.

Читаем: *«Эшелон направлялся на Урал в Свердловск. В фондах музея хранится документ – удостоверение, выданное переселенческим отделом исполкома Полтавского областного совета депутатов трудящихся от 31. 08. 1941 г., где перечислена семья Короленко. Список длинный:*

1. Короленко С.В. – 54 года.
2. Ляхович Туся. – 2 года.
3. Кривинская Анна Леопольдовна. – 65 лет.
4. Кривинская Любовь Леопольдовна. – 54 года.
5. Рабинович Роза Александровна. – 59 лет.
6. Александровская Татьяна Борисовна. – 15 лет**.**
7. Имшенецкая Антонина Яковлевна. – 52 года.
8. Имшенецкая Татьяна Александровна. – 27 лет.
9. Имшенецкая Юлия Бенционовна. – 3 года.
10. Имшенецкий Марк Бенционович. – 1 год.
11. Короленко-Ляхович Наталья Владимировна. – 52 года**.**

Из 11 человек собственно членов семьи Короленко – 3, друзья и их дети – 8. Из них – 5 евреи». Четверо – это члены осиротевшей семьи Имшенецких, оставшиеся после ареста Якова Кондратьевича и Александра Яковлевича. Судя по отчествам, Антонина была дочерью Я. К. Имшенецкого, а Татьяна – дочерью Александра Имшенецкого. С ними крошечные дети**.** Документ достаточно красноречив.

большая работа. Но жизнь оказывалась сильнее добрых намерений, и захватываемый развертывавшимися событиями этой жизни Владимир Галактионович отдавал «Полтавщине» больше внимания и труда, чем каждый из нас.

Наступили события 1905 и 1906 годов: 9-ое января, 17-ое октября, Сорочинская трагедия, созыв Государственной Думы и многое другое. Всему этому Владимир Галактионович уделял очень много внимания и отдавал много своих сил.

Когда после 17-го октября общественная жизнь получила возможность выйти на улицу и площади, Владимир Галактионович быстро стал в Полтаве самым известным, самым популярным и самым заметным человеком в широких кругах местного населения.

Подготовлявшиеся в 1905 году в Полтаве погромы в октябре и особенно напряженно в 20-х числах ноября не осуществились, и этим Полтава в значительной мере обязана Владимиру Галактионовичу.

В тревожные дни он все время был на базаре, около театра, вообще там, где была волнующаяся, темная, чем-то недовольная, чего-то ожидающая толпа, готовая в каждый момент устремиться по пути дикой жестокости.

И Владимир Галактионович напрягал все силы, чтобы предотвратить эту жестокость. Ясные и искренние слова его действовали на эту враждебно настроенную массу, вызывали в ней какие то настроения и чувства, разбивавшие ту волну жестокости, которая подымала настроение толпы.

Существенную помощь в этом отношении оказывали Владимиру Галактионовичу Е.И. Сияльский и покойный Д.О. Ярошевич. Остальные из нас принимали в этом участие больше в роли статистов. Но и в такой роли наше присутствие в толпе было необходимо, и мы были там.

Необходимо, однако, отметить, что у небольшой группы интеллигенции с Владимиром Галактионовичем во главе была тогда и реальная поддержка в форме

Галактионовича было достаточно, чтобы вызвать в воображении слушателя картину той живой действительности, в условиях которой надо было искать материалы для суждения о данном вопросе. Я и теперь помню одно из таких замечаний и тот поток мыслей, какой оно вызвало у меня. Разговор шел об общем политическом положении. Было это в 1903 или в 1904 году.

– Я боюсь, – сказал Владимир Галактионович, что у нас будет конституция, но не будет конституционных гарантий.

Я не помню, что еще прибавил он к этому, но помню, что это вызвало у меня в уме картину российской действительности, со всеми ее бытовыми особенностями. И мне стало ясно, что вдвинуть конституцию в эту действительность гораздо легче, чем создать в ней условия, гарантирующие элементарные права гражданина.

И это предвидение художника жизнь оправдала с суровой непреклонностью: мы прожили десять лет при царской конституции, а конституционных гарантий, обеспечивающих наши гражданские права, не имели и не имеем. Беседы эти с участием Владимира Галактионовича были не только интересны, но и поучительны; решали ли мы возникший вопрос, или он оставался открытым, приходили ли к согласию, или каждый оставался при своем мнении, но в понимании вопроса и его освещении всегда что-то прибавлялось новое.

Будучи художником по складу своего мышления, Владимир Галактионович был, однако, прежде всего, живым и отзывчивым человеком, с необыкновенной чуткостью откликавшимся на запросы окружающей жизни. В 1904 и 1905 годах он принимал горячее участие в нараставшем тогда общественном движении.

Когда группа лиц с его участием приобрела газету «Полтавщину», он предупреждал нас, чтобы мы не очень рассчитывали на него, что много времени уделять «Полтавщине» он не может, так как у него есть своя

***

На сайте «Всероссийское генеалогическое древо» обнаружился ряд новых и очень интересных сведений об Имшенецком и членах его семьи:

«ИМШЕНЕЦКИЙ ЯКОВ КОНДРАТЬЕВИЧ 1858**,** с. Баба Сосницкого уезда Черниговской губернии. *Сын священника*. У него дворовое место и 3 десятины земли родового имения в Сосницком уезде Черниговской губернии. Окончил Новороссийский университет со званием действительного студента. Канцелярский чиновник Черниговской казенной палаты, 4.2.1886.Уволен в отставку по домашним обстоятельствам 19. 6. 1886. Статистик Полтавской губернской земской управы 1. 4. 1887. И. д. податного инспектора Миргородского уезда Полтавской губернии 21. 5. 1893. В 1915 году надворный советник, управляющий Полтавским обществом взаимного кредита и член совета кооперативного отделения Полтавского общества сельского хозяйства. (Полтава, 1915 г.). Губернский секретарь, ст. 4. 2. 1886, 15. 7. 1894. Коллежский секретарь, ст. 6. 1. 1896, 20. 5. 1896.Серебряная медаль в память царствования императора Александра III для ношения на груди на александровской ленте, 26.2.1896. Св. Станислав 3 ст., 13.4.1897. И.д. податного инспектора Полтавского уезда, 14**.** 7**.** 1897. Титулярный советник, ст. 6. 1. 1899, 23. 7. 1899. Св. Анна 3 ст., 1. 4. 1901. Утвержден в занимаемой должности, 26. 11. 1901. Начальник IV отделения Полтавской казенной палаты, 28. 5. 1902. Пребывал в этой должности в 1905 году. *Давал объяснения 27. 9. 1905 в том, что он не занимался активной общественной деятельностью и не высказывался об образе деятельности правительства. З*емский статистик в Полтавской губернии. Управляющий делами Полтавского общества взаимного кредита. В 1913 – член Совета Центрального банка обществ взаимного кредита.

Жена: МАРИЯ ЗАХАРЬЕВНА урожденная СЕРБИНОВИЧ, дочь священника. Дети:

- БОРИС 19. 9. 1885**.** Заведующий земской ремесленно-учебной мастерской в местечке Сорочинцы. (м.

Сорочинцы, Полтавской губернии, 1915 г.).

- АЛЕКСАНДР, 21. 3. 1887.
- АНТОНИНА, 15. 1. 1889.
- ВИКТОР, 27. 10. 1891.
- АНДРЕЙ. Помощник присяжного поверенного. (Полтава, 1915).
- АННА. Классная надзирательница Кобелякской женской гимназии, (г. Кобеляки, Полтавской губернии, 1915)».

Заметим, что в этом источнике послужной список Якова Кондратьевича Имшенецкого более полный, чем в других справочных изданиях, хотя события его жизни прослежены только в дореволюционный период. Если ранее было известно только об одном его сыне – Александре, который также был достаточно близок семье Короленко, то теперь стали известны сведения и о других детях Имшенецкого – старшего.

Благодаря этому источнику, начатый историко-библиографический поиск дает надежду на новые находки в будущем.

Приложение 1. Слово Имшенецкого о Короленко

В отделе редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко бережно сохраняются две публикации Имшенецкого о Короленко:

1. Я.К. Имшенецкий. В.Г. Короленко в Полтаве. – В кн.: «О голоде».

В этой публикации кратко рассматривается тема «Короленко и полтавская интеллигенция. Участие Короленко в общественной жизни Полтавы».

2. Имшенецкий Я.К. «Памяти В.Г. Короленко». – В кн.: «Первая годовщина смерти В. Короленко». – (Полтава, 1922).

Издателем была общественная организация под названием «Лига спасения детей», в которой деятельно работал писатель и его дочь Софья.

В публикации Имшенецкого ярко выписан духовный

Галактионович вел в Полтаве довольно уединенный образ жизни. Но уйти от окружающей сутолоки жизни, от разнообразных ее выявлений, от горестей и радостей окружающих его людей, Владимир Галактионович не мог, так как для него это означало бы уйти от самого себя. И скоро двери Короленковской квартиры оказались широко открытыми.

По субботам в довольно просторной столовой небольшого домика на углу Александровской и Круглой улиц, где теперь выстроен большой двухэтажный дом бывшего Крестьянского банка, уже в первую зиму стало собираться довольно многочисленное общество. Здесь в непринужденной беседе обсуждались разнообразные вопросы: политические, литературные, общественные. В эти непринужденные разговоры и беседы за чашкой чаю, отражавшие все то, чем мы жили, и что нас волновало в то время, Владимир Галактионович умел вносить особое оживление и художественную яркость.

По характеру и приемам мышления, по способу изложения своих мыслей во Владимире Галактионовиче чувствовался, прежде всего, художник. Неоднократно он говорил о себе, что он не политик и не экономист, что в тонкостях политических и экономических программ он плохо разбирается.

И все же беседы с Владимиром Галактионовичем и о политических, и об экономических вопросах бывали в высокой степени интересны и поучительны. Он вносил в обсуждение этих вопросов особое освещение, ставил их на особую плоскость. Чаще всего по поводу того или другого вопроса он вспоминал какое-нибудь событие, какой-нибудь случай из своей жизни. И его яркий, образный рассказ об этом событии чрезвычайно жизненно освещал обсуждаемый вопрос, или какую-нибудь сторону этого вопроса.

Отвлеченные соображения и понятия вдвигались Владимиром Галактионовичем в фон живой действительности, из которой эти понятия получали плоть и кровь и яркую, живую окраску.

Иногда даже короткого замечания Владимира

облик В.Г. Короленко. Оба издания представляют собой подлинные раритеты. В этих работах Я.К. Имшенецкий, используя несколько конкретных фактов и событий в биографии писателя, приходит к интересным обобщениям. Заслуживают внимания его мысли о газете «Полтавщина», о жестокости и ее предотвращениях авторитетом Короленко. Особенно проникновенны его мысли о заветах всей жизни Короленко.

На пожелтевших от времени страницах круг авторов значителен равно, как и названия самих публикаций. Приведу часть из них:

- А. Дерман. Яркий свет правды и любви к человеку. Полтава. 25. 12.
- Гр. Коваленко. Спомін про великого громадянина.
- Я. Козаков. «Еврейский вопрос» в освещении В. Г. Короленко.
- Л. Круповецкий. В.Г. Короленко и дети.
- А. Кривинская. В.Г. Короленко у германских властей в Полтаве.
- И. Дорошев. На спомін В.Г. Короленка.
- Б. Сигалов. Из воспоминаний рабочего-печатника.
- Я. Повзнер. В малом – велик.
- Ф. Покровский. Александр III и Короленко (из журнала «Былое». 1918. № 13).

Этот своеобразный сборник открывался стихотворением Дмитрия Якубовича:

«Проснись, Макар! Ты помнишь поселенца,
Который близ тебя В убогой юрте жил, –
По нраву он тебе напоминал младенца
И сны твои выслушивать любил».

Тексты этих публикаций забыты, а ведь они во многом интересны, и потому приводятся полностью в специальном приложении.

- *Не старость и не лета, а горячее сердце и чуткая к чужому горю душа надломили организм В.Г.: слишком много в последние годы оказалось в жизни огня для восприимчивого сердца и горя для отзывчивой души.*
- *Всему есть предел в земной жизни….*
- *Шопенгауэр думал, что «смерть есть сон, в котором индивидуальность забывается; все же другое вновь пробуждается или лучше сказать, не засыпало». Так ли это трудно решить.*
- *Во всяком случае, смерть есть великая тайна, проникнуть в которую дух человеческий неудержимо стремился и стремится, несмотря на все неудачи этих стремлений. Если разум бессилен оправдать эти стремления, то он также бессилен и отстранить их. Очевидно, потребность проникновения в эту тайну коренится в самом существе человеческого духа.*
- *И растворилась ли полная духовной красоты индивидуальность души В.Г. Короленко в более обширном потоке духовного мирового начала и слилась ли с необъятным потоком или продолжает жить в каких-то иных, нам неведомых формах бытия, но и сейчас, через год после смерти, может быть, не с такой определенностью, как непосредственно после смерти, наша душа решительно отказывается примириться с тем, чтобы от В.Г. Короленко ничего не осталось в жизни из того, что реально жило в нем».*

2

Я. Имшенецкий. – В сб. О голоде.

В.Г. Короленко в Полтаве.

«Владимир Галактионович Короленко поселился в Полтаве летом 1900 года. Переселился он в Полтаву, рассчитывая уйти от петербургской сутолоки и суеты, в надежде, что в тихой Полтаве он сможет больше уделять времени свой художественно-литературной работе. И, действительно, первое время Владимир

1

Памяти В.Г. Короленко. Первая годовщина смерти.

- *«Все, что совершается в жизни, подчинено « закону достаточного основания», всё имеет свои причины и все может быть объяснено. Но кроме холодного разума, познающего эти причины, людям дано и трепетное сердце, дана « воля жизни», оценивающая и направляющая эту жизнь.*
- *Роль и влияние разума и сердца на склад той или другой индивидуальной жизни не одинаковы: у одних характер жизни определяется преимущественно указаниями разума, у других – велениями сердца.*

В.Г., несомненно, принадлежал ко второму типу: не вопросы познания и объективного постижения мира владели его настроениями, не они направляли устремления его великой души; эти вопросы, конечно, не были совершенно чужды, но преимущественное внимание он отдавал не им, а вопросам справедливости, вопросам людских отношений.

- *Не столько устремления к холодной истине, сколько жажда водворения в жизни правды и человечности определяли жизненный путь В.Г.*
- *И в своей художественно-литературной деятельности он был прежде всего моралистом, в том смысле, что вопросы правды и человечности он ставил в центре своего художественного внимания.*
- *Горячая отзывчивость В.Г. на эти именно вопросы, однако, очень часто отвлекала его от его художественной работы, и он шел навстречу и на посильную помощь, откладывая часто свою литературную работу до более благоприятного времени.*

Естественно, что В.Г. Короленко оказывался для очень и очень многих таким именно ближним: и к нему шло, много шло и за помощью, и за утешением, и за советом.

- *Много горя, много слез, а иногда и трогательных волнений приходилось В.Г. видеть и переживать. Много, очень много времени, а еще больше духовных сил отдавал*

в своей жизни В.Г. этому горю и этим общениям с ближними.

С душевным надрывом и гнетущим недоумением он стоял среди этой бушующей и беспощадной борьбы.

- *Почему должен и должен ли быть осужден рабочий за воровство принадлежностей из мастерской, не имеющий возможности иначе накормить своих детей? Если не должен, то почему надо оправдывать воровство?*
- *Почему вообще нужны казни людей, уже побежденных в борьбе и тем более стоящих вне этой борьбы, как ему казалось, и потому совершенно не опасных?*

На все это и на многочисленные другие «почему» у жизни имеются свои ответы. Но В.Г. требовал не объяснения, а оправдания, примирения на основе человечности и высшей правды. И не находя такого оправдания, он сам вмешивался в гущу страшной борьбы, постепенно все более и более растрачивая в ней остаток своих все слабеющих физических сил. Он не мог, не умел и сознательно не хотел стоять в стороне от той беспощадной борьбы, которая шла кругом, здесь около него.

- *Ни заботы близких людей, ни советы врачей, не могли устранить его от участия в этой борьбе. Пока были хоть слабые силы, В.Г. Короленко с твердостью и мужеством подвижника оставался на своем посту. Но скоро сил не хватило….*
- *Многие, судя по его белой голове, белой бороде и старческой фигуре последних двух лет его жизни с недоумением и удивлением узнали, что умер В.Г. Короленко 68-ми лет.*

Между тем еще 10 лет тому назад мы с ним ездили на велосипедах по миргородскому уезду.

Я помню жаркий летний пасмурный день и толстый слой пыли на дороге возле села Зубовка.

Трудно было гнать велосипед по подушке из этой пыли и я, да и наш третий спутник – Шура Волькенштейн, с трудом поспевали за умелым и опытным велосипедистом, каким был В.Г. Короленко.